

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Н. И. ЕГОРОВА

СОВЕТСКО-
АМЕРИКАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
послевоенного
периода
в буржуазной
историографии
США

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

1981

В книге прослеживается эволюция буржуазной исторической мысли в области исследования советско-американских отношений послевоенного периода. Особое внимание уделено выявлению и оценке новых историографических направлений, критическому анализу наиболее распространенных концепций. Значительное место занимает освещение дискуссии американских буржуазных историков о перспективах развития советско-американских отношений.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Б. И. МАРУШКИН

ВВЕДЕНИЕ

Более четверти века послевоенной истории советско-американские отношения были отмечены состоянием «холодной войны», когда правящие круги США, одержимые идеей мировой гегемонии, возглавили попытки империалистических держав помешать развитию закономерных исторических процессов — образованию мировой социалистической системы, подъему и активизации революционных и национально-освободительных движений — с помощью политики «с позиции силы» и других агрессивных действий.

Советский Союз, руководствуясь во внешнеполитической деятельности ленинским принципом мирного сосуществования государств с различным общественным строем, с первых своих шагов на мировой арене придавал большое значение нормализации отношений с Соединенными Штатами Америки¹. В условиях решающего изменения соотношения сил в мире в пользу социализма неуклонный и последовательный курс СССР на укрепление мира и безопасности народов оказался тем важным фактором, который способствовал происходившему в начале 70-х годов повороту от «холодной войны» к разрядке напряженности, от военной конфронтации к мирному сотрудничеству.

Одним из главных достижений конструктивного развития отношений между США и СССР в первой половине 70-х годов, как и всего процесса разрядки, явились советско-американские документы, подписанные на высшем уровне в 1972—1974 гг. Важной вехой на пути развития отношений двух стран стало также Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, созыв и успешное проведение которого в немалой степени сделались возможными благодаря позитивным процессам, происшедшим в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки. Разрабатывавшаяся при администрациях Р. Никсона и Дж. Форда внешнеполитическая доктрина Соединенных Штатов в целом свиде-

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 209; т. 40, с. 152.

тельствовала о том, что в умонастроениях американской правящей элиты на рубеже 70-х годов наметился сдвиг в сторону реализма. Отношения с СССР рассматривались как одно из главных направлений международной политики США, признавалось их принципиальное значение для решения таких глобальных проблем, как устранение опасности возникновения термоядерной войны, сокращение гонки вооружений и др.

Однако ожесточенное сопротивление реакционных сил политике разрядки наряду с изменением внутривнутриполитического климата в США и обстоятельствами конъюнктурного порядка привело к тому, что со второй половины 70-х годов процесс отхода американских правящих кругов от установок «холодной войны» и перестройки советско-американских отношений на принципах мирного сосуществования стал заметно тормозиться. На рубеже 80-х годов, явно не желая считаться с реальностями современного мира, администрация Дж. Картера, поддерживаемая руководством стран НАТО, взяла курс на милитаризацию и подрыв политики разрядки, на активизацию силовых приемов в международных отношениях.

В обострившейся международной обстановке Советский Союз придерживается принципиальной позиции неуклонно следовать Программе мира, выдвинутой XXIV и XXV съездами КПСС, продолжать последовательную борьбу за мир и безопасность народов, не поддаваясь на провокации и давая отпор империалистическим притязаниям на достижение военного превосходства и осуществление мирового диктата. В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева на Пленуме ЦК, состоявшемся 23 июня 1980 г., подчеркнуто: «Мы и в дальнейшем не пожалеем сил, чтобы сохранить разрядку, все то доброе, что дали нам 70-е годы, добиться поворота к разоружению, поддержать право народов на свободное и независимое развитие, сберечь и упрочить мир»². На Пленуме ЦК КПСС была выражена глубокая убежденность в том, что имеются реальные предпосылки сохранить разрядку как доминирующую тенденцию международных отношений.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 июня 1980 г., М., 1980, с. 9.

Во внешнеполитической историографии США, тесно связанной с политической конъюнктурой, тема послевоенных советско-американских отношений выступает как особый и очень острый участок современной идеологической борьбы, специфика которой состоит в том, что «идейное противостояние двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»³. Для периода 60-х — середины 70-х годов, которым ограничивается данная монография, характерно повышенное внимание американских буржуазных исследователей к истории послевоенных отношений между США и СССР. Подобно тому как в эти годы в политических кругах США постепенно пробивала себе дорогу мысль о необходимости перестройки отношений с СССР на конструктивной основе, так и в буржуазной историографии, отражая остроту проблемы, развернулась полемика по вопросу развития двусторонних отношений.

Количество вышедшей в США научной литературы по международным отношениям и внешней политике, где рассматриваются взаимоотношения двух великих держав, олицетворяющих различные социальные системы, столь велико, что проанализировать ее в полном объеме не представляется возможным. В настоящей работе предметом анализа являются исторические исследования, хотя тенденция к усилению влияния политологии на современную буржуазную историческую науку, а также обращение к историческому материалу известных политологов не позволяют подчас разделить вклад историков и политологов в создание ряда концепций советско-американских отношений.

Американские буржуазные историки 60-х — середины 70-х годов, пытаясь вскрыть причины внешнеполитических затруднений Соединенных Штатов в послевоенном мире и изыскать возможные пути приспособления к новым условиям, широко обращались к анализу дипломатии администрации Г. Трумэна 1945—1949 гг., когда ради достижения мировой гегемонии США она отказалась от сложившегося в годы второй мировой войны сотрудничества с Советским Союзом и перешла к политике «холодной войны».

³ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 533.

Кризис политики «с позиции силы» и первые признаки смягчения международной напряженности в 60-е годы положили начало дискуссии в американской буржуазной историографии об альтернативе «холодной войне», которая, как это стало очевидно, была чревата опасностью мирового ядерного конфликта и отрицательно влияла на внутреннюю и внешнюю политику Соединенных Штатов. Постепенное развитие процесса разрядки усилило интерес американских буржуазных историков к теоретическим проблемам принципа мирного сосуществования государств с различными социальными системами, получавшего все большее признание на мировой арене. Эти проблемы рассматривались ими преимущественно с точки зрения советско-американских отношений.

Учитывая актуальность данных аспектов темы и отчетливо проступавшую в самой американской буржуазной историографии тенденцию, автор монографии сочла целесообразным уделить первостепенное внимание двум взаимосвязанным проблемам: освещению отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом в начале послевоенного периода (т. е. переход от сотрудничества к «жесткому курсу» и «холодной войне») и вопросу поиска американскими буржуазными историками возможной альтернативы этой американской политике.

Проблемный подход к анализу буржуазной историографии послевоенных советско-американских отношений сочетается с хронологическим, за исключением гл. I. Насыщенный важными событиями мирового масштаба и внутривнутриполитической жизни США 15-летний период не мог не повлиять на позиции одних и тех же ученых.

В работе ставилась задача на основе марксистско-ленинской методологии проследить, как по мере усиления дискредитации «глобализма» Соединенных Штатов происходила эволюция буржуазной исторической мысли в области изучения советско-американских отношений. При этом особое внимание уделялось выявлению и оценке историографических направлений, критическому анализу наиболее распространенных концепций послевоенной истории этих отношений. Многие концепции, порожденные десятилетиями «холодной войны», имеют и ныне весьма широкое хождение среди теоретиков антикоммунизма и антисоветизма, являясь идейной опорой противников политики разрядки.

К сказанному следует добавить, что в исследованиях американских буржуазных историков, посвященных теме советско-американских отношений, своеобразно преломился сложный и противоречивый процесс идейно-теоретической разработки правящими кругами США современного внешнеполитического курса. Изучение буржуазной историографии США по указанным проблемам позволяет сделать некоторые заключения и относительно состояния американской исторической науки в целом, проанализировать ряд новых тенденций, возникших в ней под воздействием коренных перемен на мировой арене.

Научное решение поставленных задач невозможно без тщательного изучения ленинских работ, которые содержат ценные для историка методологические указания и представляют собой образец партийности и непримиримости в полемике с буржуазными фальсификаторами. Работы В. И. Ленина, в которых он выдвинул и разработал принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем, содержат и фактический материал о миролюбивой внешней политике Советского государства с момента его образования.

Творческим подходом к развитию марксистско-ленинской теории проникнуты материалы и решения съездов КПСС, постановления Пленумов ЦК КПСС, документы международных Совещаний коммунистических и рабочих партий 1957, 1960, 1969 гг., выступления руководителей КПСС и Советского правительства, содержащие теоретические положения о характере современной эпохи, войне и мире, национально-освободительном движении и мировом революционном процессе, об особенностях современной идеологической борьбы и т. п. По определению В. И. Ленина, «только знание основных черт... эпохи может послужить базой для учета более детальных особенностей той или иной страны»⁴.

При написании работы был изучен широкий круг научной литературы и источников. Среди последних необходимо особо выделить такие фундаментальные издания, как публикации документов и материалов о внешней политике Советского Союза в последние военные и первые послевоенные годы, материалы конгресса

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 142.

США, официальные публикации документов госдепартамента за послевоенное пятилетие, а также мемуары и дневники американских политических деятелей.

* * *

Советская американистика насчитывает немало трудов, освещающих основные проблемы послевоенной истории советско-американских отношений. Прежде всего надо отметить такие многотомные издания, как «Международные отношения после второй мировой войны», «История международных отношений и внешней политики СССР», «История дипломатии», «История внешней политики СССР»⁵.

Исследованию советско-американских отношений послевоенного периода, преимущественно в аспекте изучения внешней политики США, посвящены монографии Н. Н. Иноземцева, В. Л. Израэляна, Г. А. Трофименко, Н. Н. Яковлева, Ю. М. Мельникова, Бор. Дмитриева, В. В. Журкина, В. И. Лана, Анат. А. Громыко, В. Ф. Петровского⁶, а также ряд статей и коллективных сборников⁷.

⁵ Международные отношения после второй мировой войны: В 3-х т./Гл. ред. Н. Н. Иноземцев. М., 1962—1965; История международных отношений и внешней политики СССР: В 3-х т./Отв. ред. В. Г. Трухановский. М., 1967. Т. 3; История дипломатии: В 5-ти т./Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1974. Т. V, кн. 1; М., 1979. Т. V, кн. 2; История внешней политики СССР: В 2-х т./Под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова. М., 1977. Т. 2 (1945—1976 гг.).

⁶ Иноземцев Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960; Израэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция, 1941—1945 гг. М., 1964; Трофименко Г. А. Стратегия глобальной войны. М., 1968; Он же. США: политика, война, идеология. М., 1976; Яковлев Н. Н. Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961; Он же. ЦРУ против СССР. М., 1980; Мельников Ю. М. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970; Он же. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974; Дмитриев Бор. США: политики, генералы, дипломаты. М., 1971; Журкин В. В. США и международно-политические кризисы. М., 1975; Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978; Громыко Анат. А. Внешняя политика США: уроки и действительность, 60-е — 70-е годы. М., 1978; Петровский В. Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980.

⁷ Арбатов Г. А. Советско-американские отношения в 70-е годы.— США — экон., полит., идеол., 1974, № 5; Трофименко Г. А. СССР — США: мирное сосуществование как норма взаимоотношений.— США — экон., полит., идеол., 1974, № 2; Висков С. И. Из истории

В историографическом плане проблемы послевоенных советско-американских отношений разрабатываются преимущественно в статьях и главах отдельных монографий⁸. Многие из них уделяют внимание выявлению методологических основ американской буржуазной литературы о «холодной войне» и советско-американских отношениях, анализируют целые историографические направления, однако не могут удовлетворить назревшую, на наш взгляд, потребность в изучении данной тематики на уровне монографических исследований. К настоящему времени проделанная советскими историками большая работа по изучению буржуазной историографии и критике враждебных марксистско-ленинской идеологии теорий и концепций (наряду с конкретно-историческими исследованиями) создает для этого все предпосылки.

Не имея возможности остановиться на всей заслуживающей внимания литературе, отметим основные работы. Монографии А. Е. Куниной и Б. И. Марушкина, И. М. Ивановой, В. Н. Келина, В. В. Кортунова, Г. Б. Хромушина, Г. А. Арбатова, В. М. Кулакова, А. И. Власова, В. Ларина⁹, посвященные исследованию

советско-американских отношений (1945—1948 гг.).— В кн.: Американский ежегодник. 1978. М., 1978, с. 94—115; Движущие силы внешней политики США. М., 1965; США: от «великого» к больному... М., 1969; «Доктрина Никсона». М., 1972.

⁸ Яковлев Н. Н. Эксперт по России Джордж Ф. Кеннан и уроки истории.— Ист. СССР, 1960, № 5; Игрицкий Ю. И. Извилистый путь американского советоведа (к характеристике взглядов Фредерика Льюиса Шумана).— Там же, 1963, № 5; Поляков В. Г. За прекращение «холодной войны», разоружение, «мирное сосуществование» и сотрудничество государств (по поводу ряда работ американских буржуазных авторов).— В кн.: Внешнеполитические проблемы современности (ответ зарубежным авторам). М., 1964, с. 102—128; Он же. Новейшие работы буржуазных авторов о «холодной войне».— Вопр. ист., 1965, № 5; Висков С. И. Американские историки и публицисты о «холодной войне».— Нов. и новейш. ист., 1967, № 7; Он же. Оценка советско-американских отношений в 1945—1949 гг. в исторических работах США.— В кн.: Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба. М., 1976, с. 193—231; Степанова О. Л. Историки «ревизионисты» о внешней политике США.— Вопр. ист., 1973, № 3; США: политическая мысль и история. М., 1976, ч. 1, гл. IV; Трофименко Г. А. Сквозь призму «баланса сил» критика советологических концепций советско-американских отношений.— В кн.: Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба, с. 35—74.

⁹ Кунина А. Е., Марушкин Б. И. Миф о миролюбии США. М., 1960; Кунина А. Е. Идеологические основы внешней политики США.

идеологических основ внешнеполитической деятельности США и идеологической борьбе в современных международных отношениях, имеют принципиальное значение при разработке данной темы. Эти же проблемы с точки зрения разоблачения идеологических мифов, которые лежали в основе антисоветского курса Соединенных Штатов, находят отражение в книгах А. Н. Яковлева, а также в статьях других советских историков¹⁰.

Исследование внешнеполитических проблем американской буржуазной историографии невозможно без общего представления о состоянии современной американской исторической науки и основных направлениях ее развития. Эта тема анализируется в статьях Н. Н. Болховитинова, В. Л. Малькова, Б. И. Марушкина, И. П. Дементьева, К. С. Гаджиева и Н. В. Сивачева и др.¹¹, а также в коллективных монографических трудах¹².

М., 1973; *Иванова И. М.* Мирное сосуществование и кризис внешнеполитической идеологии империализма США. М., 1965; *Келин В. Н.* Внешняя политика и идеология. М., 1969; *Кортюнов В. В.* Битва идей: (Идеологическая борьба на международной арене). М., 1969; *Хромушин Г. Б.* Развеемые мифы. Критика доктрины «американской исключительности». М., 1969; *Арбатов Г. А.* Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970; *Кулаков В. М.* Идеология агрессии. М., 1970; *Власов А. И.* В конфликте с реальностью. Кризис внешнеполитической пропаганды США. М., 1972; *Ларин В.* Международные отношения и идеологическая борьба. М., 1976.

¹⁰ *Яковлев А. Н.* Идеинная ниццта аполлгетов «холодной войны». М., 1961; *Он же.* Идеология американской «империи». М., 1967; *Он же.* Рах Америкапа. Имперская идеология: истоки, доктрины. М., 1969; *Марушкин Б. И.* Антикоммунизм в американской историографии внешней политики СССР.— В кн.: Внешнеполитические проблемы современности, с. 57—80; *Он же.* Идеологические основы внешней политики США.— *Международ. жизнь*, 1966, № 11; *Давыдов Ю. П., Лукин В. П.* Идеологические аспекты внешней политики США.— США — экон., полит., идеол., 1971, № 5; *Игрицкий Ю. И.* Буржуазная советология в современной борьбе идей.— *Вопр. ист.*, 1979, № 11, и др.

¹¹ *Болховитинов Н. Н.* Современная американская историография: новые течения и проблемы.— *Нов. и новейш. ист.*, 1969, № 6; *Мальков В. Л.* К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии: (Кризис методологических основ и практика конкретных исследований).— В кн.: Критика современной буржуазной и реформистской историографии. М., 1974, с. 110—118; *Марушкин Б. И.* О роли исторической науки в современном буржуазном обществе.— *Нов. и новейш. ист.*, 1975, № 3; *Дементьев И. П.* Основные направления и школы американской историографии послевоенного времени.— *Вопр. ист.*, 1976, № 11; *Гаджиев К. С., Сивачев Н. В.* О междисциплинарном подходе в современной историогра-

Как показывают работы последнего десятилетия, советские специалисты весьма плодотворно изучают теоретические проблемы внешнеполитической историографии США. Исследования А. А. Каренина о «политическом реализме»¹³, проведенный коллективом авторов фундаментальный анализ основных буржуазных теорий международных отношений (в том числе американских)¹⁴, книга В. Ф. Петровского, раскрывающая процесс создания и функционирования современных внешнеполитических концепций США¹⁵, дают необходимое представление о ведущих направлениях в буржуазной историографии по вопросам послевоенной внешней политики США и международных отношений, без чего невозможен анализ американской литературы о советско-американских отношениях. Этим же задачам отвечают многие статьи советских американистов, посвященные теоретическим и идеологическим аспектам разработки в США внешнеполитических проблем и международных отношений¹⁶.

фин США.— *Нов. и новейш. ист.*, 1977, № 6; *Они же*. Проблемы междисциплинарного подхода и «новой научной» истории в современной американской буржуазной историографии.— В кн.: *Вопросы методологии и истории исторической науки*. М., 1978, вып. 2, с. 110—163.

¹² Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1967; Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1976; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968; Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.

¹³ Каренин А. *Философия политического насилия*. М., 1971; *Он же*. О школе «политического реализма». — В кн.: *Американская историография внешней политики США*. М., 1972, с. 56—91; *США: политическая мысль и история*. М., 1976, ч. 1, гл. III.

¹⁴ *Современные буржуазные теории международных отношений*. М., 1976; *Современные внешнеполитические концепции США*. М., 1977.

¹⁵ Петровский В. Ф. *Американская внешнеполитическая мысль*. М., 1976.

¹⁶ Петров В. Ф. Современная американская литература по вопросам международных отношений и внешней политики США.— *Вопр. ист.*, 1967, № 3; Мельников Ю. М. О разработке в США проблем международных отношений и внешней политики.— *Нов. и новейш. ист.*, 1971, № 3; Елецкий А. Г. Сущность «политического идеализма». — В кн.: *Американская историография внешней политики США*, с. 91—115; Мурадян А. А. О «модернистском» и «традиционалистском» направлениях.— Там же, с. 116—133; *Он же*. Концепция «идеализма» во внешней политике США.— *Вопр. ист.*, 1974, № 11; Трофимов Г. А. Теория «баланса сил» и реальные противоречия между империализмом и социализмом на мировой арене.— *Ист. СССР*, 1972, 1; Петровский В. Ф. Новые тенденции в американских буржуаз-

Ряд исследований содержит развернутую критику буржуазных концепций о развитии советско-американских отношений в послевоенном мире. В первую очередь здесь следует назвать историографические главы уже упоминавшегося трехтомника «Международные отношения после второй мировой войны»¹⁷, где разоблачаются буржуазная фальсификация советской внешней политики и апологетика послевоенного внешнеполитического курса американского империализма.

В комплексном исследовании Б. И. Марушкина¹⁸, посвященном анализу американской буржуазной историографии советского общества, ее методологии и методики, имеется материал об американской буржуазной историографии советско-американских отношений, ее главных школах, представителях, дается аргументированная критика буржуазных концепций о происхождении «холодной войны». Работа С. И. Сосинского о Ялтинской конференции и политической борьбе вокруг ее решений¹⁹ представляет в истинном свете те американские буржуазные концепции, которые связывают ухудшение советско-американских отношений с последней конференцией союзников в военные годы.

Особо можно выделить внешнеполитические исследования (чаще всего историографического характера), которые в связи с изучением послевоенной политики США в различных регионах подвергают критическому рассмотрению буржуазные концепции советско-американских отношений. К этой группе принадлежит исследование С. И. Аппатовым американской буржуазной историографии германской проблемы и послевоенной политики США в Европе²⁰. Статьи И. И. Орлика, Ю. П. Да-

ных концепциях международных отношений.— Нов. и новейш. ист., 1975, № 1; *Он же*. О современных внешнеполитических концепциях США.— США — экон., полит., идеол., 1977, № 8, и др.

¹⁷ Международные отношения после второй мировой войны: В 3-х т. М., 1962, т. 1 (1945—1949 гг.), гл. XXVII; М., 1965, т. 3 (1956—1964 гг.), гл. XXXV.

¹⁸ *Марушкин Б. И.* История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969.

¹⁹ *Сосинский С.* Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М., 1970.

²⁰ *Аппатов С. И.* Американская буржуазная историография германской проблемы. М., 1966; *Он же*. Политика США в германском вопросе после второй мировой войны.— В кн.: Американская историография внешней политики США, с. 170—211; *Он же*. США и

выдова, С. И. Большакова рассматривают интересующую нас проблему сквозь призму восточноевропейской политики США²¹.

Что касается анализа и критики советскими историками буржуазных трактовок принципа мирного сосуществования и политики разрядки, то они представлены в ряде статей и главах некоторых монографических исследований²².

Следует подчеркнуть, что исследование с марксистских позиций послевоенной политики США в отношении Советского Союза и буржуазной историографии данной проблемы развивается и в самих Соединенных Штатах. Важное значение имеют работы У. Фостера, Г. Холла, Г. Аптекера и некоторых других американских марксистов²³.

Европа: общие проблемы американской континентальной политики. М., 1979.

²¹ Орлик И. И. Политика США в отношении стран Восточной Европы (1945—1960).— В кн.: Американская историография внешней политики США, с. 134—152; Давыдов Ю. П. О новых тенденциях восточноевропейской политики США.— Там же, с. 153—178; Большаков С. И. Некоторые аспекты политики США в отношении социалистических стран Европы в американской буржуазной историографии (1969—1977 гг.).— В кн.: Американский ежегодник. 1979. М., 1979, с. 247—250.

²² Мирное сосуществование — ленинский курс внешней политики Советского Союза. М., 1960, гл. VIII; Трухановский В. Г. Принцип мирного сосуществования и его буржуазные критики.— *Вопр. ист.*, 1963, № 7; Международные отношения после второй мировой войны, т. 3, гл. XXXV, § 3; Иванова И. М. Указ. соч., гл. III, IV, VI; Алахвердов Г. Г., Кольцов П. С. Фальсификация принципов советской внешней политики американскими идеологами антикоммунизма.— *Вопр. ист. КПСС*, 1966, № 5; Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях, гл. IV; Чубарьян А. О. Мирное сосуществование государств с различным социальным строем.— *Нов. и новейш. ист.*, 1975, № 4; Он же. Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976, с. 129—152; Марушкин Б. И. Мирное сосуществование и эволюция американской историографии.— В кн.: Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба, с. 135—160; Современные буржуазные теории международных отношений, гл. V; Трофименко Г. А. Американский подход к мирному сосуществованию (история и перспективы).— *США—экон., полит., идеол.*, 1978, № 6, 7; Современные внешнеполитические концепции США, гл. IV; Подлесный П. Т. Американские концепции развития отношений с СССР. М., 1980, и др.

²³ Фостер У. З. Очерк политической истории Америки. М., 1955; Он же. Закат мирового капитализма. М., 1959; Холл Г. Покончить с «холодной войной». М., 1963; Он же. Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974; Hall G. The Struggle for

Необходимость систематизации уже имеющегося в советской историографии материала и дальнейшего углубленного изучения обширной исторической литературы, изданной в Соединенных Штатах по вопросу послевоенных советско-американских отношений, диктуется не только актуальностью самой тематики. Взгляд на внешнюю политику США в отношении Советского Союза в аспекте историографии дает более развернутую картину противоречивых поисков новых направлений американской политики в меняющемся мире.

the Détente.— Political Affairs, 1974, Jul.; *Idem.* The Big Stakes of Detente. New York, 1974; *Анрекер Г.* Внешняя политика США и «холодная война». М., 1963; *Aptheker H.* Cold War Liars and New Historians.— Political Affairs, 1971, Aug.; *Idem.* Anti-communism and History Writing in the USA.— Political Affairs, 1978, Dec.

Глава I

У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ ПОСЛЕВОЕННОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ФОРМИРОВАНИЕ ОФИЦИОЗНОГО И КРИТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЙ

Прежде чем приступить к конкретному анализу различных школ и направлений, занимавшихся в 60-е — середине 70-х годов послевоенными советско-американскими отношениями, необходимо рассмотреть те факторы, которые воздействовали на становление и развитие американской буржуазной историографии данной проблемы.

Обращаясь к генезису историографии послевоенных советско-американских отношений, следует указать на влияние двух взаимосвязанных процессов: с одной стороны, развертывание правящими кругами США «холодной войны», а с другой — нарастание закономерных изменений в области исторического исследования.

Переход США к глобальной внешнеполитической стратегии (принятие «ответственности за руководство миром», о чем Г. Трумэн официально объявил в послании конгрессу 19 декабря 1945 г.¹) отразился на тех требованиях, которые истеблишмент предъявлял к американской исторической науке. Наряду со своей главной социальной функцией — обоснование и защита капиталистического строя — она была мобилизована на широкую идеологическую обработку масс в духе реакционного внутри- и внешнеполитического курса. Перед историками была поставлена задача — снабдить правящие круги необходимыми данными для мотивировки международной активности США, прежде всего их враждебности по отношению к СССР, а также для теоретической разработки основ внешней политики и ее прогнозирования.

В плане идеологическом от исторической науки в основном требовалась пропаганда антикоммунизма. Об

¹ Congressional Record, 79th Congress, 1st Session, vol. 91, Pt 9, p. 12398.

этом прямо писал известный идеолог антикоммунизма Дж. Бэрнхэм, который в 30-е годы яростно выступал против философии марксизма, а после окончания второй мировой войны стал не менее ревностным защитником идеи «мира по-американски»². По его мнению, эффективное осуществление национальной политики Соединенных Штатов нуждалось в усилении антикоммунистической обработки масс. «Распространенный среди американской общественности антикоммунизм,— писал Бэрнхэм,— в целом является все еще поверхностным, не наполненным фактами»³. Грубое извращение сути социалистического строя и советской внешней политики в работах самого Бэрнхэма наглядно свидетельствовало о характере той информации, с помощью которой в США раздувалась антикоммунистическая и антисоветская кампания.

В послевоенном американском обществе пропорционально увеличению удельного веса исторической науки возросло и давление на нее господствующих идеологических и политических установок, требовавших от исследователя подчинения его научных интересов официальным догмам⁴. В качестве философской основы для конструирования антиисторических схем широкий простор давали субъективно-идеалистические течения неокантианства, неопозитивизма и прагматизма, отрицавшие наличие общих закономерностей в исторической науке. Поэтому не случайно с конца 40-х — середины 50-х годов в американской исторической мысли обострилась начавшаяся в 30-х годах критика позитивистской историографии, которая, несмотря на пренебрежительное отношение к философии, сведение социальных процессов к естественным, уделяла внимание социально-экономическим факторам, признавала закономерный и прогрессивный характер общественного развития.

Ярким воплощением усиливавшегося субъективизма и релятивизма в историческом познании явилась презентистская интерпретация истории. Из философии прагматизма, питавшей многие теории американской буржуазной историографии, историками было воспринято

² Burnham J. The Struggle for the World. New York, 1947.

³ Burnham J. The Coming Defeat of Communism. New York, 1950, р. 140.

⁴ Марушкин Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969, с. 17—105.

положение Дж. Дьюи, в котором история отождествлялась с современным мышлением о прошлом. Презентизм отрицает принцип историзма, он разрывает объективные взаимосвязи исторических фактов и процессов и сводит их к субъективным построениям, удобным для господствующего класса. «Материалистическая диалектика,— подчеркивал советский исследователь И. С. Кон,— решительно осуждает всякую модернизацию истории, стирающую качественную грань между прошлым и настоящим. Высшая форма общества, из которой историк исходит, помогает понять низшую при том условии, что прослеживается линия развития, включающего в себя не только преемственность, но и количественные и качественные различия»⁵.

В атмосфере «холодной войны» методология презентизма вела к превращению исторической науки в инструмент пропаганды антикоммунизма. Именно в таком плане мыслил себе социальные обязанности ученого президент Американской исторической ассоциации К. Рид, заявивший в конце 1949 г., что история должна переписываться в соответствии с политической конъюнктурой. «Изменение интерпретации прошлого,— по его словам,— является скорее всего не результатом открытия новых фактов, а следствием наложения новой трактовки на старые факты»⁶.

Ссылаясь на опасность «угрозы коммунизма», К. Рид требовал от историков ортодоксальности взглядов, отказа от либерального нейтрализма⁷. О том, как расценивалась в этот период деятельность американских буржуазных историков официальными кругами, свидетельствует письмо Г. Трумэна ежегодной конференции Американской исторической ассоциации (1950), где президент призывал ученых США помочь в борьбе против коммунизма⁸.

Конечно, далеко не все буржуазные историки разделяли методологию презентизма и основанный на ней призыв к «ревизии» прошлого. С решительным осуждением субъективистско-презентистско-релятивистской те-

⁵ Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959, с. 245.

⁶ Read C. The Social Responsibilities of Historian.— American Historical Review, 1950, Jan., p. 281.

⁷ Ibid., p. 283.

⁸ Ibid., 1951, Apr., p. 711.

ории истории выступил в 1950 г. на страницах «Американ историкал ревью» проф. Ч. Дестлер⁹. В конце 40-х — начале 50-х годов «переписывание» истории особенно распространилось на ставшую наиболее актуальной внешнеполитическую историографию Соединенных Штатов. На этот период приходится расцвет так называемой школы «неоревизионистов»¹⁰, приступивших к пересмотру оценок внешней политики Ф. Рузвельта, используя субъективно-идеалистические установки презентизма¹¹. Утрируя изоляционистские взгляды основоположника «неоревизионизма» Ч. Бирда на дипломатию периода «нового курса»¹², его главные представители Дж. Моргенштерн, Ч. Тэнзил, Х. Болдуин и др.¹³ утверждали, что во внешнеполитическом курсе Ф. Рузвельта были допущены крупные просчеты, главный из которых состоял в том, что не было достигнуто соглашение с агрессивными державами против СССР.

Под влиянием политики «глобализма», «холодной войны» и маккартизма буржуазные историки первого послевоенного десятилетия постепенно отходят от установок «прогрессистской школы», которая рассматривала

⁹ *Destler Ch. Some Observations on Contemporary Historical Theory.* — *Ibid.*, 1950, Apr., p. 503—529.

¹⁰ В тот период под этим термином подразумевалось отличие от «ревизии» 20—30-х годов, когда шла дискуссия о виновниках первой мировой войны и причинах вступления в нее США. См.: *Наджафов Д. Г. Европейская политика США.* — В кн.: *Европа в международных отношениях, 1917—1939.* М., 1979, с. 274—275. Подробнее вопрос о феномене «ревизионизма» в американской буржуазной историографии будет рассмотрен впереди.

¹¹ См. подробнее: *Марушкин Б. И., Яковлев Н. Н. Историки американской «новой школы» об участии США во второй мировой войне.* — *Вопр. ист.*, 1956, № 7; *Они же. Вопрос о взаимоотношениях СССР и США в период второй мировой войны в американской буржуазной историографии.* — *Нов. и новейш. ист.*, 1957, № 3; *Рожневский О. А. Война и история: (Буржуазные историки США о второй мировой войне).* М., 1976, с. 66, 67.

¹² *Beard Ch. American Foreign Policy in the Making, 1932—1940.* Yale, 1946; *Idem. President Roosevelt and the Coming of the War 1941.* Yale, 1948. См. также: *Дементьев И. П. Об исторических взглядах Ч. Бирда.* — *Вопр. ист.*, 1957, № 6, с. 147—163; *Он же. Американская историография гражданской войны в США.* М., 1963, с. 207—231; *Kennedy Th. Charles A. Beard and American Foreign Policy.* Gainesville, 1975.

¹³ *Morgenstern G. Pearl Harbour.* New York, 1947; *Baldwin H. The Great Mistakes of the War.* New York, 1948; *Tansill Ch. Back Door to War. Roosevelt Foreign Policy, 1933—1941.* Chicago, 1952; *Perpetual War for Perpetual Peace/Ed. by H. Barnes.* Caldwell, 1953.

прошлое США с позиций экономического детерминизма и признавала наличие конфликтов в американской истории. В буржуазной историографии утверждается теория «консенсуса» (или «согласованных интересов») ¹⁴. По словам американской исследовательницы Мариан Мортон, суть произошедшего пересмотра «устаревшей и навязной» буржуазно-реформистской концепции «прогрессистов» состояла в том, что «прогрессистский вариант прошлого как непрерывного конфликта, движущегося к политической демократии, был отброшен и отличительной чертой либеральной историографии стал акцент на американском консенсусе, стабильности и исключительности» ¹⁵.

Теории бесконфликтного социального развития США («консенсуса») и «преемственности» («континуитета»), заостренные против классовой борьбы и радикализации масс, служили не только целям поддержания статус-кво в стране, но и вносили свою лепту в раздувание исторических мифов об американской «исключительности» и «моральных обязательствах» Америки по отношению к мировой «демократии».

Усиливавшиеся политизация и идеологизация американской буржуазной исторической науки в послевоенный период нашли свое сфокусированное отражение в такой животрепещущей проблеме, как развитие взаимоотношений Соединенных Штатов и Советского Союза. Принципиальное значение имел и тот факт, что становление послевоенной американской буржуазной историографии советско-американских отношений происходило при непосредственном участии государственных и политических деятелей администрации Г. Трумэна, перу которых принадлежала большая часть работ по проблемам «холодной войны» (статьи, очерки, выступления, мемуары, дневники и т. д.). Важно подчеркнуть, что в правитель-

¹⁴ Болховитинов Н. Н. Современная американская историография: новые течения и проблемы. — Нов. и новейш. ист., 1969, № 6, с. 117—120; Гаджиев К. С. К критике одной буржуазной концепции истории США. — Там же, 1975, № 4, с. 164—181; Мальков В. Л. К вопросу о современном состоянии американской буржуазной историографии. — В кн.: Критика современной буржуазной и ревизионистской историографии. М., 1974, с. 110—118; Деметьев И. П. Основные направления и школы в американской историографии послевоенного времени. — Вопр. ист., 1976, № 11, с. 72.

¹⁵ Morton M. The Terrors of Ideological Politics. Liberal Historians in a Conservative Mood. Cleveland; London, 1972, p. 20—21.

ственных кругах возникла не только официальная версия о развитии американо-советских отношений, но и критическая оценка дипломатии Трумэна. С ней выступили отдельные представители администрации и конгресса, несогласные с тактическими приемами внешнеполитического «глобализма» США.

Усилиями многих противников рузвельтовского курса на сотрудничество с СССР в годы второй мировой войны уже была создана определенная идейно-теоретическая база для последующего обоснования «жесткого курса» и «холодной войны»¹⁶. Но если в период второй мировой войны авторы «программных» работ (по вполне очевидным причинам) избегали представлять Советский Союз как угрозу национальной безопасности США, то после ее окончания идея американской мировой гегемонии дополнилась избитым пропагандистским мифом, к которому со времени Великой Октябрьской социалистической революции неизменно прибегала буржуазия для оправдания своих антикоммунистических и антисоветских замыслов. Миф о «советской (или коммунистической) угрозе» как главное средство давления на настроения американской общественности, в целом испытывавшей дружественные чувства к своему доблестному союзнику, и как важный аргумент в обосновании глобальной стратегии американского империализма начал активно применяться в процессе развязывания «холодной войны» и стал ее неотъемлемым элементом.

Действительно, положение дел в послевоенном мире складывалось совсем не так, как рассчитывали американские правящие круги. Закономерным итогом второй мировой войны явилось ослабление позиций мирового капитализма. В результате освободительной борьбы народов с фашистскими захватчиками в странах Восточной Европы произошли глубокие демократические преобразования, значительно укрепились позиции антифашистских, демократических сил в некоторых государствах Западной Европы, расшатывалась колониальная система. Роль Советского Союза в победе над фашистской Германией, его миролюбивая внешняя политика и поддержка революционных и национально-освободительных движений высоко подняли международный ав-

¹⁶ Международные отношения после второй мировой войны: В 3-х т. Т. 1 (1945—1949 гг.). М., 1962, с. 665—673.

торитет Советского государства. Как отмечалось в Заявлении МИД СССР о Североатлантическом пакте (от 29 января 1949 г.), сделанном в связи с подготовкой агрессивного блока НАТО, «само существование Советского Союза с его растущей мощью и международным авторитетом, а также оказываемая ему могучая поддержка демократических сил в других странах, является непреодолимым препятствием на пути всех и всяких планов установления мирового господства тех или иных держав»¹⁷. Американские же буржуазные идеологи изображали экспансионистские действия империализма США как «ответ на агрессивные замыслы» Советского Союза, якобы нацеленные на насильственное ниспровержение капиталистической системы.

Поворот от реалистической политики Ф. Рузвельта к «жесткой» линии в американско-советских отношениях наметился в администрации Г. Трумэна фактически с первых дней ее прихода к власти. Во главе нового кабинета оказался политик, чьи взгляды совпадали с настроениями агрессивных кругов, стремившихся воспользоваться возросшей военно-экономической мощью США в интересах американского экспансионизма и подчинить ему всю внешнеполитическую стратегию. По свидетельству Э. Стеттиниуса, бывшего тогда государственным секретарем, уже на другой день после смерти Ф. Рузвельта новый президент, высказываясь о взаимоотношениях с СССР, подчеркнул необходимость быть более твердым со своим союзником¹⁸. Такая позиция была впервые продемонстрирована Трумэном на встрече с министром иностранных дел СССР 23 апреля 1945 г., когда американский президент предъявил ультимативные требования советскому представителю при обсуждении вопроса о составе будущего правительства Национального единства в Польше¹⁹. Угроза отказаться от сотрудничества с СССР, если не будут выполнены англо-американские требования относительно данного вопроса, отразилась и в официальном документе, врученном министру иност-

¹⁷ Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1949 год. М., 1953. с. 58.

¹⁸ The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943—1946/Ed. by T. Campbell, G. Herring. New York, 1975, p. 318.

¹⁹ Truman H. Memoirs. Vol. I. Year of Decision. New York, 1955, p. 80—82.

ранных дел СССР на этой же встрече для передачи главе Советского правительства²⁰.

В русле «жесткости» рассматривалась и политика помощи Советскому Союзу. Окончание войны в Европе требовало изменения всех программ ленд-лиза, но американские официальные лица были прежде всего обеспокоены продолжением поставок в СССР. Советники президента рекомендовали ему использовать ленд-лиз в качестве инструмента для получения политических уступок от Советского Союза (по принципиальной проблеме реорганизации Временного польского правительства и некоторым другим). На вопрос Стеттиниуса о том, как Трумэн оценивает предложение об ужесточении политики ленд-лиза, последний ответил: «Я всецело согласен с ним»²¹. Результатом явились внезапное прекращение 12 мая 1945 г. всех поставок Советскому Союзу по ленд-лизу и возвращение уже находившихся в море американских кораблей. И хотя приказ относительно поставок, необходимых для ведения войны с милитаристской Японией, позже был пересмотрен, тем не менее этот шаг обострил советско-американские отношения. На многих политических деятелей Вашингтона и участников проходившей в апреле — июне 1945 г. в Сан-Франциско конференции по вопросу о создании ООН этот факт произвел отрицательное впечатление.

Иностранных наблюдателей на этой конференции также насторожило ужесточение настроения и поведения некоторых членов американской делегации. В частности, сенатор-республиканец А. Ванденберг яростно нападал на решения Крымской конференции об устройстве послевоенного мира. Главной заботой сенатора на этом международном форуме являлось не укрепление международной безопасности и сотрудничества, а противодействие миролюбивой политике Советского Союза и, как он записал в дневнике, стремление «положить конец умиротворению красных, пока не будет слишком поздно»²².

²⁰ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976, т. 2, с. 233—234.

²¹ The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., p. 358.

²² Цит. по: Yergin D. Shattered Peace. Boston, 1977, p. 99.

К началу 1946 г. тенденция говорить со своим союзником с помощью «железного кулака» и «сильных высказаний» стала официальной линией американской внешней политики. Настроения, преобладавшие в высших правящих сферах США, вполне отражал адресованный государственному секретарю Дж. Бирнсу меморандум Трумэна от 5 января 1946 г. Высказывая неодобрение по поводу компромиссных решений Московского совещания министров иностранных дел США, Англии и СССР о подготовке мирных договоров с пятью бывшими союзниками фашистской Германии (декабрь 1945 г.), американский президент откровенно заявлял о пересмотре рузвельтовского курса на сотрудничество с Советским Союзом. «Мой меморандум Бирнсу,— писал Трумэн в мемуарах,— ...был точкой, от которой начался отход нашей политики. „Я устал нянчиться с Советами“, сказал я Бирнсу, имея в виду именно это»²³. Глашатаем новой официальной позиции Вашингтона в тот период явился Бирнс, остававшийся на посту государственного секретаря (несмотря на выраженное президентом недовольство его деятельностью) пока продолжались начатые в Москве переговоры о мирных договорах. В ответ на обвинение представителей республиканской партии Дж. Ф. Даллеса и Ванденберга в том, что правительство будто бы проводит политику «умиротворения русских», государственный секретарь выступил с конца февраля 1946 г. с серией речей, которые, по его признанию, «были правильно интерпретированы как отражающие более жесткий курс в отношении Советского правительства». В развернутом пропагандистском походе против Советского Союза, по свидетельству того же Бирнса, широко использовались ежедневные пресс-конференции и выступления представителей госдепартамента²⁴.

Речь У. Черчилля в Фултоне (штат Миссури) 5 марта 1946 г., предварительно одобренная Г. Трумэном и произнесенная в его присутствии, вполне отвечала новым внешнеполитическим установкам. Она внесла существенный вклад в идеологическую разработку стратегии «холодной войны». Выступление Черчилля, изобилующее домыслами о советском «тоталитаризме» и

²³ *Truman H. Memoirs*, vol. I, p. 552.

²⁴ *Byrnes J. Speaking Frankly* New York; London, 1947, p. 255, 256.

«экспансионизме»²⁵, призывало к созданию англо-американского военно-политического блока против Советского Союза, против всех революционных и прогрессивных сил, что было справедливо оценено Советским правительством как «установка на войну, призыв к войне с СССР»²⁶.

Реакционный миф о «советской угрозе» распространялся все больше по мере дальнейшего отхода Соединенных Штатов от сотрудничества с СССР. В июне 1946 г., когда «жесткий курс» стал основой взаимоотношений США с Советским Союзом, на страницах журнала «Лайф» появилось программное заявление Даллеса (тогда главного внешнеполитического эксперта республиканской партии) «Мысли о советской внешней политике и связанных с этим действиях»²⁷. Внешнеполитический курс СССР в ней назывался «угрозой миру и безопасности». Даллес призывал США противодействовать советской политике, создать «санитарный кордон» на границах с Советским Союзом, укреплять американские вооруженные силы.

Заголовки американской прессы все чаще возвещали не только об «угрозе», будто бы нависшей над Соединенными Штатами, но и о необходимости мобилизации всех сил для «защиты» национальной безопасности. Б. Барух (возглавлявший делегацию США в атомной комиссии ООН) свидетельствовал в мемуарах: «...в 1947 г. я публично требовал мобилизации наших экономических, политических и духовных ресурсов»²⁸.

Определенным этапом на пути превращения мифа о «советской угрозе» в господствующую официальную догму явились попытки отождествить советский социалистический строй с тоталитарным режимом фашистской Германии (эта тенденция возникла в конце 30-х годов в связи с подписанием советско-германского Пакта о ненападении и заглохла в период антигитлеровской коалиции). В 1946 г. публицист Г. Мэтьюз в статье «Фашизм не умер...» счел возможным провести анало-

²⁵ The Cold War. A Book of Documents/Ed. with an Introd. by H. Trefousse. New York, 1965, p. 75, 78, 80, 81.

²⁶ Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1946 год. М., 1952, с. 48.

²⁷ Dulles J. Thoughts on Soviet Foreign Policy and What to do about it. New York, 1946.

²⁸ Baruch B. The Public Years. New York, 1962, p. 368.

гию между СССР и гитлеровской Германией²⁹. И это говорилось о стране, которая вынесла на своих плечах главную тяжесть в борьбе с фашизмом! 12 марта 1947 г. в президентском послании конгрессу о выделении 400 млн. долл. для помощи Греции и Турции, ставшем известным как «доктрина Трумэна», уже официально говорилось об угрозе со стороны «тоталитарных» режимов, якобы нависшей над «свободным миром»³⁰. В том же духе были фальсифицированы и изданные госдепартаментом в 1948 г. документы о советско-германских отношениях в 1939—1941 гг. О связанных с этим пропагандистских замыслах организаторов антисоветской кампании свидетельствует одна из секретных телеграмм посольства США в Москве, направленная в июне 1947 г. государственному секретарю. Готовящаяся публикация, говорилось в ней, должна отразить «советские агрессивные намерения в сотрудничестве с Гитлером, которые совпадают в основном с целями Советского Союза сегодня»³¹. После окончания второй мировой войны в американский политический лексикон был введен термин «красный фашизм»; концепция «тоталитаризма» стала широко использоваться буржуазными идеологами для клеветы на социализм, обоснования мнимой опасности со стороны СССР, отвлечения внимания от главного источника послевоенной международной напряженности — империализма.

Это нагнетание страха и милитаризма, проводившееся усилиями буржуазных идеологов, среди которых были профессиональные историки, и всеми средствами массовой информации, оказало определенное воздействие на общественное мнение. «В конце 1945 г., по данным исследовательского центра по изучению общественного мнения, возможность войны допускали 32% опрошенных. Через год процент увеличился до 41, а к концу 1947 г. — до 63»³². В сложившейся подобным образом

²⁹ Цит. по: *Adler L., Paterson T. Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in American Image of Totalitarianism 1930's—1950's.*— *American Historical Review*, 1970, Apr., p. 1046.

³⁰ *Documents of American History*/Ed. by H. Commager. New York, 1968, p. 705.

³¹ *Foreign Relations of the United States, 1947.* Washington, 1972, vol. IV, p. 569. См. также: *Pritt D. The State Department and the Cold War. A Commentary on its Publication Nazi-Soviet Relations 1939—1941.* New York, 1948.

³² *Кунина А. Е. Идеологические основы внешней политики США.* М., 1973, с. 40—41.

внутриполитической атмосфере администрация осмелилась перейти к еще более серьезным, чем проводившийся «жесткий курс», идеологическим и внешнеполитическим акциям в отношении Советского Союза: провозглашению «доктрины Трумэна», подготовке «плана Маршалла» (сформулированного в его речи 5 июня 1947 г. в Гарварде), разработке доктрины «сдерживания» коммунизма.

Особая роль в идеологическом обосновании «сдерживания» коммунизма — первой стратегической доктрины «холодной войны» — принадлежала известному американскому дипломату и политику Дж. Кеннану, сформулировавшему основные положения этой доктрины в известной статье «Источники советского поведения»³³. В 1945—1946 гг. Кеннан являлся поверенным в делах посольства США в Москве. В момент перехода правящих кругов США к политике «жесткого курса» взглядами Кеннана на советско-американские отношения заинтересовался агрессивно настроенный военно-морской министр Дж. Форрестол. В частности, его внимание привлекло секретное послание Кеннана из Москвы от 22 февраля 1946 г., так называемая «длинная телеграмма». Ее автор настойчиво убеждал руководителей госдепартамента в невозможности модус вивенди с Советским Союзом, якобы стремившимся к мировому господству, и в необходимости, среди прочих мероприятий, противодействовать этой политике силой³⁴. Вернувшись в Вашингтон, Кеннан, по просьбе Форрестола, переработал свои комментарии к статье проф. Э. Уиллета, доверенного лица министра, и сделал новую самостоятельную работу, представленную Форрестолу в январе 1947 г. Ее окончательный вариант и был напечатан в том же журнале под псевдонимом «Х».

То, что статья шла под псевдонимом, было не случайным. К тому времени Кеннан встал во главе созданной при госдепартаменте (в мае 1947 г.) группы планирования политики, которая в числе своих первых разработок по вопросам советско-американских отношений представила правительству США рекомендации, развивав-

³³ X. [Kennan G.] The Sources of Soviet Conduct.— Foreign Affairs, 1947, Jul., p. 566—582.

³⁴ Kennan G. Memoirs: Vol. I, II. Boston; Toronto, 1967, 1972, vol. I, p. 355, 547—559; Foreign Relations of the United States, 1946. Washington, 1969, vol. VI, p. 699, 706.

шие, как и статья, теоретические основы политики «сдерживания» коммунизма. Видный американский внешнеполитический теоретик и публицист У. Липпман подчеркивал, что, поскольку Кеннан возглавил отдел госдепартамента, его «статья не просто явилась еще одним сообщением о советском режиме и о том, как с ним обращаться. Это было событие, объявлявшее, что государственный департамент решился и был готов раскрыть американскому народу, всему миру и, конечно же, Кремлю оценки, расчеты и заключения, на которых департамент основывал свои планы»³⁵.

Статья «Источники советского поведения» стала важным шагом на пути концептуального оформления официальной версии происхождения «холодной войны». В ней схематичные идеологические и политические установки правящих кругов США (о «советской угрозе», «тоталитаризме», «оборонительном» характере американской внешней политики и т. п.) были дополнены фальсифицированной, тенденциозно сконструированной исторической ретроспективой, домыслы об «агрессивности» советской внешней политики и ее «экспансионизме» подкреплялись измышлениями об ее идеологических и традиционных основах. Продолжив в начале 50-х годов³⁶ идейно-теоретическую разработку доктрины «сдерживания», Дж. Кеннан тем самым стал одним из основателей официозного направления в буржуазной историографии советско-американских отношений, создававшегося совместными усилиями государственных деятелей и академических кругов³⁷.

Среди рассекреченных внешнеполитических материалов, которые проливают свет на истинные намерения Вашингтона относительно Советского Союза, скрывавшиеся под демагогическими заявлениями о «советской угрозе», представляют особый интерес документы Совета национальной безопасности с грифами 20/4 и 68³⁸. Утвержденный Трумэном в ноябре 1948 г. документ

³⁵ Lippmann W. The Cold War. A Study in U. S. Foreign Policy. London, 1947, p. 5—6.

³⁶ Kennan G. American Diplomacy, 1900—1950. Chicago, 1951; *Idem*. America and the Russian Future.—Foreign Affairs, 1951, Apr., p. 351—370; *Idem*. Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954.

³⁷ Об эволюции взглядов Кеннана, осознании им банкротства политики «сдерживания» коммунизма речь пойдет впереди.

³⁸ См. подробнее: Трофименко Г. А. Средства и методы внешней

СНБ-20/4 явился итогом обзора американской внешней политики в отношении Советского Союза, начатого летом того же года по инициативе ставшего министром обороны США Дж. Форрестола и осуществлявшегося с помощью госдепартамента, представителей военных ведомств, разведывательного управления и других учреждений.

Целью данного документа считались оценка «угрозы» национальной безопасности США со стороны Советского Союза и выработка необходимых «оборонительных» мероприятий³⁹. Приписывая советской внешней политике агрессивные устремления и намерение вести подрывную деятельность против капиталистических государств, американские политики рекомендовали правительству прежде всего повысить уровень военной готовности Соединенных Штатов и активизировать психологическую войну против СССР. При этом значительное внимание уделялось укреплению связей с ориентировавшимися на США капиталистическими державами, так как в этот период американские правящие круги уже вели открытую подготовку к сколачиванию под своей эгидой блока, нацеленного против Советского Союза и других революционно-демократических сил.

Подобная концепция национальной безопасности строилась в расчете на обострение американско-советских отношений, на создание ситуации, оправдывавшей политику «с позиции силы». Следует подчеркнуть, что американские правящие круги умышленно игнорировали существовавшие в то время возможности нормализовать советско-американские отношения. Советское правительство несколькими месяцами ранее весьма определенно высказало свою точку зрения на развитие двусторонних отношений. В заявлении от 9 мая 1948 г. послу США У. Смуту (в ответ на сделанное им 4 мая по поручению своего правительства заявление о советско-американских отношениях) подчеркивалось, что напряженность в советско-американских и международных отношениях — результат политики Соединенных Штатов, прежде всего создания системы военных баз, в том

политики США.— *Вопр. ист.*, 1979, № 5, с. 59—77; Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1980, с. 31—58.

³⁹ Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950/Ed. by T. Etzold, J. Gaddis. New York, 1978, p. 208.

числе и на пограничных с СССР территориях, воинственных угроз, раздающихся из тесно связанных с правительством кругов, сколачивания военного союза западных держав и американской политики в области торговли, которая носит недружественный характер по отношению к СССР⁴⁰. Вместе с тем Советское правительство приветствовало содержащееся в заявлении правительства США пожелание установить хорошие и разумные отношения между двумя странами и выражало готовность содействовать процессу оздоровления международной обстановки.

В отличие от правительства Трумэна, которое рассматривало представленное через Смита заявление как чисто дипломатический маневр, Советское правительство со всей серьезностью отнеслось к перспективе советско-американских переговоров (о чем свидетельствовало появление в печати согласия на переговоры). Глава Советского правительства, отвечая на открытое письмо Г. Уоллеса от 17 мая 1948 г., высоко оценил содержащиеся в нем предложения о всеобщем сокращении вооружений, запрещении атомного оружия, заключении мирных договоров с Германией и Японией и выводе войск из этих стран и пр. По мнению Советского правительства, «программа г. Уоллеса могла бы послужить хорошей и плодотворной базой для такого соглашения и для развития международного сотрудничества»⁴¹. 19 мая госдепартамент выступил с заявлением о неприемлемости подобной программы для обсуждения между Соединенными Штатами и Советским Союзом, отвергнув тем самым альтернативу мирного сосуществования.

Единственно приемлемой для американских правящих кругов предпосылкой проведения американо-советских переговоров, как следовало из положений разработанного в апреле 1950 г. документа СНБ-68 (официально утвержден Трумэном 30 сентября 1950 г.), мог быть отказ СССР от марксистско-ленинской концепции международных отношений, иными словами, полное подчинение интересам американского империализма. В качестве основного средства давления на Советский Союз рассматривалась политика «с позиции силы». Документ

⁴⁰ Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1948 год. М., 1950, ч. I, с. 200.

⁴¹ Там же, с. 28.

СНБ-68 представлял собой важный этап на пути активизации политики «с позиции силы». Развивая подожженные директивы 20/4 о необходимости интенсификации психологической войны и подрывной деятельности против СССР и стран социализма в целях изменения их политической системы, вашингтонские стратеги призвали правительство усилить гонку вооружений⁴². «СНБ-68, — пишет один из современных американских исследователей политики „сдерживания“, — может рассматриваться как призыв вооружаться»⁴³.

Столь опасная корректировка политических расчетов была связана с важным событием, свидетельствовавшим о неуклонном изменении мирового соотношения сил в пользу социализма: ликвидацией Советским Союзом в 1949 г. американской атомной монополии в результате создания собственного ядерного оружия. Расчеты на длительное обладание монополией на новый вид оружия массового уничтожения заложили основы политики «с позиции силы». Американские стратеги рассматривали атомную бомбу как важный инструмент внешней политики не только за столом переговоров. Сейчас стало известным, что в первый срок президентства Трумэна военные ведомства США разрабатывали планы военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. В 1977 г. был рассекречен и в 1978 г. опубликован план атомной войны против СССР под кодовым названием «Дропшот», подготовленный Комитетом начальников штабов в 1949 г.⁴⁴ Ликвидация атомной монополии, по мнению авторов СНБ-68, ставила перед Соединенными Штатами важную задачу — первыми овладеть термоядерным оружием, достичь подавляющего атомного превосходства, с тем чтобы, упрочив «позицию силы», добиться реализации своих антисоветских и гегемонистских замыслов⁴⁵.

Требование активизации политики «с позиции силы» внесло некоторые новые нюансы в официальную версию о происхождении «холодной войны». Внешнеполитиче-

⁴² Containment: Documents on American Policy and Strategy, p. 417.

⁴³ Ibid., p. 383—384.

⁴⁴ The Secret American Plan «Dropshot» for the War with the Soviet Union, 1957/Ed. by A. Brown. London; Melbourne, 1978. См. также: Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР, с. 38—54.

⁴⁵ Containment: Documents on American Policy and Strategy, p. 416—417.

ские эксперты, среди которых, судя по аналитическим разделам СНБ-68, имелись сторонники теории «политического реализма», дополнили прежние измышления о «советской угрозе» и непримиримости конфликта между США и СССР рассуждениями о неизбежности силовой конфронтации двух сверхдержав в «биполярном» мире. Многие из тех, кто участвовал в составлении подобных рекомендаций правительству, впоследствии, как и Дж. Кеннан, продолжили свои теоретические «изыскания» на поприще науки, оказав прямое влияние на формирование историографических концепций.

Реализация гегемонистских замыслов США в послевоенном мире, сопровождавшаяся поворотом от советско-американского сотрудничества к «жесткому курсу» и «холодной войне», не могла не вызвать разногласий в официальных и полуофициальных сферах. Это обстоятельство наложило отпечаток и на буржуазную историографию рассматриваемой проблемы. С именем У. Липпмана, широко известного публициста и буржуазного идеолога, связано зарождение одного из критических направлений в современной историографии советско-американских отношений. Сравнительно гибкое историко-философское мировоззрение Липпмана⁴⁶, позволявшее под давлением событий менять рекомендации, умение быть более дальновидным, чем другие политики, приводило к тому, что последний не всегда придерживаясь официальной линии Вашингтона, часто выступая с ее критикой. Статью Кеннана Липпман встретил в целом критически, что явилось отражением его прежних взглядов на послевоенное развитие Восточной Европы, проблему Германии и двусторонние отношения с

⁴⁶ В советских исследованиях не существует единого мнения относительно принадлежности У. Липпмана к какой-либо одной из ведущих школ в области исследования международных отношений. В статье Елецкого о «политическом идеализме» (Елецкий А. Г. Сущность «политического идеализма». — В кн.: Американская историография внешней политики США. М., 1972, с. 91—115) У. Липпман отнесен к «идеалистам», тогда как А. А. Каренин (Каренин А. Философия политического насилия. М., 1971) акцентировал внимание на «реалистических» взглядах этого буржуазного идеолога. По мнению американского радикального историка Б. Бернштейна, «для Липпмана сила, служа национальным интересам и таким образом национальной безопасности, становилась моральным действием» (Bernstein B. Walter Lippmann and the Early Cold War. — In: Cold War Critics. Alternatives to American Foreign Policy in the Truman Years/Ed. with an Introd. by T. Paterson. Chicago, 1971, p. 21).

СССР⁴⁷. Липпман одобрял курс Ф. Рузвельта в советско-американских отношениях, поэтому в 1945 г., когда политика Трумэна стала резко меняться, он выступил с предложением урегулировать возникшие разногласия с Советским Союзом путем дипломатических переговоров.

Соглашаясь с идеей «сдерживания» коммунизма, У. Липпман в серии очерков в «Нью-Йорк геральд трибюн» (вышедших затем отдельной книгой) подвергал критике практические меры, предлагавшиеся главой группы планирования госдепартамента. Липпман не разделял «оптимистических пророчеств» Кеннана о «непрочности» и «слабости» Советской власти. Реально оценивая соотношение сухопутных сил США и СССР, Липпман указал на опасность военных аспектов политики «сдерживания». Он верно предусмотрел, что для Соединенных Штатов будет не под силу нести бремя разбросанных по всему миру союзов ради осуществления глобального «сдерживания»⁴⁸. В отличие от Кеннана, который в своей статье толковал мифическую «советскую угрозу» как идеологическую и военную, Липпман оперировал вымыслами о «традиционности» внешнеполитических целей СССР. С помощью концепции «преемственности» между советской внешней политикой и экспансионизмом царской России он приписывал Советскому Союзу стремление к территориальной экспансии и захвату «сфер влияния», объясняя этими факторами всю послевоенную политику СССР.

Позиция У. Липпмана была не менее антикоммунистической, чем Кеннана. Липпман предлагал лишь иной вариант «сдерживания», основанный на традиционной схеме «баланса сил»⁴⁹. Но в десятилетие, когда Соединенные Штаты в планировании внешней политики исходили из теории «всесилия» американского империализма, способного будто бы оказывать повсеместное противодействие мировым революционно-демократическим и социалистическим силам, более гибкая теория «баланса сил», которую предлагал У. Липпман (а У. Черчилль назвал в 1946 г. «устаревшей»)⁵⁰, представлялась

⁴⁷ *Lippmann W. United States Foreign Policy: Shield of the Republic. Boston, 1943; Idem. United States War Aims. Boston, 1944; New York Herald Tribune, 1945. 27 Nov.*

⁴⁸ *Lippmann W. The Cold War, p. 6, 17—19.*

⁴⁹ *Ibid., p. 22—23, 25.*

⁵⁰ *The Cold War. A Book of Documents, p. 81.*

правлящим кругам неэффективной. План У. Липпмана о «разъединении» войск бывших союзников в Европе (который, по мысли автора, восстановил бы нарушенный войной европейский «баланс сил»), его надежды в связи с этим на американско-советское сотрудничество в деле подписания мирного договора с Германией вызвали в правительстве раздражение⁵¹.

Взгляды Липпмана конца 40-х годов вместе с идеями либеральных критиков, о которых речь пойдет впереди, заложили основы для целого направления в американской буржуазной историографии. Его концепция «преемственности», толкование советско-американских отношений как традиционной борьбы национальных государств за «силу», идея «разъединения» войск в Европе разделялись многими исследователями в период кризиса политики «с позиции силы», крушения планов мирового господства США. Первым, кто наследовал эти взгляды Липпмана, был не кто иной, как Дж. Кеннан, писавший: «Все эти точки зрения будут затем рельефно представлены в моих собственных поздних трудах. Он увидел их в большинстве своем задолго до того, как это сделал я»⁵².

Несколько особняком стояла группа либеральных критиков внешней политики Г. Трумэна, просуществовавшая до конца 40-х годов. Буржуазно-либеральная оппозиция «жесткому курсу» в советско-американских отношениях и «холодной войне» в определенной степени отражала настроения демократической общественности⁵³, однако она не была организационно оформлена и представляла очень разнородную массу. Критическое наследие либералов оказало заметное влияние на американскую буржуазную историографию 60-х — середины 70-х годов. Наибольший интерес в этом плане представляют взгляды министров в правительстве Тру-

⁵¹ Так, Трумэн считал эти аргументы «абстрактными и спекулятивными». Д. Ачесону, ярому поборнику политики «с позиции силы», не пришлось по душе призывы Липпмана к советско-американским переговорам. Форрестол в дневнике упрекал Липпмана за недостаточное внимание к идеологическим факторам и даже послал ему очередное исследование уже упоминавшегося проф. Э. Уиллета, содержащее доводы против возможности модус вивенди с Советским Союзом. См.: Schapsmeier E. and F. Walter Lippmann: *Philosopher-Journalist*. Washington, 1969, p. 114.

⁵² Kennan G. *Memoirs*, vol. I, p. 360.

⁵³ Висков С. И. Выступления в США за сотрудничество с СССР (1945—1949 гг.). — *Нов. и новейш. ист.*, 1969, № 4, с. 68—77.

мэна Г. Стимсона и Г. Уоллеса, а также Дж. Уорберга (члена администрации Ф. Рузвельта), сенаторов К. Пеппера и Г. Тейлора.

Военный министр в правительствах Ф. Рузвельта и Трумэна — Стимсон был одним из первых членов послевоенного кабинета, который выразил несогласие с «жестким курсом» и «атомной дипломатией»⁵⁴. В противовес официальной стратегии «глобализма» Г. Стимсон придерживался концепции «сфер влияния»⁵⁵. Он предлагал, чтобы Советский Союз и Соединенные Штаты договорились о «сферах влияния» (Советскому Союзу — Восточная Европа, США — Латинская Америка). Подобная договоренность представлялась Стимсону выходом из опасной ситуации, чреватой возможностью столкновения двух держав. Тот факт, что Советский Союз, стремясь обеспечить мир и свою безопасность, был особенно заинтересован в установлении дружественных отношений со странами Восточной Европы, освобожденными Советской Армией от фашистских захватчиков, ни в коей мере не давал повода отождествлять его внешнюю политику с империалистической доктриной раздела мира на «сферы влияния». Попытки стереть принципиальные различия между деятельностью на мировой арене социалистического и капиталистических государств имели подспудную конечную цель скомпрометировать внешнюю политику СССР и серьезно искажали реальные события. Однако выводы Стимсона и других сторонников концепции «сфер влияния» о неправомерности вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела этих стран в определенной степени отвечали интересам международной безопасности и развитию нормальных советско-американских отношений.

Другой крупной фигурой в правительстве Трумэна был министр торговли Г. Уоллес, несогласный с изменением рузвельтовского курса в советско-американских отношениях. Он не только сам выступал с резкой критикой «жесткого курса», но и как бы концентрировал вокруг себя все либеральное движение, выдвинув свою кандидатуру на президентских выборах 1948 г.

Будучи на протяжении всей своей сложной политической карьеры (с 1933 по 1946 г.) приверженцем

⁵⁴ *Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. New York. 1948, p. 643—646; Foreign Affairs, 1947, Oct., p. 5.*

⁵⁵ *Stimson H., Bundy M. Op. cit., p. 606—607; 609—610.*

концепции «открытых дверей» и «равных возможностей» для американского империализма, Уоллес смотрел на Советский Союз и Восточную Европу как на обширные рынки и источники сырья для американской промышленности, подчеркивая в отличие от сторонников «жесткого курса» взаимовыгодный характер будущих торгово-экономических отношений между двумя странами. Именно экономические взаимоотношения и дипломатические переговоры, а не политика «с позиции силы» создавали, по Уоллесу, основу для политического урегулирования спорных советско-американских проблем. Подобно другим сторонникам концепции «сфер влияния», он придерживался мнения о неправомерности нажима Соединенных Штатов на СССР в вопросах, касающихся стран Восточной Европы⁵⁶.

Поддержка Уоллесом курса на урегулирование взаимоотношений с Советским Союзом вызвала истерию в рядах поборников «холодной войны», обвинявших его в предательстве американских национальных интересов⁵⁷. Ослепление идеологией антикоммунизма мешало противникам Уоллеса понять, что он по-своему отстаивал интересы американского империализма в послевоенном мире. Переоценивая экономический потенциал США, Уоллес уповал на достижение американского господства над миром в ходе естественного развития мировой экономики при условии регионального «сдерживания» коммунизма.

Тем не менее его вера в возможность мирных взаимоотношений с Советским Союзом на основе экономического и торгового сотрудничества, дипломатических переговоров несомненно представляла собой альтернативу «холодной войне». Поэтому идеи Уоллеса⁵⁸ оказали широкое воздействие на американских историков, убедительно демонстрируя, вопреки официальной версии, что имела реальная альтернатива «жесткому

⁵⁶ См. меморандум: Wallace to Truman, March 14, 1946.— In: Truman H. Memoirs, vol. I, p. 555—556.

⁵⁷ Truman H. Memoirs, vol. I, p. 558; Schlesinger A., Jr. The Vital Center. Boston, 1949, p. 115—116; Macdonald D. H. Wallace. The Man and the Myth. New York, 1948, p. 174—175; Gardner L. Architects of Division. Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941—1949. Chicago, 1940, p. 192, 294.

⁵⁸ После провала на выборах 1948 г. Уоллес отошел от своей реалистической программы и в 1950 г. поддержал агрессию в Корее.

курсу» во взаимоотношениях с Советским Союзом и «холодная война» отнюдь не была предопределена.

Критикуя внешнеполитический курс Трумэна, Дж. Уорберг исходил из того, что ухудшение международной обстановки после второй мировой войны происходило не в силу «заговора Кремля» (как утверждала официальная пропаганда), а вследствие изменения традиционного «баланса сил», вызванного антиколониальными движениями в Азии и Африке, и нарушения Атлантической хартии всеми великими державами⁵⁹. Что касается «советской угрозы», то Уорберг толковал ее подобно другим либеральным критикам как идеологическую, политическую, но не военную. Не скрывая своих антисоветских взглядов, он все же признавал, что заботы Советского Союза о своей безопасности являются обоснованными. В своей трактовке советско-американских взаимоотношений он прибегал к концепциям геополитиков, рассматривая эти взаимоотношения как борьбу за «силу», в которой ни одна сторона не может выйти победительницей⁶⁰. Альтернативой «самоубийственной» политике национальных государств Уорберг считал мировую федерацию с конечной целью — мировым правительством. Поэтому он возлагал на ООН особые надежды.

Среди конгрессменов, трезво учитывавших расстановку сил после второй мировой войны и считавших необходимым продолжение советско-американского сотрудничества, которое, по их мнению, отвечало национальным интересам США, можно назвать немало имен (Дж. Айкен, Х. Килгор, У. Хонфилд, В. Маркантонио и др.), но наиболее последовательными в 1945 — середине 1948 г. были сенаторы К. Пеппер и Г. Тейлор. В период становления «жесткого курса» и перехода администрации к «холодной войне» они выступали с резкой критикой «доктрины Трумэна», разоблачали миф об американской «исключительности» и клевету о «подозрительности» русских, требовали предоставления займов СССР⁶¹.

⁵⁹ Warburg J. Last Call for Common Sense. New York, 1949, p. 30—32.

⁶⁰ Warburg J. Put Yourself in Marshall's Place. New York, 1948, p. 41—55; *Idem*. Last Call for Common Sense, p. 32—65; *Idem*. Faith, Purpose and Power. New York, 1950, p. 80—165; *Idem*. How to Coexist without Playing the Kremlin's Game. Boston, 1952, p. 35.

⁶¹ Congressional Record, 80th Congress, 1st Session, vol. 93, Pt 3, p. 3602—3603, 3606; 2nd Session, vol. 94, Pt 2, p. 2449.

К концу 40-х годов, по мере размаха антикоммунистической кампании и усиления антисоветской пропаганды, взгляды этих либералов заметно сдвинулись вправо.

Критики-либералы безусловно более трезво, чем адепты «жесткого курса», оценивали расстановку международных политических сил в послевоенном мире, и в первую очередь позиции Советского Союза. Однако они придерживались общих с администрацией Трумэна установок о целях американской внешней политики, выступая с критикой лишь тактических промахов правящей верхушки и отнюдь не подвергая сомнению стратегию мирового лидерства Соединенных Штатов, что, собственно, и обусловило включение либералов в условия наступления сил реакции во внешнеполитический «консенсус».

Для буржуазной историографии советско-американских отношений деятельность рассмотренной группы либеральных критиков имела особое значение. Она подкрепляла взгляды историков, придерживавшихся неортодоксальных позиций и, в частности, убежденных в том, что «холодная война» вовсе не была предreshена, как это преподносилось в официальной версии о ее возникновении. Кроме того, внешнеполитические концепции критиков-либералов явились прецедентом для последующего критического подхода к политике «холодной войны» и официальной версии развития советско-американских отношений в первые послевоенные годы. «Завещая проблемы и идеи последующим ученым, критики холодной войны сделали вклад, который просуществовал дольше их собственного времени», — отмечали американские исследователи данного вопроса⁶².

Напомним, что взгляды либеральных критиков внешней политики администрации Трумэна привлекли внимание историков 60—70-х годов. В 50-е годы в научных кругах старались не придавать особого значения взглядам «левой» буржуазной оппозиции внешнеполитическому курсу США. В период «жесткой» конфронтации с Советским Союзом на международной арене и разгула маккартизма в самих Соединенных Штатах буржуазные историки различных школ и направлений подчинились требованиям самой откровенной апологетики официальных доктрин и концепций. Сложившаяся об-

⁶² Cold War Critics, p. 15.

становка благоприятствовала развитию академического «конформизма» и официального направления (представлено именами многих известных историков-профессионалов)⁶³. Это направление своеобразно дополняли концепции «правых» критиков внешней политики США из числа «неоревизионистов», ярых антикоммунистов и «политических реалистов» типа Р. Страуса-Хюпе, С. Поссоны и др.⁶⁴

Место либеральной критики в это мрачное для истории США десятилетие фактически пустовало. Те немногочисленные историки и публицисты, которые высказывали сомнения относительно «оборонительного» характера американской внешней политики и «агрессивности» Советского Союза (особенно после первой крупной неудачи политики «с позиции силы» во время войны в Корее) и призывали к нормализации советско-американских отношений⁶⁵, с трудом могли найти издателя и привлечь широкую читательскую аудиторию.

Господство апологетической и реакционной литературы в данной сфере исследований просуществовало до конца 50-х годов, пока усиление кризиса политики «с позиции силы», обусловленное неуклонным изменением

⁶³ Bemis S. A Diplomatic History of the United States. New York, 1955; Perkins D. The American Approach to Foreign Policy. Cambridge (Mass.), 1954; Pratt J. A. History of the United States Foreign Policy. New York, 1955; Bailey T. American Faces Russia. New York, 1950; *Idem*. A Diplomatic History of the American People. New York, 1955; McNeill W. America, Britain and Russia: Their Cooperation and Conflict, 1941—1946. New York, 1953; Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957.

⁶⁴ Tansill Ch. *Op. cit.*; Wittmer F. The Yalta Betrayal. Data on the Decline and Fall of Franklin D. Roosevelt. Caldwell, 1953; The Spiritual Legacy of J. F. Dulles. Selections from his Articles and Addresses/Ed. with an Introd. by H. Van Dusen. Philadelphia, 1960; Sarnoff D. Programm for a Political Offensive against World Communism. New York, 1955; Burnham J. The Coming Defeat of Communism; *Idem*. Containment or Liberation? An Inquiry into the Aims of United States Foreign Policy. New York, 1953; Reinhardt G. American Strategy in the Atomic Age. New York, 1955; Strausz-Hupé R., Possony S. International Relations in the Age of Conflict between Democracy and Dictatorship. New York, 1950; Possony S. A Century of Conflict. Communist Techniques of World Revolution. Chicago, 1953.

⁶⁵ Марзани К. Мы можем быть друзьями. М., 1953; Williams W. American-Russian Relations, 1781—1947. New York; Toronto, 1952; *Idem*. Irony of the Containment.—The Nation, 1956, 5 May; Stone I. The Hidden History of the Korean War. London, 1952; Schuman F. The Commonwealth of Men. New York, 1952; *Idem*. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York, 1957.

мирового соотношения сил в пользу социализма, и рост внутривнутриполитических трудностей Соединенных Штатов не создали обстановку для нового этапа в историографии послевоенных советско-американских отношений.

ВЛИЯНИЕ «ТРАДИЦИОНАЛИСТСКИХ»
И «МОДЕРНИСТСКИХ» ТЕОРИЙ
НА ИССЛЕДОВАНИЕ
СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В формировании современных концепций развития послевоенных советско-американских отношений значительная роль принадлежит теоретическим школам, утвердившимся в изучении внешней политики США и международных отношений в послевоенный период. Применительно к конкретно-историческому анализу наибольшее распространение (из существующего к настоящему времени калейдоскопа общетеоретических подходов)⁶⁶ среди американских буржуазных историков получили идеи «политического идеализма» и «политического реализма», а также отдельные «модернистские» концепции.

К моменту активизации экспансионистского и антикоммунистического курса Соединенных Штатов пошатнувшиеся еще в межвоенный период позиции школы «политического идеализма», уповавшей в толковании внешней политики и межгосударственных отношений на этические, правовые и моральные «идеалы»⁶⁷, были заметно потеснены школой «политического реализма», открыто проповедовавшей культ военно-политической силы. Однако, несмотря на развернувшуюся на рубеже 40—50-х годов в академическом сообществе полемику между «идеалистами» и «реалистами» и усиление влияния последних в государственном аппарате, «идеалистические» категории продолжали оказывать существенное воздействие на выработку первых стратегических доктрин «холодной войны».

Причины живучести «моралистической» риторики во внешнеполитической идеологии и пропаганде США сле-

⁶⁶ Современные буржуазные теории международных отношений. М., 1976, с. 62—74; Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976, с. 62—77.

⁶⁷ Современные буржуазные теории международных отношений, с. 26; Елецкий А. Г. Сущность «политического идеализма». — В кн.: Американская историография внешней политики США, с. 92—94.

дует искать в неразрывной связи философии «политического идеализма» с традиционной концепцией «явного предназначения», которая утверждала, будто США имеют «моральное право» на руководство миром. Эта мессианская концепция изображала Америку как эталон «свободомыслия», «демократии» и «гуманности». По свидетельству одного из представителей «идеалистического» подхода к теории международных отношений, профессора Флоридского университета Дж. Спэнне, официальный Вашингтон при разработке послевоенной внешней политики широко использовал традиционные лозунги американского великодержавного шовинизма для оправдания своих претензий на устройство мира по-американски и замены общепринятых норм дипломатии, особенно во взаимоотношениях с социалистическими государствами, опорой на силу. «Нация, которая исторически осуждала политику силы как аморальную и продажную по отношению к демократическим идеалам, нуждалась в моральном обосновании нового использования силы и антикоммунизма, приспособленном к знакомому изображению столкновения, с одной стороны, миролюбивого и демократического Нового Света, а с другой — воинственной и диктаторской Старой Европы», — писал этот историк⁶⁸.

Послевоенное лидерство Соединенных Штатов в капиталистическом мире давало повод сторонникам «идеализма» объявлять американские идеалы, образ жизни, государственные и общественные институты высшим достижением цивилизации и прямо противопоставлять их социалистическому пути развития. Коммунизм в лексиконе многих «политических идеалистов» отождествлялся с моральным «злом», которому необходимо оказывать повсеместное противодействие. Таким образом внешнеполитические конструкции «идеалистов» оказались созвучными объявленному «доктриной Трумэна» антикоммунистическому «крестовому походу» и легли в обоснование другой доктрины «холодной войны» — «освобождения поработенных народов Восточной Европы». Декларируя «моральные» обязательства США по «отбрасыванию» коммунизма, эта крайне авантюристическая доктрина делала ставку на вмешательство во внутренние дела стран социализма, активизацию там

⁶⁸ Spanier J. American Foreign Policy since World War II. 4th ed. New York etc., 1971, p. 42.

контрреволюционных сил и насильственную реставрацию капиталистических порядков.

Глобалистско-мессианский подход к потребностям текущей внешней политики (несмотря на некоторые расхождения между «идеалистами»-либералами из академических кругов и правыми «идеалистами» типа Дж. Бэрнхэма и Дж. Ф. Даллеса) мешал увидеть реальную сложность послевоенного мира, способствовал постановке недостижимых задач, вовлечению США во многие международные авантюры. Дискредитация теоретических посылок и терминологии «идеализма» росла по мере реализации агрессивного внешнеполитического курса Эйзенхауэра — Даллеса, опиравшегося на политику «балансирования на грани войны» и военную доктрину «массированного возмездия». В конечном итоге претензии этой школы на ведущую роль в послевоенной науке о международных отношениях оказались похороненными.

Представители другого субъективно-идеалистического течения во внешнеполитической мысли, «политические реалисты», также игнорировали социально-экономические и классовые основы внешней политики, абсолютизируя иной, по их мнению «реальный», фактор общественно-политической жизни: борьбу государств за «силу», или «власть»⁶⁹. Главный постулат «политических реалистов» о военной силе и войне как основных императивах межнациональных отношений нашел прямое воплощение в проводившейся США политике «с позиции силы» и являлся более подходящим для ее обоснования, нежели фразеология «идеалистов».

Неопределенность и подвижность категорий «политического реализма» («сила», «национальный интерес», «баланс сил» и др.) позволяли его адептам более чутко реагировать на изменения в международной обстановке и внешнеполитические неудачи Соединенных Штатов. С конца 40-х до 70-х годов взгляды последовательных «политических реалистов»⁷⁰ эволюционировали от безу-

⁶⁹ Каренин А. Философия политического насилия, с. 4, 24—29; Он же. О школе «политического реализма». — В кн.: Американская историография внешней политики США, с. 56, 60, 61; Мурадян А. А. О «модернистском» и «традиционалистском» направлениях. — Там же, с. 117, 118; Современные буржуазные теории международных отношений, с. 106—107.

⁷⁰ «Политический реализм», как и «политический идеализм», не

держной апологетики американской мощи как некоего абсолюта до тезиса об ее ограниченности и необходимости трезвого учета сил и средств США. Благодаря этому «политические реалисты» сумели сохранить свое влияние в научном мире и государственном аппарате и, оттеснив «идеалистов», оказались в авангарде разработки официальных внешнеполитических доктрин Соединенных Штатов.

Падение престижа «политического идеализма» в теоретической мысли США привело к перестановке акцентов и появлению новых концепций в историографии рассматриваемой нами темы. В 50-е годы, отмеченные острой полемикой между «идеалистами» и «реалистами» по вопросам теории и внешнеполитических приоритетов, в историографии советско-американских отношений (где, как уже указывалось, господствовало официальное направление) преобладали схемы, построенные в соответствии с моралистскими воззрениями, прочно укоренившимися в сознании основной массы университетских профессоров. «Политические реалисты», которые строго разделяли основы своей школы (Г. Моргентау — один из ее основателей, Р. Осгуд, Н. Грэнбер и др.) и уже тогда приближались, хотя и в очень осторожной форме, к мысли о выборочном применении «силы», внесли свою специфику в толкование советско-американских отношений. «Холодная война» в работах этих историков и международников представлялась как неизбежная «биполярная» конфронтация двух конгломератов военной и экономической мощи — США и СССР⁷¹, а не идеологический «крестовый поход» против «аморального» коммунизма.

Собственная версия развития послевоенных советско-американских отношений в исследованиях большинства «политических реалистов» конкретизировалась в процессе усиления с конца 50-х годов их критики внешнеполи-

был единым течением во внешнеполитической мысли США. Прагматизм и эклектичность его основных положений и категорий давали возможность использовать их различным представителям научных и политических кругов, приспособляя к своим историко-философским и политическим взглядам.

⁷¹ What is the Basic Conflict between the United States and Russia. An NBS-Radio Discussion by H. Morgenthau and L. Wirth... June 10, 1951: University of Chicago, 1951; *Morgenthau H. In Defense of the National Interest*. New York, 1951; *Osgood R. Ideals and Self-interest in America's Foreign Relations*. Chicago, 1953.

тического курса Соединенных Штатов. Реакция «реалистов» на изменение мирового соотношения сил в пользу социализма и на утрату американского престижа за границей выразилась в том, что сильнее стали упреки по адресу послевоенной внешней политики США, ее авантюризма, негибкости и других просчетов «морализма». Постепенно нарастал и поток рекомендаций «политических реалистов» относительно модернизации американских глобалистских устремлений, приведения их в соответствие с изменением расстановки сил на мировой арене и внутренними ресурсами самих США.

Характерна в этом отношении позиция «реалиста» Дж. Кеннана, перешедшего от отвлеченной критики моралистической традиции американской внешней политики⁷² к открытому выражению несогласия с вытекавшим из нее неограниченным интервенционализмом⁷³. К концу 50-х годов он отошел от официальной версии о начальном этапе политики «холодной войны» и оказался в числе основателей направления «академической критики» в историографии советско-американских отношений.

В то же время по мере роста различий между концепциями послевоенного развития советско-американских отношений, сформулированными под влиянием «идеалистических» и «реалистических» воззрений, возникла и другая тенденция, связанная с взаимопроникновением этих течений. То, что «моралистические» доктрины «идеализма» и «силовые» установки «реализма» близки по своей сущности, выявилось еще на первом этапе их полемики. Среди «разношерстных» по идейно-методологической основе критиков внешней политики Соединенных Штатов «справа» реакционное крыло «идеалистов» и «реалистов» выступало единым фронтом. С позиций крайнего антикоммунизма они сообща развивали тезис о тотальном характере «советской угрозы» и «необходимости ответа» на нее всеми имевшимися средствами, включая военные.

⁷² Kennan G. American Diplomacy; *Idem*. Realities of American Foreign Policy.

⁷³ После запуска советских спутников Дж. Кеннан усилил критику американской внешней политики. В лекциях, прочитанных по Би-Би-Си в 1957 г. (*Kennan G. Russia, the Atom and the West*. London, 1958, p. 18, 60—65), осуждая чрезмерную милитаризацию внешнеполитического курса США, Кеннан развил идею У. Липпмана о «сразьединении» войск в Европе.

Приспособление обеих «традиционалистских» школ к быстро меняющемуся миру и необходимость местного отпора «модернистскому» направлению (представители которого в 60-е годы выступили с резкой критикой однофакторного подхода к международной жизни)⁷⁴ способствовали ослаблению расхождений между ними и появлению комбинированных подходов. «Идеалисты» оказались под большим влиянием господствовавших в политике «силовых» концепций. Но необходимо учитывать, что характерный для Америки конца 60-х — начала 70-х годов процесс усиления в буржуазном сознании роли идеологических проблем, в том числе и в переосмысливании внешней политики США⁷⁵, повысил внимание «реалистов» к идеологическим мотивам в поведении государств. Помимо внутривнутриполитических причин, важное значение имела и начавшаяся политика разрядки, которая на практике показывала необходимость перестройки международных отношений на принципах мирного сосуществования с учетом различий в идеологии капиталистических и социалистических государств. Попытки администрации Дж. Картера «реидеологизировать» внешнеполитический курс США в ходе кампании «защиты прав человека» создали благоприятную атмосферу для оживления пропаганды «идеалистических» воззрений о «моральном лидерстве» Америки в современном мире.

В исследовании советско-американских отношений гибридизация «реалистических» и «идеалистических» воззрений выразилась в модернизации официальной версии, конструировании ряда концепций, построенных с учетом ослабления «холодной войны» и нарастания процесса разрядки международной напряженности, о чем подробно будет сказано впереди.

Ограниченная в значительной степени теоретическими рамками «традиционалистских» концепций внешней

⁷⁴ Мурадян А. А. О «модернистском» и «традиционалистском» направлениях, с. 116—133; Петровский С. А., Петровская Л. А. «Модернизм» против «традиционализма» в буржуазных исследованиях международных отношений. — *Вопр. филос.*, 1974, № 2, с. 39—54; Современные буржуазные теории международных отношений, с. 56—60.

⁷⁵ Замошкин Ю. А., Мельвил А. Ю. Морально-идеологический фактор в политике США. — *США — экон., полит., идеол.*, 1979, № 11, с. 3—15; Петровский В. Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980, с. 207—237.

политики Соединенных Штатов, буржуазная историография послевоенных советско-американских отношений, конечно, не могла не испытывать воздействия успешно соперничавшего в 60—70-е годы с «политическими реалистами» (и примкнувшими к ним «политическими идеалистами») «модернистского» направления в американской науке международных отношений. Главным отличительным признаком «модернистского» (или «научного») подхода являются попытки его представителей использовать междисциплинарную методiku исследования и методологические достижения других наук (прежде всего психологии, социологии, математики, кибернетики, экономики)⁷⁶. Отдельные проявления такого рода заимствований в межвоенные и военные годы значительно расширились и окрепли под влиянием научно-технической революции, а также идейно-политического кризиса антикоммунизма и «силовых» установок.

«Модернисты» (М. Каплан, Д. Сингер, Дж. Розенау и др.) упрекали «традиционалистов» в отсутствии серьезного анализа объективных тенденций и законов международной жизни, в ограниченности сферы научного прогнозирования, невозможности создания на базе их устаревших методов общей теории международных отношений. Уязвимыми для критики оказались и основные понятия «реализма»: «сила», «баланс сил», «национальный интерес». Представители нового направления шире обратились к эмпирическим исследованиям, изучению процесса формирования внешней политики, выяснению механизма принятия решений, к установлению взаимосвязи и взаимозависимости между национально-государственной и межгосударственной политикой. На пути к созданию общей теории международных отношений активно используются «системный» подход, который

⁷⁶ Нечто подобное происходит и при изучении внутривнутриполитической истории США, в целом свидетельствуя об идейно-методологическом кризисе буржуазной исторической мысли и попытках обновить износившиеся методы исторического познания, не меняя старой теоретической основы. См.: Ковальченко И. Д., Сивачев Н. В. Структурализм и структурно-количественные методы в современной исторической науке.— Ист. СССР, 1976, № 5, с. 60—92; Гаджиев К. С., Сивачев Н. В. О междисциплинарном подходе в современной буржуазной историографии США.— Нов. и новейш. ист., 1977, № 6, с. 64—82; Они же. Проблемы междисциплинарного подхода и «новой научной» истории в современной американской буржуазной историографии.— В кн.: Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1978, вып. 2, с. 110—163.

некоторые «модернисты» оценивают как весьма перспективный вариант их поисков, методы количественного и контент-анализа, теории игр и идеи «бихевиоризма». Противопоставив традиционным приемам «междисциплинарные» исследования, «модернисты», обращавшиеся к исследованию советско-американских отношений в историческом плане (к ним можно отнести работы А. Рапопорта, Дж. Донована)⁷⁷, особое внимание уделяли психологическим мотивам, настроениям и поведению правящей элиты и т. д.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что неоднородность «модернистов», значительно различающихся по научным интересам и инструментарию, а также их расхождение с «традиционалистами» преимущественно в области путей создания теории и методики исследования отнюдь не способствуют выработке этой школой оригинальной трактовки развития послевоенных советско-американских отношений. «Традиционализм» продолжает оставаться для «модернизма» как бы источником готовых аналитических форм, на базе которых осуществляется отработка формальных методов и методики последнего. «Естественно поэтому,— отмечалось в одном из советских исследований,— что попытки „модернистов“ практически применить свою исследовательскую технику сплошь и рядом приводят их к вольным или невольным заимствованиям из готового, детально разработанного концептуального, теоретического багажа „традиционализма“»⁷⁸.

Данный момент в немалой степени способствует тому процессу гибридизации, типичному, как отмечалось, для доктрин современного «идеализма» и «реализма», который затронул и взаимоотношения «традиционалистов» с «модернистами». Изучение работ «модернистов», особенно приверженцев «системного» подхода, обнаруживает тесные связи между их построениями и принципами теории «баланса сил»⁷⁹. В то же время в трудах некоторых

⁷⁷ *Rapoport A. The Big Two. Soviet American Perceptions on Foreign Policy. New York, 1971; Donovan J. The Cold Warriors. A Policy-Making Elite. Lexington (Mass.) etc., 1974.*

⁷⁸ Петровский С. А., Петровская Л. А. «Модернизм» против «традиционализма» в буржуазных исследованиях международных отношений, с. 54. См. также: *Kaplan M. The Life and Death of the Cold War: Selected Studies in Postwar Statecraft. Chicago, 1976.*

⁷⁹ *Kaplan M. Macropolitics: Selected Essays on Philosophy and Science of Politics. New York, 1969.*

историков эклектически сочетаются традиционный подход и претензии, например, на «бихевиористский» метод⁸⁰. Для различных направлений поисков, ведущихся американскими буржуазными исследователями-международниками в области общей теории, характерны единая субъективно-идеалистическая методология, эклектика основных понятий и категорий, одинаковые цели в обосновании и выработке наиболее оптимальных для правящих кругов США вариантов внешнеполитической стратегии и тактики.

Буржуазная историография послевоенных советско-американских отношений, как будет показано на конкретном материале, испытала серьезное влияние теоретических разработок американских ученых-международников.

ПРОЦЕСС «ПЕРЕОЦЕНКИ ЦЕННОСТЕЙ»

Характерной чертой общественно-политической и интеллектуальной жизни Соединенных Штатов 60-х — середины 70-х годов, наложившей отпечаток и на историографию исследуемой проблемы, явилась «переоценка» традиционных ценностей. Распространявшееся с конца 50-х — начала 60-х годов недовольство сложившейся системой национальных приоритетов, резкая критика внешней политики и существующей политической системы были вызваны глубокими всемирно-историческими процессами.

К середине 50-х годов Советский Союз (уже успешно справившийся с восстановлением разрушенного войной народного хозяйства) значительно укрепил свою экономику и оборонную мощь. Под влиянием сложной международной обстановки СССР смог в сжатые сроки не только овладеть производством атомной бомбы, но и обогнать США в создании термоядерного оружия. Экономические и научно-технические достижения Советского государства укрепляли материальную базу стран, вступивших на путь социалистического развития, создавали надежную опору активной и миролюбивой внешней политике Советского Союза. Упрочение мировой социалистической системы, рост международного авто-

⁸⁰ Gaddis J. The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947. New York; London, 1972.

ритета первого в мире социалистического государства срывали агрессивные замыслы империалистических государств, нацеленные на раздувание опасности мировой войны, на подрыв национально-освободительного и мирового революционного движений. Социалистическое содружество становилось влиятельной силой мирового социального прогресса. Распад и крушение колониальной системы, нарастание классовых антагонизмов, обострение межимпериалистических противоречий углубляли общий кризис капитализма, ослабляли его международные позиции.

Неуклонное изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма усиливало кризис политики «с позиции силы». На фоне внешнеполитических неудач мирового и американского империализма в 50-е годы особенно ярким свидетельством провала внешнеполитических доктрин «сдерживания» и «освобождения» и военно-стратегических установок США 40—50-х годов явился запуск первых советских спутников. Тогдашний руководитель Центра по изучению внешней политики Соединенных Штатов при Чикагском университете проф. Г. Моргентау, чья преподавательская и исследовательская деятельность в 70-е годы была связана с Нью-Йоркским университетом, определил достижение Советского Союза как трагедию для американских политиков. Он назвал его «демонстрацией упадка американского могущества, упадка, начавшегося в сентябре 1949 г. и продолжавшегося со всевозрастающей скоростью, неизвестной нам, но известной нашим друзьям и врагам»⁸¹. Грандиозный успех советской экономики, вопреки своим прежним расчетам, вынужден был признать и Дж. Кеннан: «Недавний запуск спутников Земли был только проявлением... этого впечатляющего экономического успеха»⁸².

Социализм становился все более привлекательным в глазах других народов, особенно стран, боровшихся за свою независимость, в то время как возможности империалистических держав расширять свое влияние сокращались. У. Липпман, призывая американских политиков к трезвости, отмечал в конце 50-х годов: «...мы обманем себя, если не поймем, что главная сила ком-

⁸¹ Current History, 1958, Mar., p. 129.

⁸² Kennan G. Russia, the Atom and the West, p. 2.

мунистических государств лежит не в их тайной деятельности, а в силе их примера, в видимой демонстрации того, чего достиг СССР за 40 лет...»⁸³.

Крах иллюзий об американском «всемогуществе» привел к заметному сдвигу в умонастроениях не только наиболее здравомыслящих политических и общественных деятелей, ученых и публицистов, но и непосредственных творцов внешней политики. В официальных кругах в этот период усилилась дискуссия относительно военно-политических концепций⁸⁴. Даже один из наиболее активных вдохновителей агрессивной внешней политики США, государственный секретарь Дж. Ф. Даллес, в речи «Основная философия внешней политики США», произнесенной 6 июня 1958 г. в сенатском комитете по иностранным делам, вынужден был отметить, что во взаимоотношениях США и СССР не исключена возможность достижения соглашения по ряду вопросов, представлявших взаимный интерес⁸⁵.

Процесс переоценки роли Соединенных Штатов в послевоенном мире с середины 60-х годов получил новые стимулы для своего развития. Источниками серьезной угрозы истеблишменту в рассматриваемый период оказались мощные негритянские движения, бунты бедноты, выступления молодежи и студенчества, классовые конфликты⁸⁶.

Неотъемлемой частью политической жизни Соединенных Штатов со второй половины 60-х годов стало вызванное войной во Вьетнаме антивоенное движение.

⁸³ *Lippmann W.* The Communist World and Ours. Boston; Toronto, 1959, p. 36—37.

⁸⁴ Например, 7 января 1958 г. сенату был представлен доклад специального подкомитета, возглавлявшегося сенатором Л. Джоном, где излагалась программа пересмотра американской военной и внешней политики. См.: *Rostow W.* The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. New York, 1960, p. 373.

⁸⁵ *Дмитриев Бор.* США: политики, генералы, дипломаты. М., 1971, с. 60.

⁸⁶ Со студенческими выступлениями 60-х годов связано появление так называемого «нового левого» движения. Его представители оказались особенно нетерпимы в отношении традиционных политических институтов и своей активной общественной деятельностью способствовали росту радикальных настроений среди значительной части молодого поколения американцев. См.: *Фурсенко А. А.* Критическое десятилетие Америки. Л., 1974; Общественно-политические движения в США (60-е — начало 70-х годов XX в.). М., 1974, с. 171—208; Левоe студенческое движение в странах капитала. М., 1976, с. 34—100.

Протест против агрессии США в Индокитае принял широкие формы, так как ее последствия выходили далеко за пределы внешней политики. Вьетнамская война обострила социально-экономические трудности Соединенных Штатов и поставила вопрос о связи внешнеполитических кризисов и падении американского престижа за границей с пороками существующей политической системы.

Показательный для кризисного состояния буржуазного общества вызов со стороны интеллигенции господствующим ценностям и идеологическим догматам наиболее полно проявил себя в особой сфере буржуазной идеологии — исторической науке. В условиях происходившего колебания взглядов американские либералы и радикалы усилили внимание к возможностям истории, которая, по их мнению, «является обязательным союзником каждого борющегося с традиционными представлениями, каждого оппозиционно настроенного, каждого бунтовщика, который бросает вызов статус-кво»⁸⁷. В декабре 1959 г. на ежегодном заседании Американской исторической ассоциации известный историк К. Ван Будвард в своем докладе подчеркнул неразрывную взаимосвязь между революционными изменениями в мире и наступлением в историографии «эпохи переоценок»⁸⁸. По мнению докладчика, всевозрастающая потребность в квалифицированных исследованиях масштабных и сложных событий последней четверти XX в. требовала от ученых переосмысления истории, а не защиты традиционных оценок.

Наиболее бескомпромиссно с критикой утвердившихся в период «конформизма» и разгара «холодной войны» историографических концепций — особенно теории «согласованных интересов» — выступили радикальные историки, связанные с общественно-политическим движением «новых левых»⁸⁹. Они обвиняли апологетическую

⁸⁷ *Pessen E.* Is History Irrelevant? — *Dissent*, 1971, Jun., p. 264.

⁸⁸ *Vann Woodward C.* The Age of Reinterpretation. — *American Historical Review*, 1960, Oct., p. 2, 19.

⁸⁹ *Болховитинов Н. Н.* Современная американская историография: новые течения и проблемы. — *Нов. и новейш. ист.*, 1969, № 6, с. 121—125; *Кантор Р. Е.* «Новые левые» в Американской исторической ассоциации. — *Вопр. ист.*, 1971, № 9, с. 181—191; *Дементьев И. П.* Основные направления и школы американской историографии послевоенного времени. — *Вопр. ист.*, 1976, № 11, с. 85—88.

историографию в несоответствии ее интерпретации истории тем трудностям, с которыми столкнулись Соединенные Штаты внутри страны и за рубежом в последние десятилетия. Как подчеркивал Г. Колко, один из наиболее часто цитируемых в академическом мире радикальных историков, «разрыв между принятой интеллектуальной мистификацией и социальной реальностью, а также опытом растет и ширится со временем, несмотря на появление после 1960-х годов критических и ценных трудов по различным и очень специфическим направлениям общего заболевания Америки»⁹⁰.

Призыв молодых радикалов изучать американское прошлое исходя из острых противоречий и конфликтов современности при своей в целом конструктивной направленности имел серьезные издержки. Как показывают отдельные работы «новых левых» историков, призванный радикальной переоценке прагматизм в ряде случаев вел к модернизации прошлого и антиисторизму. Это дало повод противникам радикалов обвинить последних в презентизме⁹¹. В вышедшем в 1970 г. исследовании радикального историка Г. Зинна проводилась мысль о том, что историк не должен быть пассивным созерцателем событий. Социальная активность историка объявлялась тем моральным абсолютом, которому должна была быть подчинена его исследовательская деятельность⁹². Оценка Зинном прошлого сквозь призму насущных интересов сегодняшнего дня низводила науку до уровня инструментария и вела к отрицанию объективности исторического познания⁹³.

Американские историки-марксисты, в целом положительно оценивая радикальную историографию, выступили с критикой подобных крайностей. Г. Аптекер в рецензии на книгу Зинна подчеркнул, что прошлое, как и настоящее, является объективной реальностью независимо от того, что думает и говорит историк. Осудив также преувеличение роли морального фактора в исторической

⁹⁰ Kolko G. *Main Currents in Modern American History*. New York, 1976, p. VIII.

⁹¹ Ferrell R. *Truman Foreign Policy: A Traditional View*. — In: *The Truman Period as a Research Field. A Reappraisal, 1972*/Ed. by R. Kirkendall. Columbia (Mo), 1974, p. 17; Smith D. *The New Left and the Cold War*. — In: *The Failure of Diplomacy. The Origins of the Cold War*/Ed. by G. Kurland. New York, 1975, p. 150.

⁹² Zinn H. *The Politics of History*. Boston, 1970, p. 35.

⁹³ Ibid., p. 11, 293, 347.

науке, Аптекер указал на необходимость рассматривать интересующую радикалов современную социально-политическую систему США и прошлый опыт политической борьбы и социальных изменений в процессе развития, с учетом борьбы антагонистических классов⁹⁴. Даже среди самих радикальных историков, обвинявших апологетическую историографию в связях с истеблишментом и в подчинении политической конъюнктуре, тенденции «ультралевого» подхода к истории вызвали протест⁹⁵.

Взгляд радикальных историков на прошлое как на опытное поле при решении современных проблем Америки отличался от абсолютизации настоящего ради защиты и прославления господствовавших ценностей, которые были характерны для апологетических школ. Скорее он был сродни прагматизму «прогрессистских» историков, рассматривавших прошлое с точки зрения необходимых реформистских преобразований в настоящем⁹⁶. Радикалы восприняли у «прогрессистов» методологию экономического детерминизма, однако (не без влияния марксистских идей) значительно углубив ее более широким обращением к социальным факторам. Критикуя либеральный реформизм «прогрессистов», радикалы призывали к изменению социально-политической структуры американского общества. Радикальные историки уделили также большое внимание критике послевоенной внешней политики Соединенных Штатов, составив самую активную часть так называемой школы «ревизионистов» (чему посвящен специальный раздел данной книги).

Научное решение вставших перед США проблем требовало от историка прежде всего правильной оценки функций исторической науки и объективного анализа прошлого. Эклектическая методология радикальных историков, непоследовательность критики традиционных концепций и присущие им другие слабости, свойственные всей буржуазной историографии, ограничивали их представление об альтернативе. В дальнейшем на ради-

⁹⁴ *Aptheker H. The Politics of History.—Political Affairs, 1970, Oct., p. 57.*

⁹⁵ *Lasch C. On Richard Hofstadter.—The New York Review of Books, 1973, 8 Mar., p. 12.* См. также: *Sternsher B. Consensus, Conflict and American Historians. Bloomington; London, 1975, p. 335, 336.*

⁹⁶ *Morton M. Op. cit., p. 129—132.*

кальную историографию наложил определенный отпечаток спад движения «новых левых» и усилившиеся среди академической элиты антирадикальные настроения. По свидетельству радикального историка Дж. Лэмиша, в конце 60-х годов против «новых левых» начались репрессии. Историки, известные своей общественно-политической активностью, зачастую оказывались без работы, публикация их исследований также встречала известные трудности⁹⁷. Своей научной деятельностью радикалы нанесли ощутимый удар защитникам идеи «консенсуса», подорвали корни многих исторических мифов, оживили интерес к демократическому прошлому американского народа.

Вместе с тем и среди других американских буржуазных историков 60—70-х годов под влиянием внутри- и внешнеполитической обстановки, усиливавшей кризис субъективно-идеалистической методологии, также росло критическое отношение к противоречившим действительности историческим концепциям и пропагандистским мифам. Однако подавляющее большинство критических исследований диктовалось отнюдь не стремлением к профессиональной честности. Как показывает анализ американской внешнеполитической историографии, наиболее подверженной влиянию политической конъюнктуры, отход буржуазных историков от обанкротившихся теорий и идей был связан в первую очередь с прагматическими поисками выхода США из создавшихся тупиков.

Совпадение кризисов во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов вынуждало правившие администрации шире обращаться к инъекциям свежих идей в обветшавшие политические и стратегические схемы. К. Ван Вудвард в обращении к Американской исторической ассоциации в декабре 1969 г., уделив большое внимание историческому «буму» в послевоенных Соединенных Штатах, выделил как характерную черту 60-х годов то, что «в течение двух администраций в это десятилетие „интеллектуалом“ Белого дома... был видный американский историк»⁹⁸. Речь шла о Шлезингере-мл.,

⁹⁷ Lemish J. On Active Service in War and Peace. Politics and Ideology in the American Historical Profession. Toronto, 1975, p. 3, 10, 99, 120.

⁹⁸ Vann Woodward C. The Future of the Past.— American Historical Review, 1970, Febr., p. 716.

который вместе с профессорами У. Ростоу, Дж. Гэлбрейтом и другими представителями науки входил в «мозговой трест» президента Дж. Кеннеди, придававшего особое значение научно-теоретической разработке внешнеполитических проблем, стратегии и тактики правительства. Последующие администрации продолжили эту практику, о чем красноречиво свидетельствуют деятельность А. Шлезингера, У. Ростоу, Г. Киссинджера, З. Бжезинского, М. Шульмана, научные биографии С. Поссоны, Р. Страуса-Хюпе и других историков и политологов.

Растущая политизация исторической науки соответственно определила и функции буржуазной критики. «Ученый, — отмечалось в одной из работ на эту тему, — также вносит вклад в формирование политики своей критикой»⁹⁹. Примечательно, что проблеме усовершенствования системы обслуживания историками-специалистами нужд правительства посвящаются в последнее время целые монографии¹⁰⁰. Концепции, разрабатываемые критиками, оказываются в конкретных условиях более рациональной защитой буржуазного строя и его международных позиций, нежели ортодоксальные догмы.

⁹⁹ The Historian and the Diplomat. The Role of History and Historians in American Foreign Policy/Ed. by F. Loewenheim. New York, 1967, p. 164.

¹⁰⁰ May E. «Lessons» of the Past. The Use and Misuse of History in American Foreign Policy. New York, 1973.

Глава II

ПОЛЕМИКА БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ О ПРИЧИНАХ УХУДШЕНИЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ВОЙНЫ

ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ ПРОБЛЕМЫ

В непрерывно нараставшем в 60—70-е годы потоке критических работ о внешней политике США литература о «холодной войне» и советско-американских отношениях заняла одно из ведущих мест. Помимо того что данная тематика освещалась в исследованиях по общим и смежным проблемам, число работ, непосредственно ее затрагивавших, было внушительным и постоянно росло. Большинство этих трудов писалось по соображениям политического характера. Как отмечалось в упоминавшемся исследовании под редакцией Ф. Лоуэнгейма, данные работы «имели косвенное воздействие на творцов политики, во-первых, введением свежих идей в дискуссию и, во-вторых, акцентированием внимания на определенных аспектах вопроса или альтернативном подходе к нему»¹. Радикальный историк Л. Гарднер писал, что «эти работы... возникают, скорее, чтобы служить непосредственным политическим или полемическим целям, нежели как чисто исторические исследования». Он же отмечал: «Дебаты по Вьетнаму ускорили запоздавший пересмотр установившейся „правды“ о холодной войне»². Следует добавить, что не только война США в Индокитае стимулировала появление более независимых в научном отношении работ, этому способствовали также и определенная девальвация идеологии антикоммунизма и возможность для исследователей использовать новые источники³.

¹ The Historian and the Diplomat. The Role of History and Historians in American Foreign Policy/Ed. by F. Loewenheim. New York, 1967, p. 165.

² Gardner L. Truman Era Foreign Policy: Recent Historical Trends.— In: The Truman Period as a Research Field. A Reappraisal, 1972/Ed. by R. Kirkendall. Columbia (Mo), 1974, p. 47.

³ Публикация ежегодных томов «Foreign Relations of the United States» доведена к настоящему времени до 1954 г.; рассекречены документы Совета национальной безопасности и группы пла-

Общее направление различных исследований, посвященных изучению раннего послевоенного периода в советско-американских отношениях, определила проблема происхождения «холодной войны», которая по сути дела сводится буржуазными историками к выяснению ответственности за нее Соединенных Штатов и Советского Союза. «В последние годы, — подчеркивал один американский буржуазный исследователь, — наиболее спорной проблемой в американской дипломатической истории стала трактовка происхождения холодной войны. Когда все больше людей начинали пересматривать свои представления о современной американской внешней политике, возникал вопрос о корнях этой политики. Как началась холодная война? Кто нес за это ответственность? Можно ли было ее избежать?»⁴

Неотъемлемую и важную часть развернувшейся дискуссии составил вопрос о принадлежности вышедших по данной теме исследований к определенным историографическим направлениям. В условиях происходившей «переоценки ценностей» традиционное деление историков на сторонников официальной версии и ее критиков оказалось явно устаревшим. Например, в статье «нового левого» историка К. Лэша (уделявшего внимание и внешнеполитическим проблемам) такие авторы, как Дж. Кеннан, Г. Моргантау, Г. Фейс, названы «ортодоксами», носителями официальных взглядов⁵, тогда как в работах Р. Такера и самого Г. Моргантау⁶ Фейс отне-

нирования политики с 1947 по 1949 г.; в 1971 г. в библиотеке университета в Клемонсе открыты архивы Дж. Бирнса; рассекречены новые документы библиотеки Г. Трумэна; частично открыта документация Дж. Кеннана; с середины 1973 г. стал доступен архив госдепартамента по событиям 1947 г., и т. д. Кроме того, в рассматриваемый период публикуются новые мемуары американских политических деятелей: *Kennan G. Memoirs: Vol. I, II. Boston; Toronto, 1967—1972*; *Krock A. In the Nation, 1932—1966. New York, 1969*; *Harriman A. America and Russia in a Changing World. A Half Century of Personal Observation. New York, 1971*; *Wallace H. The Diary of Henry A. Wallace, 1942—1946. Boston, 1973*; *The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943—1946/Ed. by T. Campbell, G. Herring. New York, 1975.*

⁴ *Maddox R. The New Left and the Origins of the Cold War. Princeton (N. J.), 1973, p. 3.*

⁵ *Lasch C. The Cold War, Revisited and Re-Visioned.—New York Times Magazine, 1968, 14 Jan., p. 26—27, 44—51, 54, 59.*

⁶ *Tucker R. The Radical Left and American Foreign Policy. Baltimore; London, 1972*; *Morgenthau H. Truth and Power. Essays of a Decade, 1960—70. New York, 1970.*

он к официозным историкам, а остальные — к оппозиционным школам. Л. Галле волей исследователей кочует по разным историографическим направлениям: у Лэша той же работе он официозный историк, а другой автор зачисляет его в «ревизионисты»⁷.

Уже упоминавшийся А. Шлезингер-мл. в статье о происхождении «холодной войны» пытался (учитывая наличие «ревизионистских» работ) предложить классификацию исследователей в соответствии с такими критериями: геополитический подход, обнаруживающий истоки «холодной войны» в русских «экспансионистских притязаниях»; подход сторонников примата идеологии во внешней политике, которые готовы проследить корни «холодной войны» чуть ли не до «Манифеста Коммунистической партии» 1848 г.; позиция сторонников концепции «преемственности» внешней политики царской России и СССР⁸. Подобные критерии можно обнаружить и у других авторов⁹. Встречаются и попытки положить в основу классификации методы исследования проблемы (индуктивный, дедуктивный, теоретический, эмпирический и т. д.)¹⁰.

Профессор Калифорнийского университета П. Сибэри, автор работы «Возникновение и упадок холодной войны»¹¹, активный участник дискуссий по данной проблеме¹², пытался объяснить разноречивость в интерпретации происхождения «холодной войны» ссылками на традиционную «свободу» буржуазной исторической науки. Особый интерес представляет заявление проф. Л. Галле, книга которого «Холодная война как история»¹³ стала чуть ли не хрестоматийной. «Каждая историческая работа, — писал он, — является продуктом двух элемен-

⁷ Pachter H. Revisionist Historians and Cold War.— Dissent, 1968, Nov.—Dec., p. 505—518.

⁸ Schlesinger A., Jr. Origins of the Cold War.— Foreign Affairs, 1967, Oct., p. 23—24.

⁹ Graebner N. Cold War Origins and the Continuing Debate: a Review of Recent Literature.— The Journal of Conflict Resolution, 1969, Mar., vol. XIII, N 1.

¹⁰ The Truman Period as a Research Field/Ed. by R. Kirkendall. Columbia (Mo), 1967, p. 17—20.

¹¹ Seabury P. The Rise and Decline of the Cold War. New York; London, 1967.

¹² Origins of the Post War Crisis. A Discussion.— Journal of Contemporary History, 1968, vol. 3, N 2; Seabury P. Cold War Origins.— Ibid., N 1.

¹³ Halle L. The Cold War as History. London, 1967.

тов: мышления историка и массы фактов, которые он из хаоса приводит в порядок, требуемый для научного представления реальности. Поэтому имеется столько трактовок холодной войны, сколько существует индивидуальных умов, и ни одна из них не является ее „истинной“ трактовкой»¹⁴.

В этом суждении очень откровенно выражено одно из основных положений субъективистского направления в буржуазной методологии исторического познания, утверждающее волюнтаристское отношение исследователя к историческому факту¹⁵. Для субъективно-идеалистической методологии, в частности презентизма, главное и определяющее не факты, а точка зрения историка на события сегодняшнего дня, что ведет к отрицанию объективной истины и появлению той самой «множественности» апологетических «истин», о которых толкует Л. Галле.

Этот историк считает, что «холодная война» вообще не относится к реальным категориям, а представляет собой абстракцию, номинальную категорию, которую каждый толкует по-своему и соответственно подбирает нужные факты. Галле даже советовал историкам не читать уже написанные исследования по предмету, чтобы не вводить себя в заблуждение и не искажать свою версию¹⁶. Он полагал, что историк, пишущий о советско-американских отношениях в годы «холодной войны», должен довериться мнению «элиты», т. е. тех, кто имел специальную подготовку и соответствующий опыт. Только так, утверждал он, можно оценить трактовку, предложенную исследователем. Совершенно очевидно, что подобный подход, питаемый идеями прагматизма и презентизма, полностью оправдывает политическую предвзятость трудов буржуазных историков, посвященных «холодной войне» и эволюции советско-американских

¹⁴ Halle L. A Multitude Cold War.— International Journal, 1968, vol. XXIII, N 3, p. 336.

¹⁵ В. И. Ленин подчеркивал, что фундаментом исследования должны быть точные и бесспорные факты, взятые в их совокупности, иначе «неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится „субъективная“ стряпня для оправдания, может быть, грязного дела» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 351).

¹⁶ Halle L. A Multitude Cold War, p. 343.

отношений, и вообще снимает вопрос о действительно научном исследовании этой проблематики.

Дж. Лукач, написавший в начале 60-х годов, когда был профессором одного из колледжей в Филадельфии, книгу по истории «холодной войны», так изложил свое методологическое кредо: «Под диагнозом (анализом) американско-советских отношений. — Н. Е.) я имею в виду не некую холодную и отдаленную объективность. Я полагаю... что целью знания и особенно исторического знания является скорее Понимание, нежели Определенность. Это может идти вразрез с существом наших широко распространенных в настоящее время концепций о Научном и Объективном знании, тем не менее я считаю это правильным»¹⁷. Автор готов вообще лишить историю научных функций путем отождествления ее с расплывчатой категорией «жизнь», не подчиняющейся, по его мнению, законам логического мышления.

Подобное отрицание объективных закономерностей общественного развития, сведение функций исторической науки к описанию того, как свершался тот или иной процесс, вполне естественно приводят этого историка к откровенно апологетической и антикоммунистической позиции: «Я католик и представитель Запада, европеец по рождению и гражданин США. Если ведется борьба между Востоком и Западом, коммунизмом и свободой, моя преданность не разделима: она поддерживает последних или исчезает вместе с ними»¹⁸.

Очевидно, что характерный для 60—70-х годов «плюрализм» (в отличие от преобладания «конформистских» взглядов в 50-х годах) в толковании американскими буржуазными историками причин перехода Соединенных Штатов от сотрудничества с Советским Союзом в военные годы к «жесткому курсу» и «холодной войне» объясняется в первую очередь подчинением исследования задачам буржуазной идеологии и политики. В различных социально-политических ориентациях историков отразились оттенки и противоречия разных группировок буржуазии, изменения политической конъюнктуры. Поэтому многообразие школ и направлений в современной американской буржуазной историографии отнюдь не

¹⁷ Lukacs J. A History of the Cold War. New York, 1961, p. 11.

¹⁸ Ibid.

свидетельствует о «свободе» или «объективности» буржуазной науки.

Итак, буржуазная критика внешней политики администрации Г. Трумэна и официальной версии о происхождении «холодной войны» оказалась далеко не однородной по исходным политическим и историко-концептуальным позициям, по степени остроты и объективности. Среди критикующих мы видим и авторов крайне правых взглядов, и трезвых наблюдателей. Анализируя позиции большинства представителей этой последней, весьма многочисленной, группы, необходимо подчеркнуть, во-первых, их общую приверженность идеологии современного американского либерализма, отмеченную печатью кризиса, и, во-вторых, непоследовательный характер либеральной критики. Поэтому не существует непреодолимой преграды между ними и официозными историками. К примеру, в работах некоторых историков совмещаются такие противоречивые положения, как признание целесообразности советских внешнеполитических акций в 1945—1949 гг. и одновременно обвинение Советского Союза в развязывании «холодной войны».

Все это делает достаточно условным определение историографических направлений по указанной тематике. Помимо существовавших ранее официозного направления и критики «справа» внешней политики Г. Трумэна с 60-х годов в американской буржуазной историографии возникли новые критические направления, которые в зависимости от степени их расхождений с официальной догмой можно подразделить на критиков академического толка и школу историков-«ревизионистов». Последние получили это устоявшееся в современной американской исторической и политической литературе название в связи с пересмотром ими традиционных концепций американской внешней политики и прежде всего официальных установок о причинах «холодной войны».

Каждое из этих направлений не отличается единством теоретических подходов к исследованию международных отношений и внешней политики, однако их объединяет общая оценка событий 1945—1949 гг. в истории советско-американских отношений.

АПОЛОГЕТЫ ОФИЦИОЗНЫХ МИФОВ

Сохранив в рассматриваемый период свою основную функцию оправдания глобалистского внешнеполитического курса США и вытекающей из него линии враждебности в отношении Советского Союза и других социалистических стран, официальное направление в историографии советско-американских отношений не могло не испытать воздействия менявшегося международного и внутриаполитического климата, оказавшего влияние на всю буржуазную историографию. Официальная догма, обвинявшая Советский Союз в отходе от советско-американского сотрудничества военных лет и развязывании «холодной войны», изображавшая его внешнюю политику как «агрессивную», а действия правительства Трумэна в качестве «оборонительных», в принципе осталась неприкосновенной, однако прежние жесткие концептуальные схемы претерпели заметную трансформацию.

Все больше выявлялось очевидное противоречие традиционной версии о развитии советско-американских отношений в послевоенный период реальному ходу событий. Не последнее место в адаптации официозных историков к новым условиям принадлежит и рассмотренным ранее процессам в области внешнеполитических исследований. «Политические реалисты», которые (подобно ряду «идеалистов») разделяли официальный тезис о том, что «холодная война была достойным и существенным ответом свободного человека на коммунистическую агрессию»¹⁹, внесли в его обоснование ряд модификаций, подхваченных многими другими буржуазными историками.

Официозное направление в исследовании послевоенных советско-американских отношений в 60—70-е годы представлено именами «идеалистов», «реалистов», некоторых «модернистов», а также историков, эклектически сочетавших принципы различных школ и направлений в изучении международных отношений и внешней политики. Наиболее обоснованной группировкой этой массы литературы (с точки зрения выявления ее специфических особенностей в современный период) нам представляется деление на работы, повторявшие бытовавшие в годы «конформизма» официозные концепции

¹⁹ Schlesinger A., Jr. *Origins of the Cold War*, p. 24.

и исследования, вносящие в них определенные коррективы.

Первая группа работ американских буржуазных историков исходя из мифа о «советской угрозе» берет на вооружение тезис о якобы «агрессивной» природе коммунистической идеологии, нацеленной будто бы на «экспорт» мировой революции и использующей для этого средства прямой агрессии и подрывной деятельности. Попытка объяснить отказ США от сотрудничества с СССР в первые послевоенные годы идеологическими причинами обусловлена не только стремлением официальных авторов скрыть существовавшую американским империализмом реакционной политики, продиктованной прежде всего его социально-экономическими и политическими интересами в послевоенном мире, но и несет, как мы увидим, особую нагрузку в дискуссии о перспективах советско-американских отношений. Несмотря на значительное разнообразие индивидуальных точек зрения (в том числе и относительно датировки начала «холодной войны»: от 1848 и 1917 гг. до 1943—1948 гг.), этот тезис концептуализируется главным образом в теориях «вакуума», «мирового коммунистического завоевания» (или «заговора»), борьбы «свободы» против «тирании» («тоталитаризма»). В свете вышесказанного нетрудно заметить, что приверженцы «политического идеализма» имеют здесь приоритет.

Особое место принадлежит учебно-просветительским изданиям, где, за рядом исключений²⁰, сторонники официальной версии все еще продолжают удерживать прочные позиции. Речь идет о специальных курсах американской истории, истории дипломатии, «всемирных историях» и сборниках документов, снабженных комментариями редакторов, которые правящие круги стремились противопоставить тяге американской молодежи 60—70-х годов к познанию истины о причинах «маккартизма» в стране и авантюристического внешнеполитического кур-

²⁰ The Shaping of the American Diplomacy. Readings and Documents in American Foreign Relations. 1750—1955/Ed. with Comment. by W. Williams. Chicago, 1960; The Truman Administration. A Documentary History/Ed. by B. Bernstein, A. Matusow. New York; London, 1966; From Colony to Empire. Essays in the History of American Foreign Relations/Ed. by W. Williams. New York etc., 1972; Gardner L. e. a. Creation of the American Empire. U. S. Diplomatic History. Chicago, 1973; LaFeber W., Polenberg R. The American Century: A History of the United States since the 1890's. New York etc., 1975.

са, приведшего к войне во Вьетнаме. Широкое распространение получили компилятивные сборники документов и материалов, предназначенные для самостоятельной работы студентов университетов и учащихся колледжей.

Один из этих сборников так и назывался: «Холодная война. Сборник документов»²¹. Об умышленной фальсификации его составителями действительных событий свидетельствовала, например, оценка советской позиции в Атомной комиссии ООН в 1946—1949 гг. Во введении к этому сборнику отношение Советского Союза к плану Баруха связывается с мнимой «враждебностью» СССР «идее сотрудничества с демократическим (т. е. буржуазным. — Н. Е.) миром»²². Авторы беззастенчиво извращают советскую позицию и тот факт, что план Баруха, представляя собой развернутую программу Соединенных Штатов по контролю над атомной энергией, преследовал цель закрепить американскую атомную монополию; он был разработан правящими кругами США в противовес советским предложениям о запрещении атомного оружия и установлении эффективного международного контроля над атомной энергией²³.

Неприемлемость подобных предложений для Советского Союза была вполне ясна таким здравомыслящим членам администрации Г. Трумэна, как Г. Уоллес. В письме от 17 сентября 1946 г. президенту, которое вызвало гнев Б. Баруха, он называл американскую программу «односторонней», «нереальной», «фарисейской», такой, которую русские не могли принять²⁴. Следует также подчеркнуть, что Советское правительство, решительно отвергая «план Баруха», стремилось в своем проекте конвенции о запрещении атомного оружия и конструктивных предложениях по организации контроля за выполнением этой конвенции учесть и ряд американских предложений, что открывало дорогу компромиссному соглашению. Поэтому все попытки буржуазных фальсификаторов взвалить на Советский Союз ответ-

²¹ The Cold War. A Book of Documents/Ed. with an Intro. by H. Trefousse. New York, 1965.

²² Ibid., p. XIV—XV.

²³ Международные отношения после второй мировой войны: В 3-х т. Т. 1 (1945—1949 гг.). М., 1962, с. 548—562; История внешней политики СССР: В 2-х т. Т. 2 (1945—1976 гг.). М., 1977, с. 92—97.

²⁴ Baruch B. The Public Years. New York, 1962, p. 355.

ственность за провал переговоров 1946—1947 гг., изобразить его врагом разоружения и сотрудничества с Западом оказываются несостоятельными при обращении к фактическому материалу, который, однако, не находит отражения в указанном сборнике, претендующем на документированное освещение политики «холодной войны». Остальные документированные сборники учебного характера²⁵ отличает та же заданность целей — представить официальную версию в качестве единственно верной путем сомнительной объективности.

Сильнее всего ортодоксальная трактовка выражена в многочисленных «всемирных историях», интерес к изданию которых был обусловлен лидерством США в капиталистическом мире, их глобальной стратегией и потребностями развязанной империализмом «холодной войны». Оставляя без внимания простые повторения официальных догм²⁶, нельзя не коснуться попыток их «научного» обоснования. Особенно распространена в идеологическом обосновании послевоенной внешней политики США так называемая теория политического и экономического «вакуума», который будто бы образовался в Европе и Азии после разгрома Германии и Японии и требовал немедленного заполнения. «Вопрос заключался только в том, как и чем он должен быть заполнен», — писал проф. Л. Ставрианос, положивший данную теорию в основу анализа всей послевоенной всемирной истории²⁷. По мнению ее сторонников²⁸, эта задача требовала перегруппировки международных политических сил, к сложностям которой добавлялись идеологические разногласия с Советским Союзом.

Вынужденные признать объективный характер ослабления позиций Англии и Франции в послевоенной Евро-

²⁵ Documents of American History/Ed. by H. Commager. New York, 1968; Documents on Russian-American Relations. Washington to Eisenhower/Ed. by S. Jados. Washington, 1965; Dimensions of American Foreign Policy. Readings and Documents/Ed. by M. Needler. Princeton (N. J.) etc., 1966; Rozwenc E. Containment and the Origins of the Cold War. Boston etc., 1967, etc.

²⁶ Judd G. A History of Civilization. New York, 1966, p. 777; Bloom S. Europe and America, the Western World in Modern Times. New York, 1961.

²⁷ Stavrianos L. World since 1500. A Global History. Englewood Cliffs (N. J.), 1966, p. 584.

²⁸ Rodes J. A Short History of the Western World. New York, 1970; Gatzke H. The Present in Perspective. A Look at the World since 1945. London, 1966.

пе, сторонники теории «вакуума» полностью покидают реальную почву при оценке революционных событий в странах Восточной Европы, подъема демократического движения в Западной Европе, толкуемых ими как насильственное заполнение «вакуума» «коммунистическим влиянием», которому Соединенные Штаты в силу своего мессианского предназначения были-де «призваны» оказать сопротивление. Подобным избитым пропагандистским приемом теория «вакуума» оправдывала вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела других государств, чтобы не допустить там прогрессивных социальных перемен. Ответственность же за нагнетание международной напряженности в послевоенные годы полностью перекладывалась на Советский Союз.

Несостоятельность попыток американской пропаганды оправдать вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела Греции, Турции, Ирана и других государств ссылками на установление в странах Восточной Европы «режимов, подчиненных иностранным интересам», неоднократно разоблачалась в советских документах²⁹. В частности, в упоминавшемся заявлении Советского правительства от 9 мая 1948 г. подчеркивалось: «Было бы совершенно неправильно приписывать произошедшие здесь демократические преобразования вмешательству Советского Союза во внутренние дела этих стран. Это означало бы игнорировать тот несомненный факт, что указанные преобразования явились естественным результатом победы демократических сил над нацизмом и фашизмом и рассматриваются народами Европы как гарантия против угрозы новой войны»³⁰. Коммунисты выдвинулись на руководящие посты в странах Восточной Европы благодаря тому, что завоевали себе авторитет наиболее последовательных борцов против фашизма, за независимость родины. Вот почему декларация США о «защите» народов Европы от «посягательств» коммунистов являлась грубым нарушением суверенитета других стран.

²⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976, т. 2, с. 234—236; Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1947 год. М., 1952, ч. II, с. 318.

³⁰ Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. 1948 год. М., 1950, ч. I, с. 199.

Следует отметить, что сторонники теории «вакуума», разделявшие учение «политического реализма», при объяснении происхождения «холодной войны» дополняли идеологическую мотивировку советской внешней политики измышлениями о якобы традиционном, унаследованном от царской России «советском экспансионизме»³¹. Эта тенденция наиболее полно проявляется в монографических изданиях официального толка.

Официальная версия, поданная во «всемирных историях», используется в курсах дипломатической и внешнеполитической истории США. Признанными ортодоксальными авторами в этой области являются Т. Бейли, С. Бемис, У. Коул, Д. Перкинс, Дж. Спэнне, Р. Феррел (кстати сказать, большинство работ этих авторов, опубликовавшихся в 50-е годы, было переиздано в 60-е годы практически без изменений)³². Их исследования выдержаны в духе традиционного антикоммунизма моралистского толка, хотя, строго говоря, к теоретикам «политического идеализма» можно отнести лишь Д. Перкинса, С. Бемиса, Дж. Спэнне. Для методологических принципов этой школы типичными являются утверждения Д. Перкинса: «...идеи и идеалы в соединении с определенными моральными предпосылками являются важнейшими факторами в осуществлении дипломатии. Есть американцы, которые добавили бы к этому, что сила нации исходит именно из этих факторов»³³. С этих позиций и написан его курс по американской послевоенной дипломатии.

Причины перехода от американо-советского сотрудничества военных лет к конфронтации и «холодной войне» Д. Перкинс усматривал в конфликте различных идеологических и морально-этических ценностей. Соединенные Штаты, заявлял он, мыслили о послевоенном

³¹ *Stipp J., Dirrim A., Hallister C. The Rise and Developments of Western Civilization, 1660 to the Present. New York, 1967. Vol. II; Easton S. World History since 1945. San Francisco, 1968.*

³² *Bailey T. A Diplomatic History of the American People. New York, 1964; Idem. America Faces Russia. Gloucester (Mass.), 1964; Bemis S. A Diplomatic History of the United States. New York, 1964; Cole W. An Interpretive History of the American Foreign Relations. Homewood (Ill.), 1968; Perkins D. The American Approach to Foreign Policy. Cambridge (Mass.), 1962; Idem. The Diplomacy of a New Age. Major Issues in U. S. Foreign Policy since 1945. Bloomington; London, 1967; Spanier J. American Foreign Policy since World War II. London, 1962; Ferrell R. American Diplomacy. New York, 1969.*

³³ *Perkins D. The American Approach to Foreign Policy, p. 97.*

мире якобы в соответствии со своими традиционными «миролюбивыми», «демократическими» и «гуманными» идеалами, тогда как Советский Союз вследствие коммунистической идеологии (которую автор не преминул исказить в духе пропагандистского клише) представлял, мол, им явную «угрозу»³⁴. Таким образом, яростный антикоммунизм Соединенных Штатов — одна из главных движущих сил их послевоенной внешней политики — под пером Перкинса превращался в моральную добродетель. В качестве аргументов этот историк манипулировал традиционными буржуазными измышлениями насчет «особой» советской политики в Восточной Европе в 1945—1949 гг., на Дальнем Востоке, в Иране и Германии.

С. Бемис в «Дипломатической истории Соединенных Штатов» развивал с помощью теории «вакуума» положение «политических идеалистов» о мнимом стремлении Советского Союза после окончания второй мировой войны к «мировому коммунистическому завоеванию»³⁵. Коммунизм изображался им как идеологическое и политическое мировое «зло», от которого «испуганные демократии» по обе стороны Атлантики ищут защиты в лице США. Подобные трактовки оправдывают антикоммунистический «крестовый поход», вызвавший глубокий кризис американской внешней политики.

Идеями «консенсуса» и «политического идеализма» проникнуто и исследование Дж. Спэнне «Американская внешняя политика после второй мировой войны». Неоднократно подчеркивая «уникальность» Америки, будто бы в социальном отношении состоящей только из «среднего» класса, который разделяет общие высоконравственные ценности, автор пытался и внешней политике США приписать «идеалистические» и «гуманные» мотивы. Для первых послевоенных лет этот историк считал характерными отказ американцев от иллюзий в отношении сотрудничества с Советским Союзом («американские мечты о послевоенном мире и сотрудничестве Большой Тройки развеялись, когда Советский Союз начал экспансию в Восточную и Центральную Европу...») и переход к мировым обязательствам ради высокомо-

³⁴ Perkins D. The Diplomacy of a New Age, p. 17.

³⁵ Bemis S. A Diplomatic History of the United States, p. 916—917; *Idem*. American Foreign Policy and Blessing of Liberty and other Essays. New Haven; London, 1962, p. 10, 404—406.

ральных целей³⁶. «Доктрину Трумэна», «план Маршалла», политику «сдерживания» и особенно образование НАТО автор расценил как успех Соединенных Штатов в их послевоенной борьбе за «мировую демократию». Однако «морализм» внешней политики США вызвал у историка (не без влияния идей «политического реализма») и ряд упреков. Дж. Спэнне наиболее активно из «политических идеалистов»³⁷ призывал правительство Соединенных Штатов к использованию «силовых» приемов в дипломатии и ратовал за упрочение военного истеблишмента в мирное время. «Политика и сила должны находиться в гармонии», — с таким советом «идеалист» Спэнне обращался к практикам 60-х годов³⁸.

В четвертом, переработанном издании рассматриваемой работы, вышедшем в годы правления администрации Никсона, автор откровенно защищал принципы «баланса сил» как основу глобальной стратегии США. При этом историк даже высказывал сожаление по поводу отрицательного влияния антикоммунистической идеологии на взаимоотношения Соединенных Штатов с Советским Союзом (прежде всего в вопросах контроля над вооружениями) и странами Восточной Европы. Основанная на холодном расчете прагматическая политика «баланса сил», по мнению Спэнне, не нуждается в особом идеологическом обосновании, так как служит «благой цели» реализации «возложенного» на традиционно «изоляционистскую» и «добродетельную» американскую нацию «крестового похода» против мировых сил зла³⁹. Очевидно, что наблюдаемый во взглядах данного буржуазного историка процесс слияния «идеалистических» и «реалистических» догматов, характерный для современной американской науки международных отношений, не меняет существа его апологии претензий

³⁶ *Spanier J.* Op. cit., p. 19, 33.

³⁷ Многие «идеалисты», используя традиционную для доктрины «политического идеализма» моралистскую терминологию, оправдывают применение силы Соединенными Штатами якобы для обеспечения соблюдения норм международного права и защиты «демократических идеалов». См.: *Perkins D.* America's Quest for Peace. Bloomington, 1962, p. 120; *Idem.* The American Approach to Foreign Policy, p. 40.

³⁸ *Spanier J.* Op. cit., p. 208.

³⁹ *Spanier J.* American Foreign Policy since World War II. 4th ed. New York etc., 1971, p. 287, 298.

Соединенных Штатов на роль вершителя судеб современного мира.

Концепции Т. Бейли в общем мало чем отличаются от ортодоксального подхода. Вместе с тем представляют интерес попытки автора модернизировать свои взгляды в соответствии с духом времени. В появившемся в середине 60-х годов переиздании своей ранней работы Т. Бейли⁴⁰, констатируя наличие стереотипов в мышлении американцев относительно Советского Союза и недостаточное количество информации, к тому же еще подчас фальсифицированной, писал, что «правда часто менее важна, чем то, что люди за нее принимают»⁴¹. Это звучало как откровенное признание вклада буржуазных историков в создание исторических мифов, служивших оправданием гегемонистских внешнеполитических устремлений США.

Примерно через 10 лет Т. Бейли выступил с книгой, имевшей весьма претенциозный заголовок: «Исследование американского прошлого. Критическое рассмотрение основных мифов и неверных представлений». Из предисловия видно, что маститый профессор понимает непригодность дискредитировавших себя в исторической науке США обветшалых мифов. Однако его заявления о критическом подходе к американской истории и стимулировании научной дискуссии оказываются пустыми фразами, когда автор обращается к конкретным событиям советско-американских отношений в первые послевоенные годы. Избегая набившего оскомину прямолинейного обвинения Советского Союза в развязывании «холодной войны», автор развивал тезис о якобы естественной, изначально присущей двум различным социальным системам этой формы сосуществования. Свои тенденциозные рассуждения автор заключал традиционным клише относительно планов «мирового коммунистического завоевания»⁴².

Рекламируемая новизна интерпретации не идет дальше упоминания работ «ревизионистов», с которыми Бейли решительно расходится, и нескольких фраз о возможных дипломатических ошибках Вашингтона, не

⁴⁰ *Bailey T. America Faces Russia.*

⁴¹ *Ibid.*, p. V—VI.

⁴² *Bailey T. Probing America's Past. A Critical Examination of Major Myths and Misconceptions: Vol. I, II. Lexington (Mass.) etc., 1973, vol. II, p. 751.*

имевших принципиального значения для послевоенного развития советско-американских отношений. Подобный вариант официальной версии, подновленный некоторыми чисто внешними атрибутами из арсенала современной буржуазной критики, порицавшей то, что давно уже было осуждено самим правительством,— одна из типичных для сегодняшнего дня попыток некоторых апологетов послевоенного курса США отстоять свои пошатнувшиеся позиции.

Представление о другой тенденции в апологетическом направлении дает анализ работ тех американских буржуазных авторов, для которых характерно соединение официальной догматики, применявшейся в 40—50-х годах, с новейшими трактовками международных отношений и внешней политики Соединенных Штатов и Советского Союза. Уже в начале 60-х годов в дискуссионном сборнике «Холодная война. Идеологический конфликт или борьба за силу?»⁴³ весьма остро был поставлен вопрос о необходимости двуединого (т. е. соединяющего каноны «идеализма» и установки «реализма») подхода к исследованию советско-американских отношений в первые послевоенные годы и их последующего развития. В частности, «реалист» З. Бжезинский называл узким местом школы «политического реализма» тенденцию к недооценке роли идеологии при анализе внешней политики.

Суждение Бжезинского о невозможности исключить идеологический аспект из внешнеполитической деятельности государств преследовало отнюдь не академические, а определенные политические цели. Говоря о причинах «холодной войны», он пытался всю ответственность за международную напряженность в послевоенном мире приписать коммунистической идеологии, которая, по его словам, способствовала трансформации международных отношений из «игры» по правилам «баланса сил» в интенсивный конфликт⁴⁴. Урегулирование последнего он мыслил лишь при условии изменения социально-политического строя в СССР. Этому политическому кредо Бжезинский в целом верен и по сей день.

Примечательно, что к середине 70-х годов указанный сборник был переиздан в значительно обновленном ва-

⁴³ The Cold War. Ideological Conflict or Power Struggle?/Ed. with an Introd. by N. Graebner. Boston, 1963.

⁴⁴ Ibid., p. 50.

рианте. Сняв вопросительную интонацию в заголовке⁴⁵, его составители подчеркивали мысль, что мало кто из американских буржуазных историков отрицает роль идеологических факторов при анализе «холодной войны» и советско-американских отношений. Другое дело, что между ними существуют значительные расхождения по поводу приоритета роли идей.

Особый вклад в разработку новых кононов официальной версии внесли те «политические реалисты», которые в отличие от ортодоксов данной школы рассматривали идеи как первостепенный компонент «силы»⁴⁶. Хотя в 60-е годы и у этой части авторов можно встретить исследование, интерпретирующие советско-американские отношения преимущественно в рамках идеологического конфликта⁴⁷, все же они составляют, скорее, исключение. Образцом для подражания становились концепции, разрабатывавшиеся в трудах таких «политических реалистов», как Г. Фейс, У.-Ростоу, А. Шлезингер-мл., в разное время сочетавших государственную и научную деятельность, не порывавших связи с официальными кругами и в последующие периоды.

Профессор истории Г. Фейс около 20 лет проработал в госдепартаменте, в числе других должностей был специальным консультантом трех государственных секретарей, и его позиция в достаточной мере точно выражает официальные взгляды. В 60-е годы он приступил к осуществлению задуманной серии работ (начало которой было положено в предыдущее десятилетие) по истории дипломатии второй мировой войны и первых послевоенных лет, где весьма существенная часть отво-

⁴⁵ The Cold War. A Conflict of Ideology and Power. 2nd ed./Ed. with an Introd. by N. Graebner. Lexington (Mass.); Toronto, 1976.

⁴⁶ В советской научной литературе «реалисты» подобного толка, как бы олицетворявшие собой гибридизацию «традиционалистских» школ, именуются «идеалистическими реалистами». См.: Современные буржуазные теории международных отношений. М., 1976, с. 112.

⁴⁷ Herz M. Beginnings of the Cold War. Bloomington, 1966; *Rees D.* The Age of Containment. The Cold War, 1945—1965. London; New York, 1967. В отличие от некоторых левобуржуазных критиков, находивших истоки международной напряженности первых послевоенных лет в длительной враждебности капиталистических держав по отношению к первому в мире социалистическому государству, их обвинениям подвергается не антикоммунизм Соединенных Штатов, а коммунистическая идеология.

дится советско-американским отношениям⁴⁸. Написанные на значительной источниковой основе (автор имел доступ не только к неопубликованным документам госдепартамента, военных департаментов и других государственных учреждений, но и к личным архивам бывших государственных деятелей: посла в СССР А. Гарримана, госсекретаря Дж. Бирнса, главнокомандующего союзническими войсками Д. Эйзенхауэра, заместителя госсекретаря Дж. Грю и др.), его работы содержат немало интересного материала, а сам автор считается наиболее «честным из придворных историков»⁴⁹.

Однако внешняя «объективность» исследований Фейса имеет четкие пределы, особенно когда речь заходит о принципиальной оценке внешнеполитической стратегии США. Признавая правомерность, скажем, заботы Советского Союза о безопасности своих границ, оправданность возмущения СССР внезапным прекращением ленд-лиза, обоснованность его недоверчивого отношения к политике западных держав и другие объективные факты, опровергающие избитые измышления о советской «агрессивности» и «миролюбии» Соединенных Штатов, Фейс все же именно советскую сторону обвиняет в разрушении советско-американского сотрудничества, установившегося в военные годы⁵⁰. Этому тенденциозному освещению дипломатических событий военного и послевоенного периодов служит опять-таки концепция об «экспансионизме» Советского Союза. Отличие «реалистического» подхода Фейса от других авторов, разделявших официальную версию, состоит лишь в том, что он приписывает выделенной им движущей силе советской внешней политики не столько идеологический, сколько великодержавный характер.

Особенностью трудов Фейса являлась гибкость его воззрений, о которой можно судить, например, по трактовке в ряде его работ проблемы «атомной дипломатии». Если в первом исследовании на данную тему «Покоренная Япония. Атомная бомба и конец войны на Тихом

⁴⁸ *Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957; Idem. Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, 1960.*

⁴⁹ *Miller R. Roots of the Cold War from FDR to LBJ.—Commonwealth, 1972, 21 Jan., p. 376.*

⁵⁰ *Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin, p. 655.*

океане»⁵¹ Фейс полностью отрицал фактор «атомной дипломатии» в американской внешней политике, а в конце 1966 г.⁵², под влиянием новых документов и работ буржуазных историков критического направления⁵³, усилил внимание к политическим мотивам атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, то в своей последней монографии 70-х годов⁵⁴ он в некоторой степени уступил выводам «ревизионистов» об использовании Соединенными Штатами «атомного» шантажа и вопроса об экономической помощи в качестве политического оружия против СССР.

Исследования Фейса привлекают внимание американских буржуазных историков. Государственные деятели также часто ссылаются на него. Но, как заметил Г. Алпровиц, историки находят в «спокойных по тону» и «неопределенных» по выводам книгах Фейса попытки «приспособить новый материал к старым моделям, избегая серьезной критики известных официальных лиц, которых он знал»⁵⁵.

Конечно, работы Фейса содержат вполне определенные выводы: на тщательно подобранной документальной базе, без прямого нажима на читателя он преподносит апологику глобалистских притязаний американского империализма.

Хотя академические интересы проф. У. Ростоу, автора известной книги «Стадии экономического роста»⁵⁶, связаны прежде всего с социологией и экономической наукой, его внешнеполитические воззрения оказали существенное влияние на выработку внешней политики Соединенных Штатов 60-х годов⁵⁷ и представляют один

⁵¹ Feis H. Japan Subdued. The Atomic Bomb and the End of War in Pacific. Princeton, 1961.

⁵² Feis H. The Atomic Bomb and the End of the World War II. Princeton, 1966.

⁵³ Alperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. New York, 1965.

⁵⁴ Feis H. From Trust to Terror. The Onset of the Cold War, 1945—1950. London, 1971.

⁵⁵ Alperovitz G. Cold War Essays. New York, 1970, p. 51.

⁵⁶ Rostow W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.

⁵⁷ В 1961—1968 гг. У. Ростоу являлся помощником президента Дж. Кеннеди; возглавлял группу планирования политики госдепартамента; с 1965 г. переведен в Белый дом в качестве специального помощника президента Л. Джонсона по вопросам национальной безопасности; впоследствии профессор Техасского университета.

из примеров официального толкования послевоенной истории советско-американских отношений сквозь призму «политического реализма». В основе его анализа американской внешней политики военных и послевоенных лет, наиболее последовательно осуществленного автором в монографиях «Соединенные Штаты на мировой арене» и «Диффузия мощи»⁵⁸, лежит стержневая концепция «политических реалистов» о «национальном интересе»⁵⁹. С ее помощью идеологи американского империализма пытаются выдать классовую, агрессивную и экспансионистскую внешнюю политику Соединенных Штатов за общенациональную и оборонительную.

При формулировании требований американского «национального интереса» Ростоу, подобно многим «политическим реалистам», подчеркивал, что Соединенные Штаты должны добиваться создания и поддержания в международной жизни таких условий, которые выходили бы за рамки обеспечения их «физической безопасности» и включали бы в себя защиту «западного образа жизни». Иными словами, речь идет о сохранении и укреплении мировой капиталистической системы, декларируется право Соединенных Штатов на вмешательство во внутренние дела других стран под предлогом «защиты демократии» (особое внимание он обращал на те государства, которые недавно вступили на путь самостоятельного развития). Нетрудно понять, что под внешней угрозой автор подразумевал «советскую угрозу», которую он трактовал как военно-политическую и как идеологическую. Мировлюбивый характер внешней политики СССР доказан практикой. Попытки приписать укреплению его обороноспособности, росту авторитета в современном мире черты агрессии преследуют вполне конкретные цели идеологически прикрыть и оправдать политику «с позиции силы», гонку вооружений, неоколонизализм и интервенционизм.

Придавая столь важное значение идеологическому компоненту «силы», У. Ростоу на пороге 60-х годов, когда в учении «политического реализма» еще преобла-

⁵⁸ Rostow W. The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. New York, 1960 (rev. ed.: 1969); *Idem*. The Diffusion of Power. An Essay in Recent History. New York, 1972.

⁵⁹ См. подробнее: Каренин А. Философия политического насилия. М., 1971, гл. IV.

дала «биполярная»⁶⁰ схема послевоенного мира, выступал в качестве защитника глобального «сдерживания» коммунизма. В этом он солидаризировался с «идеалистами», от которых его отличали призывы к «умеренности», выбору наиболее эффективных направлений и форм американского вмешательства в дела союзников и стран «третьего мира»⁶¹. Активно разрабатываемая в одном из исследований Ростоу начала 70-х годов концепция «многополярности» современной системы международных отношений, которая явилась реакцией «реалистов» на необратимые сдвиги в соотношении мировых сил, свидетельствует об изменении взглядов автора на обанкротившуюся политику глобального антикоммунизма. Однако он по-прежнему сохраняет надежду на успех гегемонистских притязаний Соединенных Штатов, маскируя их заявлениями о «высоко нравственных» и «гуманных» идеалах⁶².

Трактовка Ростоу советско-американских отношений в первые послевоенные годы не претерпела принципиальных изменений после издания книги «Соединенные Штаты на мировой арене»⁶³. Исходным пунктом его рассуждений об ухудшении советско-американских отношений остается миф об «угрозе национальным интере-

⁶⁰ Буржуазные теоретики отождествляют международные отношения в период «холодной войны» с «биполярной» военно-политической конфронтацией США и СССР. Изменение мирового соотношения сил в пользу социализма и достижение стратегического ядерного равновесия сторон на стыке 60—70-х годов вызвали к жизни концепцию политической «многополярности» мира, согласно которой в мировом «балансе сил» возникают новые центры «силы» (Западная Европа, Китай, Япония), способные изменить структуру международных отношений, т. е. США и СССР перестают оказывать монопольное влияние на международную обстановку. Существуют концепции «трехполюсного», «пятиполюсного» мира и другие различные варианты «многополярной» конфигурации системы международных отношений (см.: Кокошин А. А. Американские концепции международных отношений.— *Вопр. ист.*, 1977, № 11, с. 99—118). Однако в стратегическом отношении, как считают американские ученые-международники, мир по-прежнему остается «биполярным».

⁶¹ Rostow W. The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. New York, 1960, p. 546.

⁶² Rostow W. The Diffusion of Power, p. 600, 603, 609—611.

⁶³ Помимо указанных работ см. также: Rostow W. The Present Stage of the Cold War.— *Department of State Bulletin*, 1962, 5 Nov.; *Idem*. The Test: Are We the Tougher.— *New York Times Magazine*, 1964, 7 Jun.

сам» Америки со стороны «мировой коммунистической экспансии». Для доказательства «миролюбия» США автор выдвигал тезис об американском «изоляционизме» и «одностороннем разоружении», которые якобы имели место в 1945—1947 гг. Но этот тезис противоречит общеизвестным историческим фактам. Искреннее стремление Советского Союза к обеспечению прочного мира и добрососедских отношений между народами, перенесшими все тяготы второй мировой войны, было ясно выражено не только в заявлениях Советского правительства, выступлениях и конкретных предложениях делегации СССР в Генеральной Ассамблее ООН, но и подтверждалось практическими шагами, которые включали прежде всего широкую демобилизацию. С 1945 по 1948 г. численность Советских Вооруженных Сил сократилась с 11 365 тыс. человек до 2874 тыс.⁶⁴ Одновременно происходила эвакуация советских войск с территорий, освобожденных Советской Армией в борьбе с гитлеровской и японской агрессией. В американских правящих кругах подход к военным проблемам был иным. 5 октября 1945 г., обсуждая планы сокращения вооруженных сил США, Трумэн высказал сомнения относительно необходимости быстрой демобилизации⁶⁵. Соединенные Штаты и Англия продолжали оккупировать многие страны Европы, Азии и Африки, нарушая их суверенитет и создавая там военные базы. Например, в июле 1946 г. Трумэн одобрил программу закрепления оккупации Южной Кореи американскими войсками в целях подавления в стране демократического движения и превращения ее в плацдарм империалистической политики США в Азии.

Никак не соответствовал утверждениям об «изоляционистском духе» американской внешней политики открыто провозглашенный Соединенными Штатами после окончания второй мировой войны курс на утверждение мирового господства, составной частью которого явились подготовка и развязывание американско-советского конфликта. Обширная мемуарная литература политиче-

⁶⁴ См.: История внешней политики СССР, т. 2 (1945—1976 гг.), с. 131. Этот факт не отрицал и З. Бжезинский (*Brzezinski Z. How the Cold War Was Played.*— *Foreign Affairs*, 1972, Oct., p. 183), взгляды которого на советско-американские отношения послевоенного периода мало чем отличаются от концепции У. Ростоу.

⁶⁵ *Yergin D. Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State.* Boston, 1977, p. 140.

ских деятелей США 40-х годов давно ввела в буржуазную историографию факты, свидетельствовавшие о стремлении администрации Г. Трумэна идти по пути обострения отношений с недавним союзником⁶⁶. Основными вехами на пути развязывания «холодной войны» явились, как известно, фултонская речь У. Черчилля, выступление Дж. Бирнса 6 сентября 1946 г. в Штутгарте о пересмотре Потсдамских соглашений, образование в декабре 1946 г. Бизонии, означавшее отказ западных держав от согласованной политики в германском вопросе, активная реорганизация американской армии и другие агрессивные акции. Все это служило подготовкой к объявленному «доктриной Трумэна» антикоммунистическому «крестовому походу», который Ростоу изображал как защиту «минимума» американских «национальных интересов» «мирным» путем. Обращение Ростоу к истории советско-американских отношений после окончания второй мировой войны откровенно служит обоснованию его рекомендаций по наращиванию военно-политической мощи современной Америки.

Наиболее активен в модернизации официальной версии с позиций «политического реализма» профессор Нью-Йоркского университета А. Шлезингер-мл. Его полемическая статья, опубликованная в 1967 г.⁶⁷, задала тон новой волне апологетики американского экспансионизма. Написанная вслед за прозвучавшим годом ранее призывом автора дать отпор «ревизионизму» в американской буржуазной историографии⁶⁸, она явилась попыткой историка укрепить наиболее уязвимые места старых концепций, сделать их способными противостоять левобуржуазным и радикальным критикам.

Шлезингер-мл. пытался доказать, что ухудшение советско-американских отношений было обусловлено целым комплексом взаимосвязанных факторов. Важное значение, по его мнению, имела возможность ошибочной трактовки Советским Союзом американских действий в 1945—1947 гг. Факты же показывают, что внешнеэкономическая политика Соединенных Штатов, их отношение

⁶⁶ *Truman H. Memoirs. Vol. I. Year of Decision. New York, 1955, p. 75—82, 552; Byrnes J. Speaking Frankly. New York; London, 1947, p. 255, 297; Leahy W. I was There. New York, 1950, p. 351; The Forrestal Diaries/Ed. by W. Millis. New York, 1951, p. 65, etc.*

⁶⁷ *Schlesinger A., Jr. Origins of the Cold War.—Foreign Affairs, 1967, Oct., p. 22—52.*

⁶⁸ *The New York Review of Books, 1966, 20 Oct.*

к установлению народно-демократического строя в странах Восточной Европы и другие действия интерпретировались Советским правительством именно так, как они того заслуживали: как попытки диктовать американские условия в послевоенном мире. В частности, отвечая на памятную записку Г. Трумэна от 23 апреля 1945 г., содержащую ультимативные требования относительно решения вопроса о Польше, глава Советского правительства подчеркнул: «Надо признать необычными условия, когда два правительства — Соединенные Штаты и Великобритания — заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР прежде всего и больше всего заинтересован, и ставят представителей СССР в невыносимое положение, пытаясь диктовать ему свои требования»⁶⁹.

Шлезингер-мл. тенденциозно подходит к вопросу о расстановке военно-политических сил в конце второй мировой войны и выработке политических решений главами трех держав. Однако стержнем его претендующей на объективность статьи был широко распространенный в американской историографии тезис, согласно которому ухудшение послевоенных советско-американских отношений связано со столкновением двух противоположных концепций мирного урегулирования: «универсалистской» и «сфер влияния». При этом Шлезингер-мл. интерпретировал концепцию «универсализма» как альтруистическое стремление Соединенных Штатов к коллективной безопасности посредством международной организации, в то время как Советскому Союзу приписывалась роль дестабилизирующего фактора в международных отношениях. В основе концепции «универсализма» лежала вильсоновская идея использования международной организации для построения мира по-американски. Шлезингер-мл., одержимый антикоммунизмом и не гнушаясь грубыми фальсификациями⁷⁰, стремился доказать, что коммуни-

⁶⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., т. 2, с. 235.

⁷⁰ К примеру, автор толкует письмо Ж. Дюкло в журнале Французской компартии «Каер дю Коммюнизм» (апрель 1945 г.) как свидетельство отказа СССР от сотрудничества с Западом и перехода к политике «мирового коммунистического завоевания», тогда как на самом деле в этом письме обсуждалась политика американских коммунистов в избирательной кампании 1944 г. На подобное искажение фактов А. Шлезингеру-мл. неоднократно указывали Г. Алпро-

стическая идеология и советская государственная система якобы исключали возможность строить дипломатические отношения с Советским Союзом, как с любым другим национальным государством⁷¹.

По мере набравшего силу процесса разрядки международной напряженности и уяснения правящими кругами США ограниченности возможностей американской мощи в современном мире Шлезингер-мл., корректируя свои взгляды на текущие проблемы американской внешней политики, в трактовке происхождения «холодной войны» несколько усилил характерный для «политического реализма» акцент на геополитических аспектах советско-американских отношений в первые послевоенные годы⁷². Критика «ревизионистами» официальной версии также вынуждала этого историка, правда со значительными оговорками, модифицировать свои оценки внешней политики Советского Союза⁷³, однако Шлезингер не отказался от позиции оправдания (с помощью превратно толкуемых идеологических факторов) агрессивного внешнеполитического курса Г. Трумэна⁷⁴.

Предложенная Шлезингером интерпретация американской внешней политики в отношении Советского Союза в 1945—1953 гг. постепенно становилась эталоном для официозной историографии и прочно вошла на этих правах в ряд академических сборников. Гарднер считал, что среди американских буржуазных исследователей, занимавшихся рассматриваемой проблемой, Шлезингер ближе всех подошел к тому, чтобы считаться «официальным историком творящего политику неофициального истеблишмента»⁷⁵.

На базе эклектического сочетания различных элементов «традиционалистских» теорий с другими бытующи-

виц и К. Лэш. См.: *Alperovitz G. Cold War Essays*, p. 130; *Lasch Ch. The Cold War, Revisited and Re-Visioned.*— *New York Times Magazine*, 1968, 14 Jan., p. 59.

⁷¹ *Schlesinger A., Jr. Origins of the Cold War*, p. 52.

⁷² *The Origins of the Cold War*/Ed. by J. Huthmacher, W. Susman. Waltham (Mass.); Toronto, 1970, p. 112; *The Dynamics of World Power. A Documentary History of United States Foreign Policy, 1945—1973*: Vol. I, II/Gen. ed. A. Schlesinger, Jr. Vol. I. Western Europe. New York, 1973, p. XXIX.

⁷³ *The Dynamics of World Power*, p. XXX—XXXI.

⁷⁴ *Ibid.*, p. XXIV.

⁷⁵ *The Truman Period as a Research Field. A Reappraisal*, 1972, p. 49.

ми в американской буржуазной историографии внешне-политическими концепциями в 60—70-е годы были созданы многие работы, также претендовавшие на обновление официальной версии. Среди них в 60-е годы можно назвать труды упоминавшихся Дж. Лукача и П. Сибэри, а также У. Ньюмена, П. Хаммонда⁷⁶ и некоторых других исследователей. Сравнительный анализ работ этих историков и политологов выявляет немало общего в их концептуальном подходе: негативная оценка заявлений о «коммунистическом заговоре», более осторожное отношение к примитивной «силовой» интерпретации и склонность оперировать (наряду с использованием схемы «баланса сил» и других субъективных факторов) идеологическими мотивами, усиление элементов критики. Характерно откровенное заявление Хаммонда, который в работе, вышедшей в конце 60-х годов, писал, что «американской политике пришлось бы существенно модифицироваться, чтобы расширить наше участие за границей в послевоенную эпоху, даже если бы не было конфликта с русскими интересами. Но оказалось, что легче постигнуть и представить нашу модификацию послевоенной политики как ответ на коммунистический вызов, чем как адаптацию к разнообразным изменениям или только что признанным условиям»⁷⁷.

Наметившаяся в апологетической историографии 60-х годов тенденция к переносу центра тяжести с вопроса об исторической вине за «холодную войну» на более сдержанную дискуссию относительно мотивов поведения не только Советского Союза, но и самих Соединенных Штатов, значительно окрепла под влиянием поворота к разрядке и растущей дискредитации многих антикоммунистических догм. В переизданном с прицелом на новые перспективы развития советско-американских отношений исследовании Хаммонда чувствуется стремление автора несколько смягчить прежние выпады против Советского Союза⁷⁸. В новой концептуальной схеме Хаммонда бро-

⁷⁶ Lukacs J. A History of the Cold War; *Idem*. A New History of the Cold War. New York, 1966; Seabury P. *Op. cit.*; Neuman W. After Victory; Churchill, Roosevelt, Stalin and the Making of the Peace. New York, 1967; Hammond P. The Cold War Years: American Foreign Policy since 1945. New York, 1969.

⁷⁷ Hammond P. The Cold War Years, p. 6.

⁷⁸ Hammond P. Cold War and Détente. The American Foreign Policy Process since 1945. New York etc., 1975, p. 15—16.

дается в глаза заимствование не столько из арсенала «политических реалистов», сколько (и это признает сам автор) из работы другого современного апологета внешней политики администрации Трумэна, профессора университета штата Огайо Дж. Гэддиса⁷⁹.

Отличительной чертой книги Гэддиса о «холодной войне», полемически заостренной (как и статья А. Шлегингера) против историков-«ревизионистов», является претензия на переоценку американской политики в отношении Советского Союза на базе новых источников. Нетрадиционность в подходе автора обнаруживается в том, что для оправдания «жесткого курса» Г. Трумэна и обвинения Советского Союза в осложнении советско-американских отношений⁸⁰ используется модная ныне идея о влиянии на внешнюю политику Соединенных Штатов фактора общественного мнения. В ходе рассуждений Гэддис делает некоторые признания относительно действительных мотивов американской внешней политики в 1945—1947 гг.

Исследуя проблемы экономической помощи Советскому Союзу и политики ленд-лиза, автор не отрицал, что официальные лица в Вашингтоне стремились использовать возросшую к концу второй мировой войны экономическую мощь США, чтобы повлиять на политическое развитие в послевоенном мире⁸¹. Гэддис отмечал также, что администрация оказала давление на конгресс и способствовала распространению антикоммунистических настроений у американской общественности в период подготовки «доктрины Трумэна»⁸². Однако данные факты, на которые в начале 70-х годов стали ссылаться многие американские буржуазные историки, не могут замаскировать тенденциозности работы.

Концепция Гэддиса о роли общественного мнения противопоставлялась конкретной критике «ревизионистов». Превознося роль общественного мнения в американском внешнеполитическом поведении, автор преследовал цель доказать превосходство «демократической» системы правления и в то же время снять вину с администрации, связанной, дескать, в своем выборе полити-

⁷⁹ Gaddis J. The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947. New York; London, 1972.

⁸⁰ Ibid., p. 359.

⁸¹ Ibid., p. 224.

⁸² Ibid., p. 351, 356.

ческого курса по сравнению с «тоталитаризмом», который мог, но не желал идти на уступки⁸³. И хотя в одной из последних работ Гэддиса⁸⁴, в которой он пытался выявить историческую закономерность в развитии взаимоотношений двух великих держав, концепция происхождения «холодной войны» приобретала некоторые новые нюансы, это не меняет сути его прежних рассуждений: политике Соединенных Штатов приписывается оборонительный характер, а все действия Советского Союза истолковываются как неуступчивость и агрессивность.

В статьях середины 70-х годов автор, опять же под лозунгом «пересмотра» установившихся взглядов, выступил против тех, кто критиковал «доктрину Трумэна» за ее «глобализм», а также отстаивал потерпевшую банкротство политику «сдерживания» коммунизма. По мнению Гэддиса, послание президента конгрессу о помощи Греции и Турции было выдержано в духе того «рационального» варианта политики «сдерживания», который предлагал Дж. Кеннан, и имело весьма ограниченную цель восстановления европейского «баланса сил»; стоявшие же у власти политические деятели существенно «исказили» политику «сдерживания» в процессе практики⁸⁵.

В духе все той же более гибкой апологетики и с учетом новых рассекреченных документов госдепартамента и последних критических концепций написаны общие исследования Л. Роуза и более специализированные монографии Э. Морриса и Дж. Герринга, посвященные отдельным проблемам советско-американских отношений военных и первых послевоенных лет⁸⁶. Отказавшись от традиционных однозначных оценок внешней политики обеих сторон, авторы в основном оперируют ссылками на сложности, стоявшие перед американскими

⁸³ Ibid., p. 360, 361.

⁸⁴ Gaddis J. Russia, the Soviet Union and the United States: An Interpretive History. New York etc., 1978.

⁸⁵ Gaddis J. Was the Truman Doctrine a Real Turning Point? — Foreign Affairs, 1974, Jan., p. 386—402; *Idem*. Containment: A Reassessment. — Ibid., 1977, Jul., p. 873—887.

⁸⁶ Rose L. After Yalta. America and the Origins of the Cold War. New York, 1973; *Idem*. Dubious Victory. The United States and the End of World War II. New York, 1973; Morris E. Blockade. Berlin and the Cold War. New York, 1973; Herring G., Jr. Aid to Russia, 1941—1946. Strategy, Diplomacy, The Origins of the Cold War. New York; London, 1973.

официальными лицами тех далеких лет, психологическими мотивами взаимного недоверия, страхов и подозрительности, а также непременным фактором общественного мнения. Характерно, что критические высказывания по поводу антисоветских мотивов в экономической и «атомной» политике Соединенных Штатов допускаются лишь на фоне искаженной (с помощью концепции о «советском экспансионизме») картины внешнеполитической деятельности Советского Союза и тем самым снимается вопрос об агрессивной направленности «жесткого курса» и политики «сдерживания». Л. Роуз пытается оправдать политику Г. Трумэна, указывая на ее «преимственность» курсу Ф. Рузвельта в отношении СССР⁸⁷.

Таким образом Гэддис и другие авторы, пытавшиеся отыскать золотую середину между традиционными и «ревизионистскими» концепциями, оказались в конечном счете ближе к ортодоксальной апологетике⁸⁸, нежели те историки, представленные направлением «академической критики», которые развивали идею о «взаимной ответственности» США и СССР за переход от сотрудничества к «холодной войне». Центральной идеей рассмотренных исследований остается все тот же миф о якобы вынужденном отказе Соединенных Штатов от сотрудничества с Советским Союзом в годы второй мировой войны и неизбежном переходе к политике «холодной войны» со всеми вытекавшими из нее отрицательными и для самой Америки последствиями.

* * *

Представление о современном состоянии апологетики претензий послевоенных Соединенных Штатов на мировое господство было бы неполным без упоминания творчества ряда исследователей, выступивших с критикой внешнеполитического курса «справа».

Весьма наглядно родственная связь этой группы с официальными историками просматривается в работах конца 60-х — начала 70-х годов «советолога», стоящего

⁸⁷ Rose L. Dubious Victory, p. 273, 354.

⁸⁸ Griffith W. Cold War and Coexistence. Russia, China, and the U. S. Englewood Cliffs (N. J.), 1971; Daughan G. The Cold War. U. S. Foreign Policy, 1945—1973. New York, 1973; Ferrell R. Truman Foreign Policy: A Traditional View.— In: The Truman Period as a Research Field. A Reappraisal, 1972, p. 11—45.

на правом фланге апологетической историографии, профессора Гарвардского университета А. Улама. Поддерживая модернизированные апологетические концепции о преимущественно «экспансионистских» устремлениях Советского Союза в послевоенном мире и оправдывая с их помощью политику «сдерживания» как доктрину «исторического терпения»⁸⁹, Улам солидаризировался с экстремистами от науки на почве реакционной критики внешнеполитических ошибок правительства Трумэна и последующих администраций. Свойственное представителем «политического реализма» стремление обвинять американских политических деятелей в просчетах, вытекающих из «моралистского» подхода к международным отношениям, оборачивается в работах Улама упреками официальным лицам 40—50-х годов в недооценке политики «с позиции силы», более активное применение которой в годы кажущегося превосходства США, по мнению автора, предотвратило бы успехи внешней политики СССР и создание социалистической системы⁹⁰. По сути эти рассуждения не отличаются от тезиса «правых» критиков (который А. Улам на словах осуждает) о «мягком» отношении администрации Трумэна к Советскому Союзу⁹¹. Литературу подобного рода, несмотря на различие путей, которыми исследователи идут к своим выводам, отличает требование более агрессивного внешнеполитического курса США, упреки официальным лицам в недостаточном использовании силы, особенно военной.

Отрицая наличие каких-либо агрессивных намерений у американского империализма, «правые» критики тесно смыкаются с апологетикой той внешнеполитической линии, против которой направлены их упреки. В 60-х годах работы критиков «справа»⁹² являлись как бы реак-

⁸⁹ *Ulam A. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967.* New York; Washington, 1968, p. 424.

⁹⁰ *Ulam A. Expansion and Coexistence*, p. 497—498; *Idem. The Rivals. America and Russia since World War II.* New York, 1971, p. 238.

⁹¹ *Ulam A. Expansion and Coexistence*, p. 399.

⁹² *Crocker G. Roosevelt's Road to Russia.* Chicago, 1959; *Goodman E. The Soviet Design for a World State.* New York, 1960; *Burnham J. The War We Are In: The Last Decade and the Next.* New York, 1967; *Strausz-Hupe R., Kintner W., Possony S. A Forward Strategy for America.* New York, 1961; *Strausz-Hupe R., Kintner W., Dougherty J., Cottrell A. Protracted Conflict.* New York, 1959; *Wolfe B. Communist Totalitarianism: Keys to the Soviet System.* Boston, 1961.

цией на изменение соотношения сил в мире в пользу социализма и внешнеполитические неудачи Соединенных Штатов. В этом отношении они продолжали линию критиков 50-х годов, возлагавших вину за послевоенные изменения в пользу социализма на американских либералов; требовавших дальнейшего воплощения в жизнь потерпевших банкротство внешнеполитических доктрин; предлагавших еще больше усилить их агрессивность.

В критике «справа» по существу сохранились все прежние домыслы идеологов американской реакции о предательстве Рузвельтом американских национальных интересов в Ялте⁹³, о том, что стремлению Соединенных Штатов исполнять роль мирового лидера мешает «превалирующая в США либеральная идеология»⁹⁴ и что они должны выбрать путь развития, который никогда не станет коммунистическим, «даже если единственной альтернативой будет смерть»⁹⁵, т. е. ядерная война.

Эти историки преподносят свою интерпретацию происхождения «холодной войны», до крайности утрируя миф о «советской угрозе». Наиболее концентрированно эти идеи выражены в работах идеолога «холодной войны» Дж. Бэрнхэма и группы «политических реалистов», занимавших те же позиции в 50-е годы.

Патологический антикоммунизм «идеалиста» Бэрнхэма заставляет его и в 60-е годы изображать «холодную войну» как новую ступень мировой войны, начавшейся, согласно выдвинутой им еще в 1947 г. «теории»⁹⁶, после победы Октябрьской революции в России. «В более общем смысле, — вещал Бэрнхэм, — то, что началось весной 1944 г., было не столько „новой“ третьей мировой войной, сколько новой фазой в продолжающейся войне, которая началась в 1917 г. с завоеванием большевиками власти в России»⁹⁷.

Искажая марксистско-ленинское положение об исторической неизбежности победы коммунизма, Бэрнхэм и его единомышленники представляли внешнеполитические цели Советского Союза как планы насильственной «тотальной победы» над капиталистическим миром. В от-

⁹³ См. подробнее: *Сосинский С.* Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М., 1970.

⁹⁴ *Burnham J.* The War We Are In, p. 65—66.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 334—335.

⁹⁶ *Burnham J.* The Struggle for the World. New York, 1947.

⁹⁷ *Burnham J.* The War We are In, p. 11.

личие от тех официозных работ, где пропагандистская идея о «мировом коммунистическом завоевании» подается соразмерно целям обоснования якобы оборонительной политики «сдерживания», Дж. Бэрнхэм и другие «правые» критики, толкуя мифическую «советскую угрозу» как глобальную и преимущественно военно-идеологическую, продолжали осуждать «сдерживание», называя его политикой выживания, а не борьбы и требуя полного сокрушения коммунистической системы, т. е. «тотального ответа»⁹⁸.

В трудах «политических реалистов», придающих первостепенное значение вооруженной силе и объединявшихся главным образом вокруг Р. Страуса-Хюпе, возглавлявшего Пенсильванский институт внешнеполитических исследований⁹⁹, идеи о «тотальной войне» коммунизма и необходимости «тотального ответа», развиваемые «идеалистом» Бэрнхэмом, получили воплощение в концепции «затяжного конфликта». В советской литературе справедливо отмечается, что эту крайне реакционную школу американской политической мысли, часто именуемую собирательным именем «пенсильванцы», отличает «ярко выраженная воинственность, крикливый антикоммунизм, стремление всячески драматизировать проблемы, разделяющие Советский Союз и Соединенные Штаты на международной арене. Пенсильванцы — это „бешеные“ в рядах „реалистов“»¹⁰⁰.

Сторонники Страуса-Хюпе, манипулируя троцкистскими и маоистскими идеями об «экспорте» мировой революции, пытались представить марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы в применении к взаимоотношениям двух различных социальных систем как обоснование мировой (сродни упоминавшейся Бэрнхэмом) войны¹⁰¹, исключающей возможность их мирного сосуществования. Однако принципиальное положение марксист-

⁹⁸ Ibid., p. 12, 334, 335.

⁹⁹ С 1969 г., в связи с назначением Страуса-Хюпе на дипломатический пост, Пенсильванский институт внешнеполитических исследований возглавил У. Кинтнер, который в 1973—1975 гг. тоже привлекался к дипломатической работе. См.: *Kaplan M. Strausz-Hupé R.: Scholar, Gentleman, Man of Letters.* — *Orbis*, 1970, Winter, p. 58; 1977, Spring, p. 140.

¹⁰⁰ Каренин А. Философия политического насилия, с. 15.

¹⁰¹ *Strausz-Hupé R., Kintner W., Dougherty J., Cottrell A. Protracted Conflict*, p. 109; *Strausz-Hupé R. On Protracted Conflict. San Francisco (Cal.)*, 1965, p. 10; *Kintner W. Peace and the Strategy Conflict. New York etc.*, 1968, p. 244.

стско-ленинской теории о том, что «сосуществование государств с различным общественным строем есть форма классовой борьбы между социализмом и капитализмом»¹⁰², имеет совсем иной смысл, чем тот, который пытаются вложить в него противники идеи мирного сосуществования. Давая отпор всевозможным инсинуациям по поводу соотношения разрядки и классовой борьбы, в Отчетном докладе XXV съезду КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что разрядка и мирное сосуществование «касаются межгосударственных отношений. Это означает прежде всего, что споры и конфликты между странами не должны разрешаться путем войны, путем применения силы или угрозы силой. Разрядка ни в коей мере не отменяет и не может отменить или изменить законы классовой борьбы... А вот строгое соблюдение принципа невмешательства в дела других государств, уважение их независимости и суверенитета — это одно из непеременимых условий разрядки»¹⁰³.

«Пенсильванцы» критиковали правящие круги Соединенных Штатов за «оборонительные» действия и требовали активизации политики «с позиции силы», не исключающей использования ядерного оружия¹⁰⁴. Происходивший в начале 70-х годов под влиянием глубоких перемен в расстановке мировых сил позитивный пересмотр внешнеполитического курса США в отношении Советского Союза и других социалистических стран вызвал ожесточенные нападки «правых». Оставаясь на позициях принципиальных противников конструктивной перестройки этих отношений и лишь слегка видоизменив свои прежние взгляды, они выступили с критикой политики разрядки, требовали достижения стратегического превосходства над СССР, дальнейшего наращивания гонки вооружений, укрепления НАТО¹⁰⁵.

Метаморфозы апологетической историографии свидетельствовали о неослабевающих попытках сохранить с помощью подновленных теорий и концепций антиком-

¹⁰² Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961, с. 61.

¹⁰³ Брежнев Л. И. Лениным курсом: Речи и статьи. М., 1976, т. 5, с. 485.

¹⁰⁴ Strausz-Hupé R., Kintner W., Possony S. A Forward Strategy for America, p. 4—5.

¹⁰⁵ Strausz-Hupé R., Dougherty J., Kintner W. e. a. Building the Atlantic World. Westport (Conn.), 1974; Kintner W. The U. S. and USSR: Conflict and Cooperation.— Orbis, 1973, Fall.

мунистические идеи, опровергнутые всем ходом развития послевоенной истории. И дело тут, конечно, не только в инерции мышления американских буржуазных историков, ориентированных на реакционные идеологические стереотипы, но, скорее, в достаточно сильной политической устойчивости тех, кто продолжает возлагать особые надежды на обанкротившуюся политику «с позиции силы» во взаимоотношениях с СССР и странами социализма. Идеологическая активность «правых» экстремистов неразрывно связана с устремлениями наиболее агрессивных группировок в американской правящей верхушке, противящихся реалистической линии во внешней политике США и не прекращающих усилия, направленные на противодействие процессу разрядки международной напряженности и улучшения двусторонних отношений с СССР.

НАПРАВЛЕНИЕ «АКАДЕМИЧЕСКОЙ КРИТИКИ»

Пересматривая внешнеполитический курс Соединенных Штатов в свете вьетнамского опыта и с позиций критики неограниченных глобалистических притязаний Америки ¹⁰⁶, многие буржуазные исследователи 60—70-х годов выступили с отличными от официальной концепциями относительно развития советско-американских отношений в первые послевоенные годы.

Пытаясь найти какие-нибудь «новые» аргументы в пользу своих утверждений о той роли, которую, по их мнению, призвана играть в современном мире американская «мощь», наиболее последовательные «политические реалисты» вслед за Г. Моргентау, Н. Грэнбером, Дж. Кеннаном упирали на то, что все провалы американской внешней политики проистекали-де из-за игнорирования администрацией Г. Трумэна мнения сторонников концепции «сфер влияния» (У. Липпмана, Г. Стимсона, Г. Уоллеса, К. Пеппера, Г. Тейлора и др.). В 60-х — начале 70-х годов последователи первых либеральных критиков послевоенной внешней политики США из двух существующих в буржуазной историографии концепций о путях устройства послевоенного мира — «универсализма», т. е. внешнеполитического

¹⁰⁶ Globalism and its Critics. The American Foreign Policy Debate of the 1960's/Ed. with an Introd. by W. Taubman. Lexington etc., 1973.

«глобализма», и раздела мира на «сферы влияния» — отдали предпочтение второй¹⁰⁷. Это отнюдь не означало отказа от апологии курса на сохранение Соединенными Штатами своего доминирующего влияния на мировой арене. Просто эти исследователи призывали учитывать «сферы влияния», которые, по их мнению, представляют собой проявление «естественных законов» человеческого общества, особенно в условиях существования национальных государств¹⁰⁸. Сторонники концепции «сфер влияния» в объяснении советско-американских отношений конца второй мировой войны и первых послевоенных лет противопоставляли «реализм» У. Черчилля «идеализму» Ф. Рузвельта, доказывая, что американские политики должны были согласиться с изменениями, произошедшими в Восточной Европе и на Балканах, которые, по их мнению, были фактически признаны США в Ялте. Поэтому последующий отказ Соединенных Штатов признать де-факто революционные преобразования в Восточной Европе походил, по их мнению, на «донкихотство»¹⁰⁹.

Попытки американских буржуазных историков с помощью составляющих доктрину «политического реализма» концепций (в частности, о предопределенной теорией «баланса сил» борьбе всех национальных государств за свои «сферы влияния») игнорировать принципиальные различия во внешнеполитической деятельности социалистических и капиталистических государств не имеют под собой никаких фактических оснований. Обратимся к истории. Чаще всего буржуазными авторами в их измышлениях о советских «сферах влияния» используется так называемый польский вопрос. Речь идет о том, что в конце второй мировой войны и в первые послевоенные годы СССР решительно воспротивился попыткам западных держав навязать польскому наро-

¹⁰⁷ *Morgenthau H.* A New Foreign Policy for the United States. New York, 1969; *Idem.* Truth and Power; *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961; *Idem.* On Dealing with the Communist World. New York, 1964; *Idem.* Memoirs, vol. I; *Graebner N.* Cold War Diplomacy, 1945—1960. Princeton (N. J.), 1962; *Tucker R.* Nation or Empire? The Debate over American Foreign Policy. Baltimore, 1968; *Lerche Ch., Jr.* The Cold War and After. Englewood Cliffs (N. J.), 1965; *Stillman E., Pfaff W.* Power and Impotence. The Failure of America's Foreign Policy. New York, 1966, etc.

¹⁰⁸ The Origins of the Cold War, p. 87—90.

¹⁰⁹ *Ibid.*, p. 102.

ду антидемократическое правительство. Это противодействие изображается как «вмешательство» Советского Союза в дела суверенного государства. Однако, как подчеркивалось на Ялтинской конференции, суть советской позиции в польском вопросе состояла в том, что СССР исходил прежде всего из национальных интересов и прав самого польского народа. «Известно,—говорил И. В. Сталин,—что царское правительство стремилось ассимилировать Польшу. Советское правительство совершенно изменило эту бесчеловечную политику и пошло по пути дружбы с Польшей, обеспечения ее независимости»¹¹⁰. Противодействуя планам западных держав, которые стремились восстановить в освобожденных Советской Армией от фашистских захватчиков странах Восточной Европы реакционные режимы и выступали против происходивших там революционных преобразований, Советский Союз руководствовался прежде всего принципами пролетарского интернационализма и братской помощи, невмешательства во внутренние дела этих стран¹¹¹.

Польский народ имел возможность на деле оценить, кто является истинным другом молодого революционного государства. Соединенные Штаты всячески пытались усилить свое влияние в Польше (равно как и в других странах Восточной Европы) посредством экономической помощи. Проводник этой политики американский посол в Польше А. Лэйн рассматривал такую помощь как рычаг для навязывания польскому правительству американских условий послевоенного устройства¹¹². Подготовка и принятие Соединенными Штатами «плана Маршалла» окончательно разоблачили истинный характер американской помощи, предназначенной для поддержания капиталистических порядков в странах Европы. Принципиально иным был подход Советского Союза, который, помимо политической поддержки, оказал Польше (несмотря на переживаемые нашей экономикой

¹¹⁰ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV. Крымская конференция трех союзных держав СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.): Сб. документов. М., 1979, с. 100.

¹¹¹ Шишов Н. И. Помощь СССР народам Европы в 1944—1945 гг.—Вопр. ист., 1979, № 2, с. 16—29.

¹¹² Paterson T. Soviet-American Confrontation. Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War. Baltimore; London, 1973, p. 131.

собственные послевоенные трудности) большую помощь в восстановлении разрушенных войной промышленных предприятий, электростанций, путей сообщения и др. В 1947—1948 гг. СССР предоставил ей значительные заем и кредит и отказался в пользу Польши от части поставок угля, предусмотренных в репарационных соглашениях по Германии.

Отождествление мотивов советской внешней политики с экспансионистскими устремлениями американского империализма, смотревшего на весь послевоенный мир как на свою огромную «сферу влияния», необходимо «реалистам»-критикам прежде всего для того, чтобы снять вопрос об агрессивном характере «жесткого курса» США в отношении СССР и развязанной ими политики «холодной войны». Вместе с тем в концепции «сфер влияния» нашло своеобразное отражение признание американскими буржуазными историками ограниченности американской «мощи» в послевоенном мире. Критикуя политику Г. Трумэна, Н. Грэбнер писал: «С самого начала было ясно, что простое отрицание советской политики в Восточной Европе ни в коей мере не повлияет на ход событий в [этом] районе»¹¹³.

Тот же мотив звучит и в работах Дж. Кеннана, взгляды которого под влиянием изменения мирового соотношения сил, как уже отмечалось, значительно эволюционировали к началу 60-х годов. В мемуарах Дж. Кеннан писал, что уже в 40-е — начале 50-х годов, участвуя в разработке официальных внешнеполитических доктрин, он, как и сторонники «сфер влияния», осознал невозможность помешать революционным событиям в Восточной Европе и необходимость «спасать» более «важную» и «жизнеспособную» Западную Европу, которой-де тоже «угрожал» коммунизм¹¹⁴.

«Политические реалисты», как и апологеты официальных концепций, также исходят из надуманного тезиса о «советской угрозе». Но для многих «реалистов» как приверженцев «силовой» политики в принципе не так уж важна идеологическая оболочка «силы». «Идеология рассматривалась как компонент силы, а не как ее ориентир», — так определял П. Сибэри основное отличие их

¹¹³ Graebner N. Cold War Origins and Continuing Debate: a Review of Recent Literature, p. 127.

¹¹⁴ Kennan G. Memoires, vol. I, p. 253.

схем от официальных догм¹¹⁵. Пытаясь выработать более гибкий антикоммунистический курс Соединенных Штатов в современном мире, последователи Г. Моргентау подчеркнуто деидеологизировали внешнеполитические аспекты взаимоотношений двух держав с различным общественным строем. Первостепенное внимание в их работах уделяется фактору «национального интереса» во внешней политике Советского Союза. С этой целью они гораздо шире, чем те «реалисты», которые придают большое значение «морали» и «идеалам» во внешней политике США (У. Ростоу, А. Шлезингер-мл., З. Бжезинский и др.), пользуются антиисторической концепцией «преемственности» между внешней политикой Советского Союза и царской России¹¹⁶. С помощью этой концепции американские буржуазные историки пытались доказать, что именно непонимание «советской угрозы», толкование ее только в идеологическом плане вызвало многие провалы внешней политики США. Как писал Г. Моргентау, Советский Союз с помощью коммунистической идеологии стремился получить традиционные «сферы влияния» и не помышлял о «мировом коммунистическом завоевании»¹¹⁷. Так же определял характер «советской угрозы» и Н. Грэбнер: «Для вдумчивых американцев в 1945 г. проблема состояла не в советской идеологии, а в новом соотношении сил»¹¹⁸.

Позиция Дж. Кеннана относительно тезиса о «советской угрозе» менялась под влиянием развития событий в послевоенном мире. В 50-х годах он еще писал о комбинированной (т. е. военно-политической) угрозе¹¹⁹, но в мемуарах уже предпочел говорить только о ее политическом характере. Высказывания Дж. Кеннана отличались двусмысленностью, приспособленчеством (что показывает и полемика американских буржуазных историков, посвященная эволюции доктрины «сдерживания»¹²⁰) и отражали его подход к истории как к своеобразному политическому инструменту, используемому

¹¹⁵ Seabury P. The Rise and Decline of the Cold War, p. 66.

¹¹⁶ В особенно утрированной форме эта концепция представлена в кн.: Cowles V. The Russian Dagger. Cold War in the Day of Czars. New York; Evanston, 1969.

¹¹⁷ The Origins of the Cold War, p. 96.

¹¹⁸ Graebner N. Cold War Diplomacy, 1945—1960, p. 15.

¹¹⁹ Kennan G. Russia, the Atom and the West, p. 64.

¹²⁰ Containment and the Cold War: American Foreign Policy since 1945/Ed. by T. Paterson. Reading (Mass.), 1973.

для обоснования наиболее подходящего, с его точки зрения, варианта защиты капиталистического мира.

Другой исследователь, «политический реалист» Ч. Лерч-мл., характеризовал внешнюю политику США как косную и безнадежно устаревшую. По его мнению, США в своих внешнеполитических расчетах не должны были придавать столь большое значение фактору «советской угрозы». Исходя из постулатов «политического реализма», который переносит категории империалистической внешней политики на международную деятельность социалистических государств, этот автор заявлял, что Советский Союз как особый тип национально-го государства ничем не отличается от США, поэтому традиционное толкование американской послевоенной внешней политики как оборонительной означает-де принижение американского лидерства в извечной политической борьбе государств за выгодный «баланс сил»¹²¹.

«Реалистические» критики доказывали, что США должны были признать наличие «сфер влияния» в послевоенном мире. Они критиковали официальный курс за недостаточное умение отличать жизненно важные от не столь необходимых «национальных интересов». Г. Моргентау подчеркивал, что второстепенные «национальные интересы» не должны достигаться за счет главного — безопасности территории и политических институтов¹²². По мнению защитников концепции «сфер влияния», это предполагает отстаивание «сдерживания» коммунизма в региональных границах, борьбу с коммунизмом по силам и средствам, от чего-де Соединенные Штаты отказались к началу 50-х годов, распространив политику «сдерживания» за пределы Европы. Н. Грэбнер писал, что неверная посылка американских политиков об идеологических причинах конфликта двух великих держав «привела в конце концов к распространению борьбы между Востоком и Западом из Восточной Европы на весь мир»¹²³.

Как считают «реалисты»-критики, США, стремясь воспрепятствовать мировому революционному процессу, якобы «инспирированному Кремлем», не только теряли

¹²¹ *Lerche Ch., Jr. Op. cit., p. 35, 40.*

¹²² *Morgenthau H. A New Foreign Policy for the United States, p. 241.*

¹²³ *Graebner N. Cold War Diplomacy, 1945—1960, p. 40. См. также: Morgenthau H. A New Foreign Policy for the United States, p. 17.*

свой престиж, став заведомо контрреволюционной державой, но и принимали на себя обязательства, не соответствовавшие их возможностям. Единомышленники Г. Моргантау полагали, что стоявшие перед США внешнеполитические проблемы могли быть решены рациональным путем. Они были против твердолобого антикоммунизма, поскольку он связан с постановкой недостижимых целей и задач, что, по их мнению, наглядно доказали «доктрина Трумэна» и доктрина «освобождения». Еще в начале 60-х годов Дж. Кеннан говорил, что США, хотя и великая держава, должны отказаться от «поисков абсолюта в мировых делах»¹²⁴.

Все это, разумеется, не означало, что «политические реалисты» объективно освещали причины «холодной войны» и политики «сдерживания». Их позиция по сути представляет собой более гибкую апологию глобального американского экспансионизма послевоенного времени; их рекомендации относительно использования антикоммунизма отличаются тем, что в них предлагаются «на выбор» различные средства для этой цели. «Они являются критиками средств, а не целей или широких интересов политики, как таковые они разделяют экспансионистские взгляды на американскую роль в мире и безопасность, которые отличали американскую политику в период четырех администраций», — приходил к выводу профессор университета им. Дж. Гопкинса Р. Такер¹²⁵, в основном солидаризирующийся с этими критиками.

Таким образом, спор между «реалистами»-критиками и официозными историками о послевоенном мирном урегулировании ведется отнюдь не для выяснения истины об ответственности за развязывание политики «холодной войны», а лишь для того, чтобы выяснить, не была ли бы иная тактика Соединенных Штатов более успешной. Грань, отделяющая этих критиков от апологетов официальной версии, и вовсе исчезает, когда они заявляют, что коммунистическая идеология (которую они в отличие от А. Шлезингера-мл., Дж. Лукача, П. Сибэри и др. считают в значительной степени простой риторикой) усугубляла конфликт, проистекавший из-за борьбы за выгодный «баланс сил»¹²⁶.

¹²⁴ Kennan G. Russia and the West under Lenin and Stalin, p. 397.

¹²⁵ Osgood R. e. a. America and the World. From the Truman Doctrine to Vietnam. Baltimore; London, 1970, p. 74.

¹²⁶ The Origins of the Cold War, p. 92.

В такой интерпретации причин осложнения послевоенных советско-американских отношений и перерастания их в «холодную войну» политика Соединенных Штатов оказывается оправданной, их вина за ее развязывание — преуменьшенной, а политика Советского Союза представляется в извращенном виде. Поэтому нельзя считать этих критиков некоторых аспектов официальной трактовки политики США ее действительными противниками. В их работах нет и намека на признание классового характера «холодной войны» и существование агрессивных замыслов империалистических кругов Запада в отношении СССР. Л. Гарднер верно отмечал: «Их ответы родчас были такими же упрощенными, как и интерпретация, которую они критиковали»¹²⁷.

Обобщая рассмотренные взгляды «политических реалистов» на проблему происхождения «холодной войны», можно сказать, что их критика внешней политики Соединенных Штатов в период первой администрации Трумэна идет в русле либерального «консерватизма», начавшегося в ранних трудах послевоенных критиков¹²⁸. Защищая выборочное использование «силы» в современном мире, представители этого направления ищут корни внешнеполитических кризисов Америки в «ошибочной» политике США конца 40-х — начала 50-х годов и даже не ставят вопроса о порочности самой идеи «Рак Американа». Их цель не радикальная переоценка характера и соотношения сил на мировой арене, а недопущение некоторого вида ошибок, которые были сделаны в прошлом»¹²⁹.

* * *

Несколько дальше от официальной трактовки происхождения «холодной войны» отстоят вышедшие во второй половине 60-х годов исследования таких буржуазных

¹²⁷ Gardner L. Architects of Illusion. Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941—1949. Chicago, 1970, p. 302.

¹²⁸ Некоторые либеральные критики 40-х годов развивали свои взгляды и в 60-е годы. В частности, к «реалистам»-критикам, без сомнения, относится У. Липпман, продолжавший осуждать «глобализм» этих позиций. См.: Lippmann W. The Communist World and Ours. Boston; Toronto, 1959; Idem. Globalism and Antiamericanism.— New York Herald Tribune, 1964, 29 Dec.; Idem. Globalism and Isolationism.— Ibid., 1965, 23 Febr.

¹²⁹ The Origins of the Cold War, p. X.

историков, как Ф. Шуман, М. Шульман, Л. Галле, Дж. Либерман и др., которые возражают против канонизации какой-либо одной концепции происхождения «холодной войны» и стремятся к широкому истолкованию внешней политики США в исторической ретроспективе. Исследователь международных отношений проф. М. Шульман (долгое время был директором Русского института при Колумбийском университете, а с 1977 г. главный советник государственного секретаря по американо-советским отношениям) так разъяснял этот подход: «Нам необходимо дать общественности четкое представление о процессах, являющихся по своей природе неоднозначными и переходными, чтобы она могла судить об этом с помощью дифференциации степеней, а не колебаний между упрощенными крайностями»¹³⁰.

В работах этой группы критиков внешней политики Соединенных Штатов имеется немало точек соприкосновения с положениями модернизированной официальной версии и концепциями «реалистических» критиков, хотя в полном смысле «политическими реалистами» можно считать Ф. Шумана, М. Шульмана и Л. Галле. Прежде всего эта общность выражается в том, что и для данных историков «холодная война» представляется исторически закономерной. Однако многие из них предпочитают уделять первостепенное внимание не идеологическому или «силовому» факторам, а психологическим мотивам. «Холодная война,— считал известный специалист по международным отношениям проф. Ф. Шуман,— была результатом страхов и подозрений, взаимных сомнений и недоверия, порожденных среди главных членов коалиции объединенных наций...»¹³¹ М. Шульман называл «холодную войну» неизбежной коллизией несовместимых интересов, которая усилилась благодаря «искаженным» представлениям Соединенных Штатов и Советского Союза друг о друге¹³².

Проф. Л. Галле (который служил в группе планирования политики госдепартамента, когда разрабатывалась доктрина «сдерживания») при анализе советско-американских отношений, как и критики-«реалисты», исходил из принципов «баланса сил» и борьбы за «силу», однако

¹³⁰ *Shulman M.* Beyond the Cold War. New Haven, 1966, p. 17.

¹³¹ *Schuman F.* The Cold War: Retrospect and Prospect. Baton Rouge, 1962, p. 87.

¹³² *Shulman M.* Beyond the Cold War, p. 3.

: помощью концепции «географического детерминизма» отодвигал «холодную войну» в более удаленную от современности историческую ретроспективу. Высказываясь в конце 60-х годов о политике «холодной войны», этот историк полагал, что она представляет собой «взрыв в конфликте, который продолжался веками и все еще продолжается»¹³³, причем «коммунистическая угроза имеет скорее случайное, нежели прямое отношение» к причинам этого взрыва¹³⁴. Истинные корни советско-американской конфронтации он усматривал в географической незащищенности России. Именно этот фактор порождал, по его словам, ее издревле сложившийся оборонительный экспансионизм», нацеленный на укрепление и расширение естественных границ государства. Америка благодаря благоприятным географическим условиям имела другие идеалы, веру в свою силу и не могла понять мотивов поведения СССР в Восточной Европе после окончания второй мировой войны¹³⁵.

Л. Галле, используя появившийся еще на первом этапе «холодной войны» афоризм о борьбе «скорпиона и тарантула в одной бутылке», изображал «холодную войну» как историческую неизбежность, в которой нет правых и виноватых. «...Мы можем, собственно говоря, испытывать сожаление по отношению к обеим сторонам, занятым разрешением непреодолимой дилеммы»¹³⁶. Иными словами, ответственность за агрессивный курс американских правящих кругов перекладывается на саму историю.

В значительной степени те же взгляды свойственны Дж. Либерману, который, правда, склонен усматривать в качестве сопутствующей причины ухудшения советско-американских отношений невозможность достижения в первое послевоенное десятилетие международного контроля над атомной энергией¹³⁷. Но в отличие от Галле с его утверждениями о непреодолимости конфликта данный автор подчеркивал, что отказ США от противодействия СССР в его «восточноевропейской политике»

¹³³ *International Journal*, 1968, vol. XXII, N 3, p. 336.

¹³⁴ *Halle L.* The Cold War as History, p. 12.

¹³⁵ *Ibid.*, p. 10—29.

¹³⁶ *Ibid.*, p. XIII.

¹³⁷ *Lieberman J.* The Scorpion and the Tarantula. The Struggle to Control Atomic Weapons, 1945—1949. Boston, 1970, p. 401—402.

мог бы привести к иному ходу событий, более выгодному для самих американцев.

Общая позиция всех этих авторов (сводящаяся к идее о «взаимной ответственности» или «отсутствия вины» сторон) в конечном счете представляет попытку обвинить в развязывании «холодной войны» в первую очередь Советский Союз. К этому ведет подмена объективного анализа истинных причин обострения советско-американских отношений после окончания второй мировой войны манипулированием внеисторическими и внеклассовыми концепциями «баланса сил», «преемственности», «географического детерминизма», «оборонительного экспансионизма», психологической мотивацией событий.

Вместе с тем, подвергая сомнению традиционную официальную догму о стремлении Советского Союза к «мировой экспансии коммунизма» в 1945—1949 гг., данные критики более решительно, чем сторонники концепции «сфер влияния», упрекали правящие круги США в «преувеличении масштабов» «советской угрозы» и непонимании внешней политики СССР. Они также задавались вопросом и о роли, которую сыграла в развитии «холодной войны» политика Соединенных Штатов. Так, М. Шульман отмечал, что США специально «затуманили вопрос о деятельности Советского государства и об угрозе международного коммунизма»¹³⁸, и указывал на контраст между наращиванием американской мощи для военного ответа на несуществующий военный вызов СССР и забвением американскими руководящими лицами действительно насущных задач периода, «которые не имели прямых связей с советским вызовом»¹³⁹. В другой работе М. Шульман говорил об «определенной мере ответственности со стороны Соединенных Штатов за обострение конфликта»¹⁴⁰. Либерман, имея в виду срыв послевоенного сотрудничества бывших союзников, подчеркивал: «Соединенные Штаты наравне с Советским Союзом разделяют вину и ответственность за эту большую неудачу»¹⁴¹. В том же духе в середине 60-х годов

¹³⁸ *Shulman M. Relations with the Soviet Union. Washington (D. C.), 1968, p. 376.*

¹³⁹ *Shulman M. Beyond the Cold War, p. 16—17.*

¹⁴⁰ *Shulman M. Relations with the Soviet Union, p. 375.*

¹⁴¹ *Lieberman J. Op. cit., p. 399.*

писали и известные ныне своими ревизионистскими воззрениями профессор Р. Барнет и М. Раскин¹⁴².

О «преувеличении» правящими кругами США «агрессивных» намерений Советского Союза писал и Ф. Шуман, который, подобно Д. Флемингу, профессору университета Вандербильда, и ряду других «ревизионистов», считал источником послевоенной напряженности (наряду с уже отмеченными факторами) антисоветские настроения западных держав с 1917 г.¹⁴³ Автор одной из больших статей, посвященных историографии «холодной войны», А. Кауфман (помимо преподавательской деятельности, сотрудничал в журнале «Диссент») с позиций либерализма весьма критически оценивал концепции «ревизионистов»-радикалов. В то же время, упрекая правящие круги США в ничем не обоснованном раздувании военной истерии, он шел дальше других либеральных критиков, приближаясь к концепциям «ревизионистов». Кауфман не только осуждал Соединенные Штаты за то, что они приняли на себя функции мирового жандарма, но и пытался связать эту позицию с внутренней структурой американского общества¹⁴⁴.

Характерно, что в последующее десятилетие, по мере поворота правящих кругов США от политики «холодной войны» к разрядке напряженности, в работах сторонников концепции «взаимной ответственности» усиливается тенденция к заимствованию аргументов «ревизионистов», что дало повод некоторым американским буржуазным исследователям говорить о появлении новой разновидности «ревизионизма» — его «умеренном крыле»¹⁴⁵. Например, из анализа взаимоотношений между конгрессом и администрацией Г. Трумэна, принятого Сюзанной Хартман¹⁴⁶, вытекает, что Соединенные Штаты отнюдь не непреднамеренно (как это утверждает апологетическая версия) перешли к антисоветскому курсу в пос-

¹⁴² *Barnet R., Ruskin M. After 20 Years: Alternatives to Cold War in Europe.* New York, 1965, p. 25.

¹⁴³ *Schuman F. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics.* New York, 1957; *Idem. The Cold War*, p. 27, 78—79.

¹⁴⁴ *Kaufman A. Cold War in Retrospect and Prospect: Four Views at the Cold War.— Dissent*, 1967, Nov.-Dec., p. 790.

¹⁴⁵ *Siracusa J. New Left Diplomatic Histories and Historians: The American Revisionists.* Port Washington (N. Y.); London, 1973, p. 77, 119.

¹⁴⁶ *Hartmann S. Truman and 80th Congress.* Columbia (Miss.), 1971.

левоенный период, что администрация целенаправленно предпринимала усилия для мобилизации в своих агрессивных целях поддержки конгресса, экономического и военного потенциала страны. М. Шервин, вслед за Г. Алпровицем исследовавший роль «атомной дипломатии» в происхождении «холодной войны», приходит к выводу о том, что американская внешняя политика всегда рассматривала атомную бомбу как потенциальный инструмент нажима на СССР в вопросах послевоенного мирного урегулирования¹⁴⁷. Профессор Калифорнийского университета Дж. Стюарт во вступительной статье к сборнику, посвященному президенту Г. Трумэну и содержащему ряд статей «ревизионистов», явно под влиянием взглядов последних проводил мысль о том, что не «советская угроза», наличие которой он, впрочем, не отрицал, а именно традиционные устремления Соединенных Штатов к экономической и политической экспансии предопределяли их внешнеполитический курс в послевоенном мире¹⁴⁸.

Любопытно, что некоторые «модернисты», обратившиеся к проблемам советско-американских отношений в их исторической ретроспективе, также оказались близки к рассматриваемому течению буржуазной критики. Ранее уже подчеркивалось, что «модернистское» направление в исследовании международных отношений испытывает на себе серьезное воздействие «традиционалистских» идей, особенно «политического реализма», при анализе живого исторического материала. Известный представитель американских политологов А. Раппорт, которого принято считать «модернистом» (в круг его научных интересов входят математика, биология, социология и психология), объяснял это устойчивое влияние идей «политического реализма» спецификой используемых исследователями источников. Последние отражают взгляды политических деятелей правительства США, руководствующихся принципами теории «баланса сил». «„Реалистические“ обобщения,— подчеркивал он,— практически навязываются любому, кто рассмат-

¹⁴⁷ *Sherwin M. The Atomic Bomb and the Origins of the Cold War: US Atomic-Energy Policy and Diplomacy, 1941—45.*— *American Historical Review*, 1973, Oct., p. 945—968; *Idem. A World Destroyed. The Atomic Bomb and the Grand Alliance.* New York, 1977.

¹⁴⁸ *Succession or Repudiation? Realities of the Truman Presidency/Ed. by J. Stuart.* New York, 1975, p. 5—6.

ривает эти источники как основные сведения о политической и военной истории»¹⁴⁹.

Сам А. Рапопорт, рассматривавший международные отношения в рамках общей теории конфликта, при анализе советско-американских отношений после окончания второй мировой войны постоянно учитывал доминанту «реалистических» воззрений в политических расчетах США (переноса их, как и сторонники «сфер влияния», также и на внешнюю политику Советского Союза). Однако центральной темой его анализа начальной фазы послевоенных советско-американских отношений является эксплуатируемая столь многими буржуазными критиками концепция о преобладающем влиянии на события «холодной войны» «ошибочных» представлений сторон. Детерминировав психологический фактор в послевоенных внешнеполитических планах американских правящих кругов, А. Рапопорт, с одной стороны, разоблачает миф о «советской угрозе», как не отвечающий реальным событиям¹⁵⁰, а с другой — оправдывает лежащую в основе политики Соединенных Штатов «потребность американского капитала расширять свое влияние»¹⁵¹ господствующими представлениями о «гуманности» планов «Rach Amerisana». То, что Рапопорт значительно преувеличивает воздействие на исторический процесс идеологических мифов, которые к тому же рассматриваются в отрыве от порождавшей их социально-экономической основы, приводит его, как мы увидим позже, к искаженному пониманию возможности мирного сосуществования двух противоположных общественных систем.

Пишущий в ключе «модернистских» изысканий Дж. Донован отдал предпочтение теории «властвующей элиты» в исследовании процесса формирования и принятия основных решений политики «холодной войны» и всю ответственность за этот курс и внешнеполитические неудачи Соединенных Штатов возложил на небольшую группу политических деятелей, тесно связанных с влиятельными деловыми кругами¹⁵². Недальновидное поведение «властвующей элиты» (рассматривавшей атомную

¹⁴⁹ *Rapoport A. The Big Two. Soviet American Perceptions on Foreign Policy.* New York, 1971, p. 22.

¹⁵⁰ *Ibid.*, p. 113—114, 145—146.

¹⁵¹ *Ibid.*, p. 142.

¹⁵² *Donovan J. The Cold Warriors. A Policy-Making Elite.* Lexington (Mass.) etc., 1974, p. 260—261.

бомбу как политическое оружие, преувеличивавшей опасность «советской угрозы», осуществлявшей политику «глобального сдерживания») он объяснял «искаженными» представлениями о советских намерениях.

Разделяя многие взгляды «ревизионистов» и опираясь на работы Г. Колко для выявления экономических позиций «властвующей элиты», Дж. Донован в то же время приходит к далеко не радикальным выводам. Он полностью отрицает решающее воздействие монополистического капитала на усиление консерватизма, контрреволюционности и милитаризма во внешней политике США. С помощью психологической мотивации политической деятельности тех наиболее воинственных и влиятельных американских государственных деятелей 40-х годов, о которых он пишет, автор обходит наиболее острые моменты в трактовке рассматриваемой проблемы, ссылаясь на несовершенство человеческой природы, ее невежество и косность.

Неоднозначность методологических и политических позиций группы исследователей, стоящих между критиками-«реалистами» и историками-«ревизионистами», говорит о сложности процессов, происходящих в современной американской буржуазной историографии послевоенных взаимоотношений СССР и США. В ней находят своеобразное преломление все оттенки политического спектра Соединенных Штатов 60—70-х годов, столкнувшихся с серьезными последствиями «глобализма» и связанной ими политики «холодной войны». Но, пытаясь рассматривать прошлое с помощью эклектической концепции «взаимной ответственности», они не могут предложить научного ответа на вопрос об истоках международной напряженности в послевоенном мире и путях ее преодоления. Таков результат кризисного состояния буржуазной исторической науки, не способной вооружить исследователя действенной научной методологией. Показательно, что, именно преодолевая основные догматы антикоммунизма, такие историки, как Ф. Шуман, Р. Барнет и М. Раскин (уже в ранних работах), А. Кауфман, политологи типа А. Рапопорта и некоторые другие, смогли дать ряд объективных оценок современности и происхождения «холодной войны».

Сколько бы ни было симптоматичным для состояния историографии советско-американских отношений появление работ сторонников концепции «взаимной ответст-

венности», тревогу и негодование представителей официальной школы вызывают отнюдь не они. Как раз напротив, некоторые буржуазные историки стремятся найти тождество между этими исследователями и ортодоксальными апологетами «холодной войны». Автор откровенно прагматического историографического труда У. Уэлч, поборник идеи сведения воедино системы накопленных знаний о советско-американских отношениях (главным образом для удовлетворения нужд официального Вашингтона), рассматривая работы данных критиков, всячески подчеркивал те моменты, которые связывают их оценки с традиционными концепциями¹⁵³. Весь научный арсенал официозных историков, поддержанных в данном случае и многими критиками¹⁵⁴, направлен против тех, кто пытается приблизиться к действительно объективному пониманию происхождения «холодной войны», вскрыть социально-экономические и идеологические корни внешней политики Соединенных Штатов.

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИКОВ-«РЕВИЗИОНИСТОВ»

«Ревизионизм», т. е. пересмотр и опровержение официальных концепций, приобрел в американской буржуазной историографии черты некой закономерности. «Исторический ревизионизм — перетолкование событий, чтобы опровергнуть традиционный взгляд на прошлое — периодическое явление в Америке, особенно после непопулярных войн. Ревизионизм выполняет несколько функций. Он может раскрыть реальность в новом свете; может продемонстрировать важный образец мышления в интеллектуальном обосновании общественной политики или может создать исторические «мифы», которые влияют на общественное мнение или политику», — так характеризовал данное явление «политический реалист» Р. Осгуд¹⁵⁵ в предисловии к одной из первых монографий, посвященной «ревизии» внешней политики США в работах радикалов 60-х годов. О своеобразной цикличности «ревизионизма» в историографии говорят и дру-

¹⁵³ Welch W. American Images of Soviet Foreign Policy. New Haven; London, 1970, p. 298.

¹⁵⁴ См., например: Davis L. The Cold War Begins. Soviet American Conflict over Eastern Europe. Princeton (N. J.), 1974.

¹⁵⁵ Tucker R. The Radical Left and American Foreign Policy, p. V.

гие американские буржуазные историки, ссылаясь на примеры 20—30-х годов и даже XIX в.¹⁵⁶

В послевоенный период американская буржуазная историография испытала как бы две волны «ревизионизма». Первая, как уже отмечалось, пришла в начале 50-х годов со стороны «правых», так называемых «неоревизионистов», обрушивших на официальную внешнюю политику обвинения в «предательстве», «умиротворении» СССР, «либерализме» и т. д. Что касается «ревизионизма» 60-х годов, то он объединил в своих рядах историков, критиковавших идеологические позиции официального Вашингтона и с леволиберальных, и с радикальных позиций. Его источником стал характерный для данного десятилетия процесс «переоценки ценностей», однако особую роль сыграло общенациональное движение протеста против вьетнамской авантюры США. Усиление с середины 60-х годов радикальной критики американской внешней политики придало новому подъему «ревизионизма» в историографии США небывалый размах и звучание.

Переоценка американского прошлого в трудах «ревизионистов» радикального крыла несомненно выходит за часто приписываемые ей рамки конфликта «отцов и детей». По сравнению с реакционными установками «неоревизионистов», грубо искажавших историческое прошлое, более глубокая и достоверная оценка «ревизионистами» событий первых послевоенных лет, несмотря на явный налет конъюнктурности в их работах, может быть отмечена как положительное явление.

В 1966 г., обеспокоенный масштабами и силой критики официальной версии о происхождении «холодной войны», А. Шлезингер-мл. в письме в «Нью-Йорк ревью оф букс» призывал американских историков поднять тревогу, прежде чем эта волна «ревизионизма» не пойдет дальше¹⁵⁷. Однако уже через год А. Шлезингер-мл. заявил: «...ревизионизм является составной частью процесса, с помощью которого история через по-

¹⁵⁶ *Small M.* The Reexamination of the Classic Cold War: Review.— *The Journal of Conflict Resolution*, 1966, vol. X, N 4, p. 521; *Solway C.* Turning History Upside Down.— *Saturday Review*, 1970, 20 Jun., p. 15; *Schlesinger A., Jr.* Origins of the Cold War, p. 22; *Smith D.* The New Left and the Cold War.— In: *The Failure of Diplomacy. The Origins of the Cold War*/Ed. by G. Kurland. New York, 1975, p. 148—149.

¹⁵⁷ *The New York Review of Books*, 1966, 20 Oct.

становку новых проблем и исследование новых возможностей расширяет свои перспективы и обогащает свою проницательность»¹⁵⁸.

А. Шлезингера, как уже отмечалось, беспокоила не действительная объективность в освещении мотивов, целей и результатов внешней политики США. Маститый историк понял бесперспективность попыток отстоять каждый дюйм старой позиции в сложившихся условиях. Поток «ревизионистских» работ после его первого выступления не только не уменьшился, но даже возрос. В этот период одна за другой вышли в свет работы радикальных исследователей Г. Колко, Б. Бернштейна, Л. Гарднера, разделявшего их взгляды У. Лафебера, работы «духовного отца» «новых левых» В. Вильямса, перешедших на радикальные позиции Г. Алпровица и Д. Горовица, а также других ученых. Препятствовать этому потоку официозные историки были не в силах, оставалось лишь сохранить за собой право на полемику с «ревизионистами».

Подход «ревизионистов» к проблеме советско-американских отношений в первые послевоенные годы существенно отличается от взглядов «реалистов» из числа критиков и близких к ним исследователей. Историки-«ревизионисты», руководствуясь в пересмотре внешней политики соображением, что «реализм никуда не приведет, если не начать с самих себя»¹⁵⁹, попытались при анализе генезиса «холодной войны» отбросить антикоммунистическую предвзятость и, как они говорили, «предпринять честное и систематическое исследование»¹⁶⁰. Это позволило им подойти к выводу о том, что не мнимая «советская угроза» «свободному миру», так часто упоминаемая как оправдание политики «сдерживания», лежала в основе последней и определяла действия тех, кто планировал американскую внешнюю политику. Эти деятели, как писал радикальный историк К. Лэш, хотели вести переговоры с СССР «с позиции почти недостижимого превосходства... Вооружившись атомной бомбой, американские дипломаты пытались отобрать назад то, что они безоговорочно подписали в Ялте»¹⁶¹.

¹⁵⁸ Schlesinger A., Jr. *Origins of the Cold War*, p. 23.

¹⁵⁹ Вильямс В. Э. *Трагедия американской дипломатии*. М., 1960.

т. 19.

¹⁶⁰ LaFeber W. *War: Cold*. — *Cornell Alumni News*, 1968, Oct., p. 29.

¹⁶¹ Lasch C. *The Cold War, Revisited and Re-Visioned*. — *New York Times Magazine*, 1968, 14 Jan., p. 54.

При общем согласии «ревизионистов» в том, что западные державы, и в особенности правительство Трумэна, несут ответственность за срыв советско-американского сотрудничества и развязывание «холодной войны», внутри этого направления существуют определенные различия в подходе к исследованию мотивов внешней политики США. Их можно проследить в работах основоположников «ревизионистской» трактовки развития советско-американских отношений Д. Флеминга и В. Вильямса и группировавшихся вокруг них ученых.

Д. Флеминг в двухтомной работе «Холодная война и ее происхождение»¹⁶² подверг критике тезис о том, что Советский Союз со дня своего основания якобы был агрессивной державой. Крайне важным для понимания позиции Флеминга явилось его признание о том, что с 1917 г. антикоммунизм превратился в неотъемлемую часть американской внешней политики¹⁶³; в конечном итоге он привел к курсу на «умиротворение» гитлеровской Германии, за который потом пришлось заплатить столь дорогой ценой. Однако вслед за окончанием второй мировой войны западные державы развязали «холодную войну» против СССР, отказавшись признать закономерные итоги освободительной борьбы народов с фашизмом¹⁶⁴. Анализируя события 1945—1950 гг., Флеминг на фактическом материале доказывал, что Советский Союз стремился продолжать сотрудничество с западными союзниками. «Трудно найти свидетельства какого-либо желания со стороны Советов вступить в конфликт с Западом», — писал автор¹⁶⁵. В своей работе Флеминг показал, что, развязав «холодную войну», Соединенные Штаты при новом соотношении сил оказались в проигрыше и вынуждены были начать пересмотр своей политики конфронтации с СССР.

Почти одновременно вышло исследование профессора Калифорнийского университета в Беркли Дж. Моррея «От Ялты к разоружению», развивавшее те же мысли¹⁶⁶. Правда, данный автор, акцентируя внимание на антикоммунистической идеологии правящих кругов

¹⁶² *Fleming D. The Cold War and Its Origins, 1917—1960: Vol. 1, 2. London, 1961.*

¹⁶³ *Ibid.*, vol. 1, p. 31.

¹⁶⁴ *Ibid.*, vol. 2, p. 1055.

¹⁶⁵ *Ibid.*, p. 1060.

¹⁶⁶ *Murray J. From Yalta to Disarmament: Cold War Debate. New York, 1961.*

США, подчас смешивал понятия идеологической борьбы и «холодной войны»¹⁶⁷.

Вместе с тем он совершенно справедливо подчеркивал, что «холодная война» носила классовый характер. «В каждой западной стране, — писал он, — существуют классы, которые считают пролетарскую диктатуру пагубной. Для таких людей борьба против Советского государства является императивом чистоты. Холодная война оказалась усилившейся фазой этой борьбы, следствием военного разгрома антикоммунистического крестового похода Гитлера. Удивительная сила, проявленная первым социалистическим государством при защите от гитлеровского наступления, показала всем, что коммунистические заявления о превосходстве их социально-экономической системы должны приниматься всерьез»¹⁶⁸.

Из этих рассуждений напрашивается вывод, что для мировой капиталистической системы и Соединенных Штатов как ее лидера опасность представляла не просто коммунистическая идеология, а успешное воплощение ее принципов в жизнь. Укрепление международных позиций СССР после окончания второй мировой войны на фоне общего изменения в соотношении сил рассматривалось правящими кругами США как основное препятствие на пути к осуществлению устройства «мира по-американски». «Жесткий курс» и «холодная война», развязанные под лозунгами антикоммунизма и антисоветизма, были призваны принудить СССР и страны, вступившие на путь строительства нового общества, принять американские условия развития послевоенных международных отношений. Все это должно было укрепить пошатнувшиеся позиции капиталистической системы.

Обращаясь к фактическому материалу, Моррей как раз и показал, что «холодная война» и связанная с ней гонка вооружений являлись результатом агрессивных действий западных держав против СССР. Сравнивая идеологические принципы внешней политики США и СССР, автор подчеркивал, что Советский Союз активно участвует в борьбе за мир и разоружение¹⁶⁹.

Особенностью работ Д. Флеминга и его последователей является выраженная в них убежденность (о чем

¹⁶⁷ Ibid., p. IX, 13.

¹⁶⁸ Ibid., p. 35.

¹⁶⁹ Ibid., p. 328—329.

неоднократно говорили и критики-либералы 40-х годов) в существовании альтернативного «холодной войне» курса развития послевоенных советско-американских отношений. В связи с этим данные авторы уделяли большое внимание Ялтинской конференции и противопоставлению взглядов Ф. Рузвельта и Г. Трумэна на советско-американское сотрудничество.

Одна из работ о Ялтинской конференции, написанная на широком круге источников, в том числе и советских архивных материалах, принадлежит перу проф. Дианы Клеменс. Она несколько раз посещала Советский Союз, проводила исторические семинары в Москве, Бухаресте и в других социалистических странах. Хотя сама автор и считает, что ее работа не принадлежит к какой-либо историографической школе, и даже вступает в полемику с Г. Колко и Г. Алпровицем, ее основные выводы сближаются с суждениями «ревизионистов» либерального толка. Клеменс неоднократно подчеркивала, что в Соединенных Штатах во время второй мировой войны не прекращалась «идеологическая борьба против большевистской России», которая еще более усилилась, «когда Советский Союз вышел из войны со статусом великой державы»¹⁷⁰. Как писала автор, искаженные западной прессой представления об итогах конференции союзников в Крыму послужили идеологическим обоснованием политики, которая «приписывала фальшивые мотивы Советскому Союзу и создавала ситуацию, вынуждавшую СССР все более защищать себя от западной враждебности»¹⁷¹.

Фальсификацию итогов Ялтинской конференции ради оправдания антикоммунизма во внутренней и внешней политике Соединенных Штатов в 1945—1955 гг. анализировал проф. А. Теохарис, автор другого «ревизионистского» исследования¹⁷². Проследившая начавшийся с приходом к власти администрации Трумэна процесс отхода от позитивной оценки конференции в Крыму, отказ от сотрудничества и доверия в отношениях с Советским Союзом, он упрекал американских политиков в непонимании ими характера изменений, происходивших в послевоенном мире. По его глубокому убеждению, рево-

¹⁷⁰ *Clemens D.* Yalta. New York, 1970, p. 288—289.

¹⁷¹ *Ibid.*, p. 291.

¹⁷² *Theoharis A.* The Yalta Myths. An Issue in U. S. Politics, 1945—1955. Columbia (Mo), 1970.

люционные события в Восточной Европе и Азии были обусловлены не «уступками» Советскому Союзу в Ялте или нарушением им заключенных соглашений (как это утверждает официальная пропаганда), а закономерными итогами второй мировой войны. «Довоенный мир,— подчеркивал Теохарис,— не мог быть восстановлен: радикальные экономические и политические изменения были неизбежны. Рузвельт понимал эту ситуацию и в Ялте пытался подходить к ней реалистически, Трумэн, к сожалению, нет»¹⁷³. В своей последующей работе, посвященной истокам маккартизма, Теохарис продолжал придерживаться высказанных им соображений относительно умышленного раздувания в послевоенный период мифа о несуществующей «советской угрозе»¹⁷⁴.

Проблема насаждавшихся истеблишментом в сознании американцев ненависти к коммунизму и страха перед его «угрозой» интересует и другого представителя молодого поколения «ревизионистов», испытавшего на себе отрицательное влияние маккартизма¹⁷⁵. Хотя «ревизионистские» взгляды Р. Фриленда (в те годы помощника президента Массачусетского университета в Бостоне), по собственному свидетельству автора, формировались под воздействием радикальной трактовки американской истории Г. Колко, его интерпретация политики администрации Трумэна в отношении Советского Союза своеобразно дополняет рассмотренные выше концепции. Фриленд предъявлял правящим кругам США обвинения в искусственном разжигании антикоммунистических и антисоветских настроений в период разработки, а затем принятия конгрессом «доктрины Трумэна» и «плана Маршалла». Автор разоблачал действие механизма пропагандистской антисоветской кампании, когда все трудности послевоенного мирного урегулирования изображались как следствие враждебности Советского Союза, и прямо ставил вопрос о взаимосвязи глобальных замыслов правящих кругов и «жесткого курса» с усилением реакции и политических репрессий внутри страны.

¹⁷³ Ibid., p. 219.

¹⁷⁴ *Theoharis A. Seeds of Repression. Harry S. Truman and the Origins of MacCarthyism.* Chicago, 1971.

¹⁷⁵ *Freeland R. The Truman Doctrine and the Origins of MacCarthyism.* New York, 1972.

Подход данных исследователей к идеологическим факторам «холодной войны» отличается от апологетического, приписывающего коммунистической идеологии агрессивный характер. По мнению «ревизионистов», краеугольным камнем западной и прежде всего американской дипломатии в отношении Советского Союза был антикоммунизм, который в конечном счете и привел к «холодной войне»¹⁷⁶.

Характерные для данной группы «ревизионистов» леволиберальные взгляды на послевоенный антисоветский курс Соединенных Штатов разделяют и некоторые другие критики американской внешней политики. Выступивший с разоблачением планов «Рах Americana» публицист и исследователь Р. Стил¹⁷⁷, например, утверждал, что срыв послевоенного сотрудничества с Советским Союзом¹⁷⁸ произошел главным образом по вине западных держав. К воззрениям «ревизионистов» приближается и политолог Дж. Суомли, критиковавший агрессивно-«силовую» основу империалистической внешней политики Соединенных Штатов¹⁷⁹, обвинявший американские правящие круги в том, что «они использовали всю проблему коммунизма как средство отвлечения внимания от планов «Рах Americana» и внешней политики, которая была направлена против послевоенных социальных изменений»¹⁸⁰. Однако данные авторы все же тяготеют к ранее охарактеризованному подходу сторонников концепции «взаимной ответственности».

Особую группу «ревизионистов», часто именуемую «висконсинской школой», так как большинство ее представителей вышло из семинара проф. В. Вильямса, преподававшего тогда в Висконсинском университете, составляют радикальные исследователи. Ученики В. Вильямса — Г. Алпровиц, Л. Гарднер, У. Лафебер, а также разделяющие основные положения его концепции Д. Горовиц, Г. Колко и К. Оглсби — считают главной движущей силой внешней политики Соединенных Штатов экспансионистские устремления американского капитализма.

¹⁷⁶ *Fleming D.* The Issues of Survival. London, 1972, p. 83.

¹⁷⁷ *Steel R.* Pax Americana. New York, 1967.

¹⁷⁸ *Steel R.* Imperialists and other Heroes. A Chronicle of the American Empire. New York, 1971, p. 25.

¹⁷⁹ *Swomley J., Jr.* American Empire. The Political Ethics of the Twentieth Century Conquest. New York, 1970.

¹⁸⁰ *Ibid.*, p. 46.

Основные положения концепции Вильямса¹⁸¹ состоят в том, что экспансионизм Соединенных Штатов был порожден потребностями американской экономики, которая, по его мнению, чтобы избежать депрессии, нуждалась в приобретении новых рынков. Изучая в 50-х годах деятельность президента Вильсона, а затем в книге «Трагедия американской дипломатии» и последующих работах¹⁸² он пришел к заключению, что, руководствуясь принципами политики «открытых дверей», США выступали против любого народа, желавшего развиваться независимо и самостоятельно. По мнению Вильямса, причины «холодной войны» коренились в усилиях американского империализма сохранить такое международное статус-кво, которое бы наилучшим образом обеспечивало его экономические интересы. Иными словами, США стремились не только упорочить мировую капиталистическую систему, но и, воспользовавшись своей позицией лидера западного мира, достичь наконец планов создания американской империи. Вильямс подчеркивал, что поскольку США рассматривали все происходившие в послевоенном мире изменения с имперских позиций, то они все более превращались в душителей революционных движений¹⁸³.

¹⁸¹ См. подробнее: Степанова О. Л. Историки-«ревизионисты» о внешней политике США.— *Вопр. ист.*, 1973, № 3, с. 93—107; США: политическая мысль и история. М., 1976, с. 238—298.

¹⁸² Williams W. *American-Russian Relations, 1781—1947*. New York; Toronto, 1952; *Idem*. *The Tragedy of American Diplomacy*. New York, 1959 (rev. ed.: 1962); *Idem*. *American Intervention in Russia: 1917—1920*.— In: *Containment and Revolution*/Ed. by D. Horowitz. Boston, 1967; *Idem*. *The Roots of the Modern American Empire*. New York, 1969, etc.

¹⁸³ Следует отметить, что в отличие от большинства своих учеников и последователей В. Вильямс придавал важное значение роли идей во внешней политике США. Если, например, Г. Колько считал, что внешняя политика США обуславливалась исключительно социально-экономической и политической структурой американского общества, то Вильямс большое внимание уделял искаженным представлениям о потребностях капиталистического общества. Трагедия американской дипломатии, по его мнению, состояла именно в том, что США не сознавали насильственного характера своей политики по отношению к другим народам. В одной из последних своих работ (Williams W. *America Confronts a Revolutionary World: 1776—1976*. New York, 1976) Вильямс подчеркивал, что стремление США к экономической экспансии дополнялось требованием распространить американскую цивилизацию на весь мир, что в целом и превратило Соединенные Штаты в контрреволюционную державу (*Ibid.*, p. 167).

Развивая концепцию Вильямса, Г. Алпровиц¹⁸⁴, Л. Гарднер, Д. Горовиц, Г. Колко, К. Оглсби прямо указывали на реакционное содержание политики «сдерживания». Так, Алпровиц в статье «США, революции и холодная война: перспектива и ретроспектива» (вошла в сборник его очерков) проводил мысль, что развитие послевоенных американско-советских отношений можно понять лишь с учетом «более старой контрреволюционной традиции (США.— Н. Е.) противодействовать любой опасности слева»¹⁸⁵. Он отмечал вместе с тем, что борьба Соединенных Штатов в предвоенные годы с Советским Союзом не могла не повлиять на их отношение к «спонтанным революциям» в Восточной Европе и другим прогрессивным изменениям в мире, которые они принимали как вызов своим традиционным целям.

Горовиц, обращаясь к проблеме ухудшения послевоенных советско-американских отношений, также считал, что главной причиной этого было стремление Соединенных Штатов, «как новой лидирующей державы капиталистического мира»¹⁸⁶, противодействовать после окончания войны мировому революционному процессу. В его первой работе о внешней политике США, которая была написана, по собственному признанию автора¹⁸⁷, под сильным влиянием книги Д. Флеминга о «холодной войне», эта концепция выражена еще довольно слабо, однако в последующих исследованиях она явно доминирует. Причем этот историк, в рамках данной концепции, пытался связать антикоммунистическую заостренность внешней политики США с традиционными интересами определенных империалистических кругов. Он считал, что характер американской внешней политики и конфликты «холодной войны» определялись тем, что в США «существует класс... который пользуется преобладающей властью и может навязывать свои собственные взгляды как господствующую идеологию». Интересы этого господствующего класса по природе своей экспансионист-

¹⁸⁴ Ранее Алпровиц выступил с вызвавшим негодование официальных историков выводом об атомном шантаже Соединенных Штатов в 1945 г., имевшем целью заставить СССР принять американский план послевоенного устройства мира. См.: *Alperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam.*

¹⁸⁵ *Alperovitz G. Cold War Essays*, p. 92.

¹⁸⁶ *Containment and Revolution*, p. 11.

¹⁸⁷ *Horowitz D. The Free World Colossus. A Critique of American Foreign Policy in the Cold War.* London, 1965, p. 21.

ские, контрреволюционные, милитаристские¹⁸⁸. Горовиц, как и его коллеги, решительно отверг тезис об «агрессивных» планах Советского Союза в послевоенном мире.

Во внешнеполитических исследованиях профессора Йоркского университета в Торонто Г. Колко (в конце 60-х годов он преподавал в государственном университете штата Нью-Йорк в Буффало) наиболее резко подчеркнуты социально-экономические мотивы, определившие характер послевоенной внешней политики США, и прежде всего их агрессивность в отношении Советского Союза. Анализируя богатый фактический материал с позиций «экономического детерминизма»¹⁸⁹, Колко показал, что, руководствуясь доктриной «открытых дверей», Соединенные Штаты рассматривали послевоенный мир как «Рах Americana». Подъем революционного движения в Европе и во всем мире, отмечал автор, был закономерным процессом, однако расценивался американскими правящими кругами как следствие происков коммунистов и как угроза глобальным планам США. «С этой точки зрения,— писал Колко,— политические деятели Соединенных Штатов видели в России и левом движении скорее причину, нежели отражение упадка капитализма...»¹⁹⁰.

Связывая политику «сдерживания» коммунизма с традиционным стремлением американских корпораций к расширению «сфер влияния», Колко подчеркивал, что это была отнюдь не «новая» и совсем уж не «оборонительная» политика, а «продолжение стратегии карантина (международной изоляции Советского государства.— Н. Е.) Соединенных Штатов и их союзников с 1918 г.»¹⁹¹. По мнению исследователя, глобальная контрреволюционная политика США, отвергнувших все попытки Советского Союза нормализовать взаимоотношения двух великих держав¹⁹², лишила в конечном итоге официальный

¹⁸⁸ Corporations and the Cold War/Ed. by D. Horowitz. New York; London, 1969, p. 10—11.

¹⁸⁹ «Ревизионисты» не только широко ввели в оборот новые источники, но и использовали те свидетельства, которые умышленно игнорировались апологетической историографией.

¹⁹⁰ Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943—1945. New York, 1968, p. 622.

¹⁹¹ Kolko G. Main Currents in Modern American History. New York, 1976, p. 355.

¹⁹² Kolko G. Main Currents in Modern American History, p. 355; Kolko J. and G. The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, 1945—1954. New York; London, 1972, p. 550, 715.

Вашингтон реальных ориентиров в сложных условиях послевоенного периода, отмеченного процессами ослабления системы капитализма и колониализма.

Среди «висконсинских» «ревизионистов» имеются заметные расхождения в подходе к исследованию советско-американских отношений. Если Колко, например, непримирим к традиционным оценкам дипломатии администрации Г. Трумэна, то профессор истории Корнельского университета У. Лафебер, напротив, крайне осторожен в их пересмотре. Лафебер также ученик В. Вильямса, но в его концепции происхождения «холодной войны» тезис об экономической подоплеке послевоенного внешнеполитического курса Соединенных Штатов сочетается с утверждениями «академических критиков» о внеклассовом, традиционно-историческом характере послевоенного конфликта Соединенных Штатов и Советского Союза¹⁹³. Переиздавая свою работу в 1972 г., Лафебер признал справедливость упреков, сделанных рецензентами относительно отсутствия анализа взаимосвязи, существующей между американскими экономическими интересами и политикой антикоммунизма¹⁹⁴.

Будучи редактором одного из томов выходящей под общей редакцией А. Шлезингера-мл. серии «Документальная история внешней политики Соединенных Штатов, 1945—1973»¹⁹⁵, Лафебер продолжал отстаивать мысль о том, что ухудшение советско-американских отношений после окончания второй мировой войны своими корнями уходит в те далекие времена, когда стремление американского империализма к политике «открытых дверей» встречало активное противодействие со стороны царской России. Перенос на советско-американские отношения историю взаимоотношений, однотипных в своей классовой основе государств, Лафебер искажал суть политики «холодной войны». Призванная, по мысли ее вдохновителей, повернуть вспять исторический процесс с помощью политики «с позиции силы», тонки вооружений и идеологических диверсий, в такой интерпретации она лишается своей агрессивной антикоммунистиче-

¹⁹³ LaFeber W. America, Russia and the Cold War, 1945—1966. New York, 1967.

¹⁹⁴ LaFeber W. America, Russia and the Cold War, 1945—1971. New York etc., 1972, Preface.

¹⁹⁵ A Documentary History of United States Foreign Policy, 1945—1973. Vol. II. Eastern Europe and the Soviet Union.

ской направленности. Вырванные из живого исторического контекста аналогии подводят автора к в общем-то нехарактерному для «ревизионизма» выводу о «случайности» советско-американского сотрудничества в годы второй мировой войны. По мнению Лафебера, «русско-американское сотрудничество в 1941—1945 гг. осуществлялось на фоне почти 60-летних отношений, которые были отмечены антипатией и конфликтами. В эти годы были сформированы и выхожены ростки политики холодной войны»¹⁹⁶. Автор остается в целом верен этой концепции и в третьей редакции своего исследования.

Опираясь на подобные расхождения Лафебера с другими «ревизионистами», некоторые критики этой школы буржуазной внешнеполитической мысли пытаются исключить данного историка из ее рядов. Однако эклектичность и непоследовательность суждений характерны для работ многих «ревизионистов», придерживающихся субъективно-идеалистической методологии и «экономического детерминизма».

Историки-«ревизионисты» во многом находятся под влиянием тех идей и внешнеполитических доктрин, которые они сами осуждают и критикуют. Они отдали дань антикоммунистическим предрассудкам (в ряде случаев с левацких позиций), особенно в трактовке взаимоотношений СССР с социалистическими странами, целей советской внешней политики, внутренней политики Советского Союза, диалектического развития социалистической системы и т. д. Присущий буржуазному мировоззрению субъективизм проявляется у них и в оценке роли отдельных личностей. У либеральных критиков 40-х годов «ревизионисты» восприняли тезис о «слабости» Советского Союза по сравнению с американской послевоенной мощью. С этих позиций они упрекают американских политиков в том, что те отказались от послевоенного сотрудничества с Советским Союзом, нуждавшимся в экономической помощи и имевшим якобы в связи с этим «ограниченные притязания».

Тезис о «слабости» не выдерживает столкновения с фактами, которыми оперируют сами его сторонники. Советский Союз, выйдя из войны победителем и без всякой иностранной помощи успешно осуществив восстановление своего народного хозяйства, доказал, что не только

¹⁹⁶ Ibid., p. XXXIV.

обладает военно-экономической мощью, но и имеет огромные потенциальные резервы. Не «слабость», а именно прочные позиции социализма в условиях гигантского подъема революционного и национально-освободительного движений заставили правящие круги США, несмотря на временное монопольное обладание атомным оружием, воздержаться от планов военной конфронтации с СССР.

И оппоненты, и сторонники «ревизионистов» справедливо отмечали¹⁹⁷, что рассуждения, основанные на постулатах «экономического детерминизма», ведут к логическому заключению о неуправляемости экономического механизма внешнеполитической экспансии Соединенных Штатов Америки и, следовательно, об обреченности самой идеи советско-американского сотрудничества, чему противоречит их собственная и к тому же основанная на богатом фактическом материале критика политики администрации Трумэна, упустившей возможность альтернативного «холодной войне» развития отношений с СССР на принципах мирного сосуществования. Это сближает концепции «ревизионистов» с работами большинства «академических критиков», говоривших о якобы закономерной неизбежности резкого обострения международной напряженности в послевоенном мире.

В ответ на обвинения в односторонности их методологии некоторые «ревизионисты» из числа «висконсинцев» пытались дополнить рассмотрение американской внешней политики с позиций «экономического детерминизма» анализом ряда субъективно-объективных факторов¹⁹⁸. Проф. Л. Гарднер подчеркивал, что специально сосредоточил внимание на изучении деятельности некоторых лиц из числа правящей элиты, «чтобы решить, какие общие факторы влияли на них, какие различные идеи они поддерживали и как все это сплелось, чтобы выработать ответ данной нации на послевоенный вызов»¹⁹⁹. В одной из последних работ Колко призвал к

¹⁹⁷ *Tucker R.* The Radical Left and American Foreign Policy; The Truman Period as a Research Field. A Reappraisal 1972, p. 151; *Lasch C.* The Cold War, Revisited and Re-Visioned.— New York Times Magazine, 1968, 14 Jan., p. 26—27, 44—51, 54, 59.

¹⁹⁸ *Paterson T.* Soviet-American Confrontation; *Gardner L.* Architects of Illusion. Men and Ideas in American Foreign Policy.

¹⁹⁹ *Gardner L.* Truman Era Foreign Policy: Recent Historical Trends, p. 70.

синтезированному изучению экономического, политического и внешнеполитического опыта капиталистической Америки²⁰⁰. Судя по статье У. Лафебера, содержащей материал его выступления на состоявшемся в ноябре 1975 г. в Японии симпозиуме по проблемам международной обстановки в послевоенной Азии, этот историк дополнил свою концепцию происхождения «холодной войны» исследованием роли общественного мнения в формировании внешнеполитического курса Трумэна²⁰¹.

И все же, оценивая вклад историков-«ревизионистов» в современную американскую буржуазную историографию послевоенных советско-американских отношений, необходимо иметь в виду прежде всего их попытки приблизиться к выявлению движущих начал внешней политики Соединенных Штатов. «Отличие радикальной критики (от других критиков внешней политики США. — Н. Е.) следует искать в ее утверждении, что американская внешняя политика является главным образом образом откликом на структурные нужды американского капитализма», — констатировал Р. Такер²⁰². Это рациональное зерно, стремление большинства «ревизионистов» к тщательному анализу фактов, усиленное их левой социальной позицией²⁰³, способствовали тому, что они могли раскрыть некоторые действительные мотивы антисоветского курса Вашингтона после окончания второй мировой войны, надолго отбросившего назад позитивное развитие советско-американских отношений.

Повышенный интерес американских буржуазных историков и американской общественности, особенно молодежи, к трудам «ревизионистов» обуславливался особым духовным климатом Америки бурных 60-х годов, поисками иного ответа на жгучие вопросы современности, нежели тот, который предлагали пропагандистские стереотипы и основанное на них толкование послевоенной истории. По мнению одного из авторитетных «ревизио-

²⁰⁰ *Kolko G. Main Currents in Modern American History*, p. IX.

²⁰¹ *LaFeber W. American Policy-Makers, Public Opinion, and the Outbreak of the Cold War, 1945—1950.* — In: *The Origins of the Cold War in Asia*/Ed. by Y. Nagai, A. Iriye. New York, 1977.

²⁰² *Tucker R. The Radical Left and American Foreign Policy*, p. 70.

²⁰³ Некоторые критики «ревизионистов» из числа сторонников официальной версии пытаются даже охарактеризовать их как социалистов. См.: *Ferrell R. Truman Foreign Policy: A Traditional View.* — In: *The Truman Period as a Research Field. A Reappraisal*, 1972, p. 15—16.

нистов», профессора Стэнфордского университета Б. Бернштейна, «в конце 60-х годов впервые в американской истории ученые, преподаватели и студенты начали вступать в диалог с левыми и серьезно подходить к анализу американского общества и политики, проделанному левыми либералами или радикалами. Несомненно, война во Вьетнаме и радикальные сдвиги внутри страны, обострение проблемы бедности и неудачи либеральных реформ вынудили многих американцев пересмотреть их взгляды на государство и общество, а также создали неожиданно большую аудиторию для левого ревизионизма. Результатом явилось оживление интереса к вопросам власти, классовой структуры, идеологии и империализма»²⁰⁴.

К началу 70-х годов работы «ревизионистов» стали в значительной мере рассматриваться как научный результат серьезного исследования, а отнюдь не как «великое заблуждение» или «политический мазохизм»²⁰⁵. Об этом свидетельствуют многочисленные факты использования некоторых элементов их концепций в американской историографии советско-американских отношений²⁰⁶. Ряд американских буржуазных авторов, стремясь представить подобный синтез в качестве нового, более перспективного по сравнению с «чистым ревизионизмом» историографического течения, подчеркивают при этом вклад радикальных критиков в стимулирование историко-политического мышления²⁰⁷. Некоторые представители академического сообщества, пытающиеся идти в ногу со временем, не прочь приписать себе, как это делает Дж. Кеннан, родство с «ревизионистами». В последнем томе мемуаров он утверждал, что еще в 1952 г. предвосхитил главное положение «ревизионистов» об ответственности Соединенных Штатов за развязывание «холодной войны»²⁰⁸. Р. Такер согласен с утвер-

²⁰⁴ The Truman Period as a Research Field. A Reappraisal, 1972, p. 161.

²⁰⁵ Ulam A. The Rivals. America and Russia since World War II, p. 94.

²⁰⁶ Влияние работ «ревизионистов» распространилось и на английскую историографию. См.: Higgins H. The Cold War. London, 1974.

²⁰⁷ Kimball W. The Cold War Warmed Over.— American Historical Review, 1974, Oct., p. 1119; Stacusa J. New Left Diplomatic Histories and Historians, p. 119.

²⁰⁸ Kennan G. Memoirs, vol. II, p. 137—138, 142.

ждением «ревизионистов» о стремлении США к мировому господству, тогда как по официальной версии «изоляционистской» Америке были «навязаны» «мировые послевоенные обязательства»²⁰⁹. Историк Дж. Ричардсон, усматривавший в «ревизионизме» не иной подход к проблеме, а «простое» перенесение вины с СССР на США, склонен, однако, разделить их тезис о наступательной, а не «оборонительной» тактике США в 40-е годы²¹⁰. Примечательно, что работы «висконсинцев» включены во многие антологии по внешней политике Соединенных Штатов²¹¹.

Наряду с данной тенденцией в буржуазной историографии обостряется полемика с «ревизионистами». Помимо многочисленных статей на эту тему и уже отмеченных специальных исследований Р. Такера, Дж. Сиракузы, полемической монографии Дж. Гэддиса, в 70-х годах появились работы, отрицавшие какие-либо заслуги «ревизионистов» в области исторической науки. Духом резкого неприятия современного «ревизионизма» проникнуто, к примеру, исследование Р. Мэддокса²¹², который стремился доказать, что они фальсифицируют фактическую историю, и опровергнуть их политически актуальные выводы. Те политологи и историки, которые стоят на позициях «силовой» политики, рассматривают «ревизионизм» как опасное течение и требуют мобилизации всех сил для его дискредитации.

В отличие от других критиков послевоенного внешнеполитического курса Соединенных Штатов «ревизионисты» не ограничиваются призывами к выборочному применению силы в «многополярном» мире и критикой догматического антикоммунизма 50-х годов. Осудив в своих работах идею «Рах Америгана» и политику «с позиции силы» в целом как противоречащие национальным интересам Соединенных Штатов и всеобщему миру, историки-«ревизионисты» настаивают на последовательной перестройке внешнеполитических отношений Соединенных Штатов со странами социализма на прин-

²⁰⁹ Tucker R. The Radical Left and American Foreign Policy, p. 149.

²¹⁰ Richardson J. Cold War Revisionism: a Critique.— World Politics, 1972, vol. XXIV, N 4, p. 609—610.

²¹¹ The Origins of the Cold War; Reflections on the Cold War: A Quarter Century of American Foreign Policy/Ed. by L. Miller, R. Pruessen. Philadelphia, 1974; Succession or Repudiation?; The Truman Period as a Research Field. A Reappraisal, 1972, etc.

²¹² Maddox R. The New Left and the Origins of the Cold War.

циях мирного сосуществования. По их мнению, мирное сосуществование позволит США активно заняться решением назревших внутренних проблем, что в конечном итоге оздоровит и отношения Америки с остальным миром. Для радикального ядра современных «ревизионистов» не существует сомнений, что коренные изменения в американской внешней политике связаны с радикальной трансформацией американских общественных институтов.

Признав ответственность Соединенных Штатов за ухудшение международной обстановки в послевоенном мире, «ревизионисты» показали, что миф о «советской угрозе» не имеет под собой никаких оснований и был сознательно пущен в ход официальными кругами для оправдания собственного агрессивного курса. Развенчание антисоветских и антикоммунистических пропагандистских мифов имеет важное значение для борьбы с современными противниками разрядки международной напряженности, возлагающими особые надежды на возрождение духа «холодной войны». Произошедшие в первой половине 70-х годов позитивные изменения в советско-американских отношениях способствовали укреплению политических позиций «ревизионистов», подход которых к событиям 70-х годов в значительной степени разделялся такими политическими деятелями, как сенаторы Э. Кеннеди, Р. Кларк, Д. Макговерн, Л. Эспин и др.

* * *

Исследование американской буржуазной историографии развития советско-американских отношений второй половины 40-х годов обнаруживает, насколько широка дифференциация взглядов буржуазных историков в период политических кризисов. Всевозможные нюансы критики внешней политики администрации Трумэна и официальной концепции о происхождении «холодной войны» диктовались прежде всего новыми политическими задачами: выявление внешнеполитических «ошибок» и «просчетов» прошлых лет и исключение их в будущем.

В то же время «плюрализм» трактовки происхождения «холодной войны» свидетельствовал и о заметной девальвации антикоммунистических догм и мифов, принятых в официозной историографии. Главным предме-

том критики со стороны ведущих американских историков становится антикоммунизм «идеалистического» толка, лежащий в основе концепций, объясняющих происхождение «холодной войны» и послевоенную внешнюю политику Соединенных Штатов «советской угрозой», «мировым коммунистическим завоеванием» и т. п. Для подкрепления конкурирующих в 60-е годы с «ревизионистскими» концепций (мифической борьбы СССР за «сферы влияния», «преемственности» царской и советской внешней политики, советского «оборонительного экспансионизма», «взаимной ответственности» и т. д.) из арсенала либеральной буржуазной идеологии были взяты более гибкие, лучше приспособленные к потребностям текущей политики идейно-теоретические установки.

Сторонников внешнеполитического консенсуса тревожит расцвет «плюрализма». Сознавая утопичность своих надежд на повторение «конформизма» эпохи 50-х годов, упоминавшийся проф. У. Уэлч призывал «свести к минимуму точки разногласия, чтобы достигнуть если не полного консенсуса... то некоторого его подобия или по крайней мере терпимого и уважительного сосуществования»²¹³.

На практике это требование оборачивается призывом к усилению политизации истории в ущерб поискам объективной истины.

Пolemика в среде американских буржуазных историков способствует разоблачению укоренившихся в сознании американской общественности официальных догм и пропагандистских мифов. Как справедливо заметил Дж. Суомли, «общественность могла бы оценить официальную пропаганду лучше, если бы знала, что это лишь одна из интерпретаций международных отношений, вытекающая из интересов военно-промышленного комплекса»²¹⁴.

²¹³ Welch W. American Images of Soviet Foreign Policy, p. 298.

²¹⁴ Swomley J., Jr. American Empire. The Political Ethics of the Twentieth Century Conquest, p. 3.

Глава III

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ И ПЕРСПЕКТИВ ИХ РАЗВИТИЯ

ТЕОРИЯ «ТОЖДЕСТВЕННОСТИ» ПОЛИТИКИ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Во второй половине 50-х годов в результате объективно складывавшейся в мире обстановки и активных дипломатических усилий Советского Союза, направленных на прекращение гонки вооружений, преодоление состояния «холодной войны», мирное решение спорных вопросов и сотрудничество между государствами с различными социальными системами, появились первые признаки ослабления международной напряженности¹. Но, как показали последующие события, западные державы во главе с США продолжали идти по пути воинственного противостояния социализму, который избрали инициаторы «холодной войны», отвергнув в первые послевоенные годы реальную альтернативу — мирное сосуществование.

Особенность 60-х годов состояла в том, что изменение экономического и военно-политического соотношения сил на мировой арене в пользу социализма предметно убеждало сторонников «холодной войны» в иллюзорности и опасности их надежд расправиться с социализмом, национально-освободительным и мировым революционным движением, опираясь на силу и угрозу ее применения. Карибский кризис в октябре 1962 г., явившийся серьезным испытанием для судеб мира, ярко продемонстрировал опасность военного решения конфликтов в современном мире. С конца этого года в правительстве Соединенных Штатов стал намечаться поворот во взаимоотношениях с Советским Союзом в сторону большего акцента на дипломатические средства и рас-

¹ См.: Международные отношения после второй мировой войны: В 3-х т./Гл. ред. Н. Н. Иноземцев. М., 1962—1965, т. 2, с. 638—651; т. 3, с. 142—160; История внешней политики СССР: В 2-х т./Под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова. М., 1977, т. 2, с. 219—224.

ширения двусторонних экономических связей². В речи президента Дж. Кеннеди 10 июня 1963 г. в Американском университете в Вашингтоне, отразившей настроения рядовых американцев, прозвучал мотив в пользу мирного сосуществования с Советским Союзом. В этой обстановке 5 августа 1963 г. между правительствами СССР, США и Англии был подписан Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, который представлял собой важный шаг на пути к мирному сосуществованию, продемонстрировав возможность решать международные проблемы путем дипломатических переговоров держав с различными социально-экономическими системами. Была также достигнута договоренность о запрещении вывода на космическую орбиту ядерного оружия.

Элементы разума и реализма в отношении США к СССР с трудом прокладывали себе дорогу в атмосфере «холодной войны», наталкиваясь на упорное сопротивление влиятельных реакционных сил в американских правящих кругах, активно препятствовавших тенденции к смягчению международной напряженности. Во второй половине 60-х годов вооруженная интервенция в Индокитае и другие агрессивные акции Вашингтона, явившиеся попыткой военно-промышленного комплекса США отбросить достигнутое в упорной борьбе улучшение в советско-американских отношениях и продолжить проведение отвечавшей их узкокорыстным интересам политики «с позиции силы», привели к новому обострению международной напряженности, но не смогли приостановить дальнейших позитивных сдвигов в международных отношениях.

В этот период социалистическая дипломатия добилась решения трудной задачи: подписания СССР, США и Англией 1 июля 1968 г. Договора о нераспространении ядерного оружия. В двусторонних отношениях это десятилетие завершилось началом советско-американских переговоров о сокращении стратегических наступательных вооружений. Достигнутое к концу 60-х — началу 70-х годов военно-стратегическое равновесие между двумя различными социальными системами имело принци-

² Мельников Ю. М. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970, с. 400—402, 419—431; Он же. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974, с. 288—295.

пиальное, историческое значение³. Оно явилось важным фактором, сдерживавшим агрессивные устремления Соединенных Штатов и других западных держав. Замечательным было (с точки зрения происходившей переориентации правительства США на улучшение взаимоотношений с Советским Союзом) заявление Р. Никсона при вступлении на пост президента США в январе 1969 г. о переходе от «периода конфронтации к эре переговоров»⁴.

В 70-е годы постепенно вызревавший процесс разрядки международной напряженности получил свое дальнейшее развитие и углубление благодаря благоприятному сочетанию объективных и субъективных реальностей. Л. И. Брежнев во время визита в Индию в ноябре 1973 г. отмечал, что «наиболее дальновидные руководители западных государств, реалистически оценивая обстановку в мире, приходят к выводу о бесперспективности и опасности продолжения политики нажима и угроз, нагнетания напряженности. Идея мирного сосуществования, которую неизменно и последовательно отстаивали социалистические страны, стала встречать все более широкую поддержку и в капиталистическом мире»⁵.

Эта характеристика факторов разрядки относилась и к начавшемуся, несмотря на зигзаги и двойственность позиции, пересмотру внешнеполитического курса Соединенных Штатов в отношении Советского Союза. Реальными шагами в этой области явились подписанные во время визитов на высшем уровне в 1972—1974 гг. политические документы, главные из которых — «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», Соглашение о предотвращении ядерной войны, Договор об ограничении систем противоракетной обороны и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений — внесли важный вклад в дело разрядки международной напряженности.

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 июня 1980 г. М., 1980, с. 13.

⁴ The Dynamics of World Power. A Documentary History of United States Foreign Policy, 1945—1973: Vol. I, II/Gen. ed. A. Schlesinger, Jr. Vol. II. Eastern Europe and the Soviet Union. New York, 1973, p. 823.

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1974, т. 4, с. 377.

Для развития двусторонних отношений на качественно новой платформе особое значение имело достигнутое в ходе переговоров 1972 г. в Москве согласие двух мощных держав различных социальных систем относительно принципов развития их взаимоотношений. В «Основах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки» зафиксировано, что стороны «будут исходить из общей убежденности в том, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между ними, кроме мирного сосуществования. Различия в идеологических и социальных системах СССР и США не являются препятствием для развития между ними нормальных отношений, основанных на принципах суверенитета, равенства, невмешательства во внутренние дела и взаимной выгоды»⁶. Впервые в отношениях между Советским Союзом и Соединенными Штатами не только устанавливались определенные международно-правовые нормы, но и в их фундамент был положен принцип мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Примером конструктивного развития советско-американского сотрудничества на базе созданных политических предпосылок явились заключение и реализация на практике в 1972—1976 гг. ряда соглашений в различных сферах двусторонних отношений. Таким образом, первая половина 70-х годов была отмечена позитивными сдвигами в советско-американских отношениях, оказавшими серьезное воздействие на оздоровление всей международной обстановки.

Оценивая результаты развития советско-американских отношений в 70-е годы и их перспективы на ближайшие годы⁷, необходимо иметь в виду, что трудности, возникшие на пути к реализации разработанных общих принципов, обусловлены прежде всего мощной поддержкой противников разрядки со стороны военно-промышленного комплекса, а также сохраняющими свою силу глобалистскими претензиями США. Вопреки предвыбор-

⁶ Правда, 1972, 30 мая.

⁷ См.: О нынешней политике правительства США.— Правда, 1978, 17 июня; Заявление ТАСС в связи с выступлением 4 января президента США Дж. Картера.— Правда, 1980, 7 янв.; Арбатов Г. А. Внешняя политика США на пороге 80-х годов.— США — экон., пол., идеол., 1980, № 4, с. 43—54; Прием Л. И. Брежневым американского сенатора Ч. Перси.— Правда, 1980, 27 нояб.

ным обещаниям Дж. Картера в 1976 г. сократить военные расходы, ограничить вооружения и принять меры по упрочению стабильности после его прихода к власти американская администрация пошла по пути отказа от предпринятых ранее конструктивных шагов в области советско-американских отношений. Выработанная при демократической администрации военно-политическая доктрина свидетельствует о попытках США возобновить политику «с позиции силы» в глобальном масштабе, о наращивании вооружений для достижения военного превосходства и реализации таким образом своих гегемонистских замыслов «руководства миром».

Ужесточение политики Соединенных Штатов в отношении Советского Союза сопровождалось раздуванием мифа о «советской военной угрозе». Идеино-политическое наследие «холодной войны» играет немало важную роль в попытках американских правящих кругов подорвать доверие общественности страны к политике разрядки и создать атмосферу, соответствующую повороту во внешней политике США на стыке 70-х и 80-х годов. Однако, несмотря на укрепление позиций противников разрядки в правительственных сферах и академическом истеблишменте с конца 70-х годов, для трезво мыслящих американцев, число которых значительно возросло в период нормализации советско-американских отношений, продолжает оставаться очевидным, что разрядка — это единственно верный путь, ведущий к ограничению и сокращению вооружений и предотвращению ядерной войны.

Дискуссия об альтернативе «холодной войне» и перспективах развития советско-американских отношений составила важную часть процесса переоценки внешнеполитических приоритетов США 60—70-х годов⁸.

Значительная часть американских ученых-международников, отказавшись от рассмотрения внешней политики США исключительно с позиций конфронтации с Советским Союзом, о чем, в частности, свидетельствовала концепция «многополярности», подчеркивала, что со-

⁸ См., например: U. S. Foreign Policy. USSR and Eastern Europe. A Study Prepared at the Request of the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate by Columbia — Harvard Research Group, February 14, 1960. Washington, 1960; United States Foreign Policy: Perspectives and Proposals for the 1970's/Ed. by P. Seabury, A. Wildavsky. New York etc., 1969.

ветско-американские отношения продолжают оставаться главным направлением внешнеполитической стратегии Америки. Редакторы сборника «Американская внешняя политика: перспективы и предложения на 70-е годы», оценивая место советско-американских отношений в ряду других сфер международной деятельности США, писали: «Необходимо признать, что этот вопрос представляет особую важность для всех проблем, с которыми мы имеем дело»⁹. Остроту полемики, развернувшейся на страницах прессы и научных изданий, на симпозиумах и конференциях, придавала ее центральная тема — толкование сущности отстаиваемого Советским Союзом принципа мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

В рассматриваемых нами хронологических рамках эволюция взглядов американских буржуазных историков прошла два этапа, разделяемых серединой 60-х годов. Сдвиги в соотношении сил на международной арене, мирные инициативы СССР и стран социалистического содружества, таящаяся в «холодной войне» потенциальная опасность ядерного конфликта, обострение внутривнутриполитических противоречий в США, провалы в области внешней политики вызвали изменения в настроениях определенной части американских буржуазных историков, которые стали склоняться к признанию необходимости мирного сосуществования. Вторая половина 60-х и 70-е годы отмечены резким увеличением числа работ, посвященных проблемам «детанта» (от слова *détente*), — как в американской буржуазной историографии стала называться разрядка международной напряженности.

С другой стороны, трудности преодоления инерции «холодной войны», которая явилась тяжелым политическим и идеологическим грузом, осложнявшим движение к разрядке международной напряженности, оказали влияние и на буржуазную историческую науку. Некоторые буржуазные историки, зачисленные в критики многих аспектов внешней политики Соединенных Штатов, в дискуссии об альтернативе «холодной войне» оказались в одних рядах со своими оппонентами, что отразилось и на разработке выдвинутых в эти годы политических концепций о преодолении состояния «холодной войны» и

⁹ United States Foreign Policy: Perspectives and Proposals for the 1970's, Preface.

возможности развития взаимоотношений с СССР на принципах мирного сосуществования.

Наш анализ не преследует цели развернутой критики буржуазных концептуальных схем мирного сосуществования. Внимание автора сосредоточивается главным образом на оценке американскими исследователями этого принципа международных отношений в связи с проблемой обострения советско-американских отношений в первые послевоенные годы. Это позволяет проследить не только эволюцию взглядов американских буржуазных историков, но и выявить определенные закономерности в развитии буржуазных историографических концепций.

Общеизвестно, что принцип мирного сосуществования двух систем, теоретически разработанный в трудах В. И. Ленина (начиная с выдвинутого им в теории социалистической революции положения о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой стране или в нескольких странах¹⁰) и получивший практическое воплощение уже в первом внешнеполитическом документе Советской Республики — Декрете о мире, вызывал на Западе различные измышления в угоду проводившемуся антикоммунистическому курсу. Извращенное толкование буржуазными историками основополагающего принципа советской внешней политики прошло путь от представления его как «слабость» социализма до новоявленных идей об «усилении бдительности» Запада и «агрессивном сосуществовании» (ничем не отличающимся от «холодной войны»)¹¹, которые стали идеологическим обоснованием отказа США от закрепления первых признаков нормализации международной обстановки в 60-е годы.

В целом же для исследуемого 15-летия характерно наличие трех групп концепций относительно состояния и перспектив развития советско-американских отношений: отождествление мирного сосуществования с «холодной

¹⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 133.

¹¹ Трухановский В. Г. Принцип мирного сосуществования и его буржуазные критики. — *Вопр. ист.*, 1963, № 7, с. 62—96; Алахвердов Г. Г., Кольцов П. С. Фальсификация принципов советской внешней политики американскими идеологами антикоммунизма. — *Вопр. ист. КПСС*, 1966, № 5, с. 55—66; Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970, с. 294—305; Чубарьян А. О. Мирное сосуществование государств с различным социальным строем. — *Нов. и новейш. ист.*, 1975, № 4, с. 13—27; *Он же*. Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976, с. 160—161.

войной»; обусловливание признания принципа мирного сосуществования требованием «уступок» со стороны Советского Союза; трезвая оценка важности и необходимости мирного сосуществования государств, принадлежащих к различным социальным системам¹². Это, конечно, основные направления исследования проблемы, поскольку работы американских буржуазных авторов значительно отличались между собой в акцентах и нюансах и системе доказательств.

Очевидными сторонниками политики «с позиции силы», сохранения напряженности и конфронтации с Советским Союзом и противниками конструктивной перестройки советско-американских отношений среди американских буржуазных историков являлись толкователи принципа мирного сосуществования как особой формы продолжения «холодной войны». Политическими ориентирами для них служили высказывания, подобные сделанному 2 августа 1964 г. заявлению государственного секретаря Д. Раска. Тенденциозно толкуя агрессивную политику США и извращая суть советской внешней политики, руководствующейся принципом мирного сосуществования, он обвинял Советский Союз в попытках «навязать» коммунистическую систему всему миру любыми средствами, исключаящими, однако, возможность «большой войны, ведущей к самоуничтожению»¹³.

Не составляет особого труда обнаружить, что идейную базу научных работ, следовавших подобным высказываниям, составила все та же (как и в исследованиях «правых» критиков и ряда официозных историков о происхождении «холодной войны») догма о мифических планах «мирового коммунистического завоевания». С «правых» и центристских позиций они пытались вложить в истинное содержание принципа мирного сосуществования выгодные истеблишменту идеи «холодной войны».

Для 60-х годов одним из типичных представителей

¹² См. также: Подлесный П. Т. О некоторых толкованиях концепций мирного сосуществования в США. — США — экон., полит., идеол., 1976, № 10, с. 3—13; Он же. Американские концепции развития отношений с СССР. М., 1980; Современные буржуазные теории международных отношений. М., 1976, гл. V; Трофименко Г. А. Американский подход к мирному сосуществованию (история и перспективы). — США — экон., полит., идеол., 1978, № 6, 7.

¹³ *Détente. Cold War Strategies in Transition*/Ed. by E. Dulles, R. Crane. New York, 1965, p. 4.

сторонников изображать мирное сосуществование как вариант «холодной войны» был Р. Аллен. Опубликованная в 1966 г. его книга вызвала положительную оценку известного «советолога» Б. Вольфа, который предостерегал читателей, настроенных «благодушно и беззаботно относительно истинных целей советской политики мирного сосуществования»¹⁴.

Буржуазные ученые, превратно толкуя материалы советских и международных партийных документов, стремились представить идею мирного сосуществования как завуалированную «коммунистическую стратегию мирового завоевания». Отсюда призывы к западному миру усилить «бдительность». Советскому Союзу приписывались заведомо абсурдные намерения «замаскировать свои истинные стратегические цели: изоляцию, окружение, ослабление и окончательное разоружение свободного мира и его образа жизни»¹⁵.

Очевидно, сторонников «холодной войны» из научной среды не устраивало в принципе мирного сосуществования именно то, что он не утверждает вечности капиталистического строя. Как подчеркивалось в документах международного Совещания коммунистических и рабочих партий 1969 г., политика мирного сосуществования, препятствуя попыткам империализма нагнетать международную напряженность и раздувать очаги военной опасности, «не означает ни сохранения социального и политического статус-кво, ни ослабления идеологической борьбы. Она способствует развитию классовой борьбы против империализма в национальном и всемирном масштабе»¹⁶.

Наблюдая исторически закономерное развитие глобальных революционных процессов в современном мире, идеологические противники разрядки стремятся обвинить Советский Союз и другие социалистические страны в «экспорте революции». Но марксизму-ленинизму органически чужда концепция искусственного «подталкивания» революций. В. И. Ленин указывал, что теория

¹⁴ Allen R. Peace or Peaceful Coexistence? Chicago, 1966, p. XVIII.

¹⁵ Ibid., p. 174.

¹⁶ Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. М., 1969, с. 317.

«экспорта революции» «шла бы в полный разрыв с марксизмом, который всегда отрицал „подталкивание“ революций, развивающихся по мере назревания остроты классовых противоречий, порождающих революции»¹⁷.

Разъясняя позицию нашей страны относительно теории и практики «экспорта революции», Л. И. Брежнев в выступлении на митинге в Гаване в 1974 г. отметил и другую сторону вопроса: «Советский Союз считал и считает недопустимыми, более того, преступными любые попытки „экспорта контрреволюции“, любое вмешательство извне с целью подавления суверенной воли революционного народа»¹⁸. Сторонники «холодной войны» пытаются трактовать это принципиальное положение как свидетельство того, что социалистические государства стремятся якобы вмешиваться во внутренние дела других стран. На самом же деле речь идет о важнейшем принципе международного права, согласно которому мирное сосуществование предусматривает строгое соблюдение общепризнанных норм международного общения (невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета и независимости и т. д.).

Этих ученых пугала популярность принципа мирного сосуществования, ширящаяся поддержка внешней политики социалистических стран народами мира. Этот объективный процесс они пытались изобразить как «коммунистическую стратегию мирового завоевания». В подобных трудах проступал страх за судьбы капитализма, за его неспособность выдержать мирное соревнование с социализмом. Фактически авторы стремились добиться изоляции и капитуляции социалистического содружества.

Особо неприемлемо для таких ученых положение марксизма-ленинизма о том, что политика мирного сосуществования, предполагая различные формы сотрудничества с государствами капиталистической системы, «не означает примирения социалистической и буржуазной идеологии»¹⁹. Данный принцип политики мирного сосуществования преподносился ими как одно из доказательств намерений Советского Союза продолжать «хо-

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 403. См. также: т. 36, с. 531.

¹⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи, т. 4, с. 406.

¹⁹ Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961, с. 62.

лодную войну». Стремясь вписать идеологическую борьбу в систему причин международной напряженности, они затушевывали различие между закономерной и открытой борьбой идей и не имеющей с ней ничего общего «психологической войной», подрывной деятельностью, распространением клеветы и враждебных слухов — важными атрибутами «холодной войны». Подводя итог развития советско-американских отношений к середине 60-х годов, когда уже были достигнуты первые и обнадеживающие результаты сотрудничества двух держав в деле предотвращения возможности ядерной войны, в экономической и культурной областях, сторонники «холодной войны» намечали мрачную перспективу ее развития на новой, еще более сложной стадии, в которой спектр психологической, экономической и классовой войны будет значительно расширяться.

Историки, которые не исключали ядерную войну из средств борьбы с коммунизмом, исходя из тех же антинаучных посылок, стремились не только охарактеризовать мирное сосуществование как интенсивное продолжение «холодной войны», но и доказать абсурдный тезис, будто бы оно усиливает опасность ядерного конфликта. Так, Дж. Бэрнхэм, рассматривавший концепцию мирного сосуществования как «эквивалент холодной войны» и даже «третьей мировой войны»²¹, договорился до утверждения, что кульминацией мирного сосуществования является «всеобщая борьба с применением ядерного оружия»²².

«Политические реалисты», группировавшиеся вокруг Пенсильванского института внешнеполитических исследований и его печатного органа журнала «Орбис» (так называемые «пенсильванцы», о которых шла речь ранее), и их сторонники подобно Бэрнхэму приписывают мирному сосуществованию разрушительные цели, сравнимые по результатам лишь с ядерной войной. «Для Москвы,— писали в начале 60-х годов Страус-Хюпе, Кинтнер и Поссопи,— действительной альтернативой ядерной войне является не мир или мирное сосуществование в нашем понимании этого термина, а политико-психологическая война, которая настолько ослабит, деморализует

²¹ Burnham J. The War We Are In: The Last Decade and the Next. New York. 1967, p. 20.

²² Ibid., p. 11, 12, 331.

и расколет свободный мир, что всемирная ядерная война вообще не понадобится или сможет безнаказанно быть развязана против растерявшихся и беззащитных народов»²³.

В подобных рассуждениях действительное положение дел ставится с ног на голову. «Правые» идеологи приписывают политике мирного сосуществования все черты «холодной войны», с помощью которой им хотелось бы добиться ликвидации социалистической системы. Сущность принципа мирного сосуществования как единственно разумной нормы взаимоотношений между государствами с различным общественным строем, исключающей возможность их вооруженного конфликта, «ускользает» от внимания «пенсильванцев». Они высказывают серьезное опасение, что в условиях мирного соревнования двух систем капитализм окажется в проигрыше. Поэтому исторически закономерный процесс расшатывания и ослабления позиций капиталистической системы они пытаются выдать за катастрофу, угрожающую всему человечеству. С этих позиций любое улучшение международной обстановки рассматривается как тактический маневр «противника», извлекающего из него односторонние преимущества²⁴. Такова классовая платформа противников разрядки.

Тезис Бэрнхэма и «политических реалистов» из числа «правых» идеологов об агрессивной сущности политики мирного сосуществования, как выяснилось из заявления генерала Д. Сарнова, одного из восторженных почитателей книги «Затяжной конфликт», родился в умах адвокатов «холодной войны» с момента появления первых признаков ослабления международной напряженности в середине 50-х годов. Служивший в то время в группе правительственных советников Д. Сарнов представил Белому дому меморандум, содержащий набросок «Программы политического наступления против коммунистического мира», где заявил, что для Москвы существует лишь единственная альтернатива ядерной войне — политико-психологическая война, направленная на деморализацию западного мира с целью его окончательного порабоще-

²³ *Strausz-Hupe R., Kintner W., Possony S. A Forward Strategy for America.* New York, 1961, p. 260.

²⁴ *Strausz-Hupe R. On Protracted Conflict.* San Francisco (Cal.), 1965, p. 20.

ния²⁵. В целях противоборства с Советским Союзом этот представитель «большого бизнеса» (в 1960 г. он был президентом компании «Радио корпорейшн оф Америка») требовал привлечь все политико-психологические и военные средства, включая ядерные.

Опасность подобного истолкования принципа мирного сосуществования²⁶ состоит в том, что сторонники данной концепции призывают к усилению гонки вооружений, активизации «психологической войны» и подрывной деятельности, продолжению конфронтации с Советским Союзом, т. е. курсу, повышающему потенциальную опасность ядерной катастрофы.

В условиях разрядки международной напряженности противники принципа мирного сосуществования несколько скорректировали свои взгляды, однако суть их осталась прежней. К началу 70-х годов У. Кинтнер, например, стал акцентировать внимание на «мирных» (с его точки зрения) средствах расшатывания устоев социализма с целью его капитуляции²⁷. Он всячески приветствовал избранный администрацией Дж. Картера курс на «реидеологизацию» американской внешней политики. Признавая, что прошло время открыто требовать уничтожения социализма как системы и что необходимо избежать ядерной катастрофы, Кинтнер призывал американские правящие круги усилить подрывную деятельность против социалистических государств и вмешательство в их внутренние дела под лозунгом борьбы «за права человека». Он полагал также, что США вправе отстаивать свои «идеалы», опираясь на силу²⁸. Как известно, попытки американских правящих кругов оживить антикоммунистический «крестовый поход» не замедлили отрицательно сказаться на процессе нормализации со-

²⁵ Sarnoff D. A Way to Turn Cold War Tide in America's Favor.— Life, 1960, 1 Aug., p. 62.

²⁶ Johnson F. No Substitute for Victory. Chicago, 1962, p. 196—198. См. также: Kintner W. Peace and the Strategy Conflict. New York etc., 1968; Strausz-Hupe R., Kintner W., Possony S. Technological Competition and Third World. New York, 1971; Strausz-Hupe R., Dougherty J., Kintner W. e. a. Building the Atlantic World. Westport (Conn.), 1974.

²⁷ Kintner W. The U. S. and USSR: Conflict and Cooperation.— Orbis, 1973, Fall.

²⁸ Kintner W. A Program for America: Freedom and Foreign Policy.— Orbis, 1977, Spring, p. 150, 152, 154, 155.

ветско-американских отношений и международной обстановки в целом.

Другие буржуазные историки, остерегавшиеся призывов к «уничтожению» Советского Союза, хотя и призывали реализм политики советского руководства в вопросах, связанных с ядерным оружием, тем не менее пытались скомпрометировать принцип мирного сосуществования и подорвать к нему доверие общественности с помощью той же спекулятивной идеи «тождественности», но в ином ее истолковании.

Среди работ данных историков в 60-е годы широкое хождение получила концепция, согласно которой «холодная война» означала своеобразный мир. В отличие от сторонников нормализации советско-американских отношений, которые в 70-е годы использовали термин «конкурентное сосуществование», чтобы подчеркнуть соревновательный характер отношений между США и СССР, не исключая при этом сотрудничества в ряде областей, эти авторы рассматривали сосуществование как острое соперничество двух держав, ограниченное лишь опасностью ядерной войны. А. Улам связывал установление более прочной мировой стабильности с абсурдным требованием «отмены» классовой борьбы на международной арене²⁹. В начале 70-х годов, когда перспективы улучшения советско-американских отношений стали приобретать реальные очертания, этот историк, продолжавший приписывать советской внешней политике стремление к международной нестабильности и напряженности, конкретизировал свои рекомендации, требуя от американских правящих кругов использования мощи западных держав для навязывания Советскому Союзу и другим социалистическим странам такого образца мира, который обеспечивал бы беспрепятственные возможности для распространения буржуазных идей³⁰.

Накануне президентских выборов 1976 г. Улам призывал правящие круги США положить конец «односторонности» разрядки³¹. В другой статье, оценивавшей курс администраций Никсона и Форда на улучшение со-

²⁹ *Ulam A. Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967.* New York; Washington, 1968, p. 409.

³⁰ *Ulam A. The Rivals. America and Russia since World War II.* New York, 1971, p. 395.

³¹ *Ulam A. Detente under Soviet Eyes.—Foreign Policy, 1976, Fall.*

ветско-американских отношений как неудачный опыт, этот историк все же признавал, что советская система не изменится в ближайшем будущем, поэтому проблема сосуществования двух различных социальных систем остается по-прежнему острой. Наиболее перспективным вариантом разрядки, с его точки зрения, являются попытки «увязывать» процесс нормализации советско-американских отношений с требованием желательных для Соединенных Штатов изменений во внутренней и внешней политике Советского Союза³². Занятая автором позиция сблизилась его с другой группой американских буржуазных исследователей, обуславливавших политику разрядки и возможность мирного сосуществования целым рядом «уступок» со стороны Советского Союза.

Авторы коллективного труда «Международная напряженность. Конфликт и его урегулирование» также придерживаются точки зрения, что сосуществование между США и СССР возможно лишь в форме беспрестанной борьбы, не доходящей до военного конфликта (так называемый вооруженный мир)³³. Глубокую веру социалистических стран в торжество своих идеалов они изображали как нежелание установить прочный мир на земле. Умышленно запутывая вопрос о «классовом мире» и международной безопасности, эти исследователи преподносили «холодную войну» в качестве альтернативы «ядерной войне», на самом же деле этот агрессивный курс таит в себе опасность термоядерной катастрофы. Г. А. Арбатов отмечал в своем исследовании: «...по сравнению с мировой термоядерной войной и самую острую „холодную войну“ можно в какой-то мере считать миром. Но это плохой мир, мир, за который народы платят чудовищными расходами на гонку вооружений, политическими издержками, связанными с разгулом милитаризма, вмешательством империалистов в их внутренние дела, наступлением реакции. Мало того, это — мир не только плохой, но и весьма неустойчивый, непрочный»³⁴.

Идеологическое наступление против принципа мирного сосуществования в рамках концепции «сосуществование — соперничество» предпринимал в своих работах и

³² *Ulam A. U. S.—Soviet Relations. Unhappy Coexistence.*— In: *America and the World 1978.* New York, 1979, p. 67, 576.

³³ *Atwater E., Forster K., Prybyla J. World Tensions. Conflict and Accomodation.* New York, 1967, p. 285—287.

³⁴ *Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях,* с. 300—301.

проф. Ф. Мосли, занимавший в 60-е годы пост директора Европейского института при Колумбийском университете (в военные и послевоенные годы он служил в госдепартаменте, сменив затем политическую карьеру на научную деятельность). Мосли развивал взгляды, близкие к трактовке, предложенной в 1959 г. проф. В. Кулски в его объемистой монографии о советской внешней политике³⁵. Последний не отрицал, что политика мирного сосуществования была свойственна СССР с первых дней Советской власти и признавал ее необходимость, но извращал само существо этой политики³⁶.

Мосли, учитывая рост популярности идеи мирного сосуществования в 60-х годах, примерно в том же духе поправлял свои более ранние утверждения (относительно опасности сосуществования с «агрессивным» Советским Союзом). «...Если сосуществование означает соревнование на условиях Кремля,— писал он,— т. е. всеми средствами, не доходящими до войны, американцы должны принять эту перспективу и спешить с соревнованием»³⁷. Но, так же как и другие противники разрядки в советско-американских отношениях, он исходил из тезиса, что мирное сосуществование означает развертывание идеологических диверсий, подрывной деятельности, вмешательство во внутренние дела государств, неуважение их суверенитета, т. е. широкое использование традиционных средств «холодной войны». Суть этих измышлений сводилась к противопоставлению ленинского принципа мирного сосуществования политике разрядки. Она трактовалась автором как путь, ведущий от более низкой ступени мирного сосуществования (читай: «холодной войны») к «истинному» сосуществованию³⁸. Под последним буржуазные теоретики понимают состояние классового мира на международной арене.

Взгляды, которые отстаивал Мосли, весьма популярны среди американских буржуазных исследователей, вынужденных считаться с воплощением принципа мирного

³⁵ *Kulski W. Peaceful Co-existence. An Analysis of Soviet Foreign Policy.* Chicago, 1959.

³⁶ *Ibid.*, p. 132, 137.

³⁷ *Beyond the Cold War: Essays on American Foreign Policy in a Changing World Environment/Ed. by R. Goldwin.* Chicago, 1965, p. 104.

³⁸ *Mosley Ph. The United States and East West Détente: The Range of Choice.*— *Journal of International Affairs*, 1968, vol. XXII, N 1, p. 115.

сосуществования в практике современных международных отношений. В частности, редакторы сборника «Советская стратегия в 70-х годах. От холодной войны к мирному сосуществованию»³⁹ не отрицали необходимости перестройки взаимоотношений Соединенных Штатов и Советского Союза на новой основе, однако, спекулируя на том факте, что политика мирного сосуществования учитывает специфику классовой борьбы в международных отношениях, пытаются представить ее как одностороннее движение, выгодное якобы лишь советской стороне. В целом, признавая отличия принципа мирного сосуществования от политики «холодной войны» в смысле ограничения применения силы, эти исследователи требуют внести в него «позитивное» содержание, иными словами, «отменить» классовую сущность данной формы взаимоотношений государств с различным общественным строем.

Подобная платформа буржуазных авторов, представлявшая мирное сосуществование не как реальное ограничение борьбы мирными средствами и развитие плодотворного сотрудничества во всех областях, а как достижение свободы действий для системы капитализма, вела к отрицанию единственно разумной альтернативы «холодной войне», к блокированию возможных путей нормализации советско-американских отношений. Таким образом эти исследователи мало чем отличались от откровенных противников принципа мирного сосуществования, занятых такой же фальсификацией.

Некоторые сторонники «холодной войны» из академических кругов выступали с концепцией отождествления мирного сосуществования и «холодной войны» для защиты обанкротившейся стратегии «сдерживания» коммунизма. Д. Рис, исходя из официальной версии об ответственности Советского Союза за развязывание «холодной войны», расценивал мирное дипломатическое наступление СССР как стремление принудить капиталистические страны «капитулировать» на советских условиях. Искажение действительной картины международной активности Советского Союза конца 50-х — начала 60-х годов понадобилось автору для обосновывания тезиса о том, что только «холодная война» является

³⁹ Soviet Strategy for the Seventies. From Cold War to Peaceful Coexistence/Ed. by F. Kohler, M. Harvey et al.: Center for Advanced International Studies University of Miami, 1973.

перспективой мирового развития. «Намного более вероятным, чем действительное примирение двух сторон в холодной войне... является... неопределенное продолжение холодной войны с различной интенсивностью конфликта», — подводил итог своим рассуждениям на эту тему автор⁴⁰. В результате фальсификации Рисом реальных событий империалистическая стратегия глобального «сдерживания» коммунизма предстает в качестве единственной гарантии всеобщего мира.

Автору «Истории холодной войны» Дж. Лукачу свойственны те же взгляды. По его мнению, наблюдаемые в послевоенном мире усиление влияния коммунистической идеологии и рост авторитета социалистических стран свидетельствуют якобы о реализации планов «мирового коммунистического завоевания». Поэтому он рассматривал политику «сдерживания» как наиболее перспективный внешнеполитический курс США⁴¹. Несмотря на то что во второй половине 60-х годов (момент 3-го переиздания его работы) Лукач не мог не констатировать нарастания тенденции к позитивным изменениям во взаимоотношениях двух сторон, названного им «холодным миром», его позиция защитника курса «холодной войны» не изменилась, он по-прежнему утверждал, будто достижению «истинного» мира препятствует «неисторическая философия коммунизма»⁴².

В исследованиях 70-х годов нетрудно заметить новые мотивы в концептуальном подходе к стратегии «сдерживания». В условиях разрядки международной напряженности стратегическая цель американской внешней политики — не допустить дальнейшего изменения соотношения сил в пользу социализма — осталась неизменной. Однако «доктрина Никсона» ориентировала американские правящие круги на пересмотр использования военной силы во внешней политике США. Основным элементом этой доктрины в отношении социалистических стран стал упор на активные переговоры «с позиции силы». Сама же политика «с позиции силы» и неограниченный интервенционизм США обрели некоторые пределы в стратегии «реалистического сдержива-

⁴⁰ Rees D. The Age of Containment. The Cold War, 1945—1965. London; New York, 1967, p. 112.

⁴¹ Lukacs J. A History of the Cold War. New York, 1961, p. 67.

⁴² Lukacs J. A New History of the Cold War. New York, 1966, p. 277.

ния». Реабилитируя подвергшуюся критике доктрину «сдерживания» коммунизма, представитель современной официозной школы Дж. Гэддис охарактеризовал дипломатию Никсона — Киссинджера как «возвращение к неосуществленным аспектам сдерживания, которое Кеннан предлагал четверть века назад»⁴³. По мнению этого историка, модернизированная доктрина «сдерживания», которой может быть дано любое другое название, является единственным «реальным» принципом американской внешней политики в отношении Советского Союза⁴⁴.

О разрядке как варианте «сдерживания» заявлял и Р. Такер, находивший единственным его отличие от классического образца 50-х годов в том, что «сдерживание в будущем станет характеризоваться более умеренными целями, чем в прошлом»⁴⁵. Судя по словам автора, он не видит иной альтернативы улучшению советско-американских отношений, кроме устройства мира по западному образцу. Характерно, что в конце срока президентства Дж. Форда в официальной доктрине усилился упор на задачу «сдерживания» Советского Союза, сопровождавшийся резкими колебаниями в подходе к двусторонним отношениям.

Позиция, которую занимал в 60-е годы Г. Моргентау в дискуссии об альтернативе «холодной войне» в советско-американских отношениях, сближает его с уже рассмотренными взглядами, несмотря на иной ход его рассуждений. Корректируя в течение этого десятилетия свои оценки состояния советско-американских отношений, этот патриарх школы «политического реализма» исходил из неизменного принципа, что в основе «холодной войны» лежали традиционные «экспансионистские» устремления Советского Союза и противодействие им со стороны Соединенных Штатов⁴⁶. Подвергая критике глобальный антикоммунизм США и милитаризацию «холодной войны» в 50-е годы, Моргентау оценивал политику администрации Дж. Кеннеди (в том числе и в

⁴³ *Gaddis J. Containment: A Reassessment.*— *Foreign Affairs*, 1977, Jul., p. 884.

⁴⁴ *Ibid.*, p. 885.

⁴⁵ *Tucker R. Beyond Détente.*— *Commentary*, 1977, Mar., p. 50.

⁴⁶ *Morgenthau H. Politics in the Twentieth Century.* Chicago, 1971, p. 127. Первоначально работа была опубликована в 1962—1964 гг. как трехтомник; издание 1971 г.— сокращенный вариант.

американо-советских отношениях) как свидетельство перехода на «реалистические» позиции⁴⁷. Однако он связывал окончание «холодной войны» не с отказом США от агрессивной внешней политики, а с прекращением мнимой «советской экспансии». Рассматривая происходившие на мировой арене изменения в расстановке сил по узкой схеме «баланса сил», Г. Моргентау расценивал факты, говорившие об укреплении позиций социалистического содружества, успехах миролюбивой внешней политики Советского Союза, о росте его солидарности с народами Азии и Африки, борющимися за свою независимость, как свидетельство усиления «советской экспансии», означавшее, что «холодная война» перешла в новое качество⁴⁸. Предложения СССР, направленные на прекращение «холодной войны», урегулирование политических проблем, касавшихся послевоенной Европы (главным образом заключения германского мирного договора), расценивались им как предъявляемые США требования отказаться от защиты своих интересов.

При таком подходе к проблеме, переносящем на противоборство двух социальных систем категории и законы империалистической теории «баланса сил», в принципе исключается возможность мирного сосуществования и длительная стабилизация международных отношений. Признавая, что к концу 60-х годов обстановка в Европе значительно улучшилась и может еще более улучшиться при дипломатическом урегулировании вопросов, связанных с существованием двух германских государств, Моргентау не спешил разделить точку зрения ряда других исследователей об окончании «холодной войны». Как он считал, независимо от «потеплений», борьба США и СССР за «силу» будет продолжаться.

С выходом советско-американских отношений на новые рубежи в первой половине 70-х годов Г. Моргентау, не меняя основы своей концепции, внес соответствующие поправки в оценку возможностей развития дипломатических отношений между США и СССР, о чем речь пойдет впереди.

Предпринятые сторонниками различных вариантов теории «тождественности» «холодной войны» и мирного

⁴⁷ *Morgenthau H. Politics in the Twentieth Century*, p. 410.

⁴⁸ *The Origins of the Cold War*/Ed. by J. Huthmacher, W. Susman. Waltham (Mass.); Toronto, 1970, p. 100—101.

сосуществования инсинуации относительно сути последнего отражали взгляды тех экстремистски настроенных и даже более умеренных кругов, которые в условиях притупления остроты «холодной войны» и развития процесса разрядки продолжали отстаивать курс жесткой конфронтации с Советским Союзом и пытались открыто связать назревшую задачу перестройки международных отношений с требованием капитуляции социалистического содружества.

СУЩНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ «УСТУПОК»

Изменение соотношения сил в мире вынуждало более трезвомыслящих политических деятелей США и буржуазных историков признать бесперспективность курса «холодной войны». Но, обращаясь к проблеме мирного сосуществования, они стремились приспособить ее преимущественно к нуждам капиталистической системы. Подмена истинного содержания принципа мирного сосуществования таким, которое не затрагивало бы главных интересов американского империализма в новых условиях, составляла основу работ буржуазных идеологов и историков, выступивших с концепцией «уступок». В обобщенном виде ее формулировка сводилась к тому, что «некоммунистические страны предпочли бы мирное сосуществование, если бы коммунистические державы пожелали вступить в такой вид переговоров и обсуждений, посредством которых они смогут продемонстрировать желание изменить те аспекты их политики, которые несовместимы с этими переговорами»⁴⁹.

Не последняя роль в формировании мышления американских буржуазных идеологов и историков в данном направлении принадлежала статье Дж. Кеннана, опубликованной в январском номере «Форин афферс» за 1960 г.⁵⁰ Как идеолог американской буржуазии, наиболее остро чувствовавший необходимость отказа от отживших элементов внешней политики, Кеннан выступил с принципиальным признанием идеи мирного сосуществования двух систем, констатируя, что на Западе распространено мнение о возможности сосуществования

⁴⁹ *Lindsay M.* Is Peaceful Coexistence Possible?: Michigan State University Press, 1960, p. 237.

⁵⁰ *Kennan G.* Peaceful Coexistence. A Western View.— *Foreign Affairs*, 1960, Jan., p. 171—190.

с СССР как иной социальной системой. Он признал крах своих надежд на перерождение социализма в СССР⁵¹. Однако в качестве главного условия перестройки взаимоотношений со странами социализма на мирной основе автор требовал проведения буржуазных преобразований в восточноевропейских социалистических странах. В работе грубо искажался характер советской внешней политики, особенно принцип пролетарского интернационализма, который изображался им как «вмешательство извне». На самом же деле политика мирного сосуществования не только не противоречит этому принципу, она в значительной мере определяется им и способствует его успешной реализации. Фальсифицируя принцип пролетарского интернационализма и рассуждая о советском «экспансионизме», Кеннен стремился к одной цели — помешать росту международного влияния социализма, возродить капиталистическое окружение СССР в надежде на его капитуляцию.

По прошествии нескольких лет, когда в числе прочих событий произошло и улучшение взаимоотношений двух ведущих держав с различным общественным строем, Дж. Кеннан заявил, что «Запад не имеет иного выбора, кроме признания требования мирного сосуществования в качестве основы политики в отношении стран коммунистического мира»⁵². Он признал необходимость развития торговых взаимоотношений двух сторон как важной формы мирного сотрудничества. Однако надежда на восстановление капиталистических порядков в странах социализма не покидала Кеннана и в этот период. Возвратившись с дипломатической работы в Югославию, Дж. Кеннан сосредоточил внимание на так называемой проблеме «полицентризма» в социалистической системе.

В американской буржуазной историографии идея «полицентризма» явилась неотъемлемой частью разработки «политическими реалистами» и в несколько ином плане «модернистами» концепции «многополярности» мира, которая утвердилась в практике американских исследователей международных отношений как ответ на кризис политики «глобализма» и НАТО, появление но-

⁵¹ Ibid., p. 178.

⁵² Kennan G. On Dealing with the Communist World. New York, 1964, p. 21.

вых независимых национальных государств, заявивших о своей приверженности нейтралитету, усиление американо-европейских противоречий и конфликтов с другими капиталистическими странами и партнерами по блокам. Схема «биполярного» «баланса сил», изображавшая конфронтацию «сверхдержав» США и СССР как единственно важный фактор международных отношений, даже внешне перестала отвечать реальному развитию международных отношений. Идея «полицентризма» оказалась как бы проекцией противоречий капиталистических стран. Корректировка теоретической платформы антикоммунизма получила в 60-е годы официальный статус в провозглашенной администрацией Л. Джонсона политике «наведения мостов»⁵³, нацеленной на размыwanie социалистического строя и в конечном итоге вовлечение стран социализма в орбиту капиталистического влияния.

Кеннан пытался толковать исторически обусловленное разнообразие форм строительства социализма⁵⁴ и различные субъективные факторы в развитии социалистической системы (раскольническую политику руководства Китая, проявление национализма в отдельных странах, борьбу с контрреволюционными элементами) как свидетельство закономерной «эрозии» и «кризиса» этой системы, исходя из которых можно планировать внешнеполитическую стратегию Соединенных Штатов. В условиях «полицентризма», как считал Кеннан, проблема сосуществования значительно упрощалась, поскольку для Запада якобы создавалась свобода маневра в «выборе» этими странами социально-политической системы. Иными словами, речь шла все о том же «условии» перехода к политике мирного сосуществования — разрушении связей между странами, входящими в социалистическое содружество, реставрации в них капиталистических порядков. Примечательно, что признание Дж. Кеннаном идеи мирного сосуществования, обставленное даже такими требованиями в пользу капитализ-

⁵³ Public Papers of the Presidents of the United States. Lyndon B. Johnson, 1963—1964. Washington, 1965, vol. 1, p. 709.

⁵⁴ См.: Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм, с. 17; Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974, с. 19—20, 41.

ма, Дж. Бэрнхэм назвал «ересью», достойной осуждения⁵⁵.

Посылку Кеннана 60-х годов о необходимости восстановления в странах Восточной Европы буржуазных порядков в качестве «условия» окончания «холодной войны» разделял и У. Ростоу. Но в отличие от Кеннана позиция этого идеолога американской буржуазии в вопросе мирного сосуществования была намного правее, поскольку он предлагал дополнить конструктивную политику во взаимоотношениях с Советским Союзом военным «устрашением». Требование продолжения политики «с позиции силы», наращивания гонки вооружений (рассматриваемые им как факторы мировой стабильности⁵⁶) сближало У. Ростоу со взглядами государственного секретаря Д. Раска, который уповал главным образом на «позицию силы».

Основным политическим «условием» разрядки в советско-американских отношениях У. Ростоу называл «обеспечение политической свободы Восточной Европы в обмен на соглашение о вооружениях в Европе, ее безопасности и создание эффективной международной системы контроля над ядерным оружием»⁵⁷. Являясь одним из творцов концепции «конвергенции», составным элементом которой была надежда на «перерождение» социализма в Советском Союзе, этот исследователь прямо писал, что «добровольный» (по его мнению) отказ социалистических стран от избранного ими пути развития ускорит внутренние преобразования в СССР.

Происходившие в мире изменения, которые У. Ростоу одним из первых «политических реалистов» стал рассматривать «сквозь призму концепций «многополярности» и «полицентризма», привели его к мысли, будто «истинный» мир может быть достигнут лишь в сообществе единообразных наций, ориентированных на социально-экономическое и политическое развитие США, якобы обремененных высокой миссией миротворца. В одном из последних исследований Ростоу прямо заявлял, что прообразом мировой федерации могут служить организации

⁵⁵ Burnham J. The War We Are In: The Last Decade and the Next, p. 92.

⁵⁶ Rostow W. The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. New York, 1960, p. 434—439; *Idem*. The Test: Are We the Tougher.— New York Times Magazine, 1964, 7 Jun.

⁵⁷ Rostow W. The United States in the World Arena, p. 422.

стран «Общего рынка» и Североатлантического договора. Подобные утопии имеют своей целью размывание основ социализма и вовлечение социалистических государств в орбиту мировой капиталистической системы. В начале 70-х годов этот буржуазный теоретик по-прежнему отстаивал необходимость высокого военного бюджета США и укрепления НАТО. Одновременно он выражал заметную озабоченность по поводу распространения ядерного оружия на земном шаре. Гонка обычных вооружений и существование агрессивных блоков, несущих в себе угрозу миру, не вызывали у этого защитника политики «с позиции силы» особых опасений за судьбы человечества, его тревожила перспектива термоядерной войны. Поэтому Ростоу считал, что наиболее важным и реальным аспектом современной дипломатии являются совместные усилия социалистических и капиталистических государств по предотвращению угрозы ядерной войны. В связи с этим на первый план в развитии советско-американских отношений выдвигается, по его мнению, задача «стабилизировать американо-советскую гонку вооружений на относительно безопасной основе для обеих наций»⁵⁸.

З. Бжезинский, возглавлявший в течение полутора десятилетий (до назначения его в январе 1977 г. на пост помощника президента по вопросам национальной безопасности) научно-исследовательский институт по проблемам коммунизма при Колумбийском университете⁵⁹, также уповал на ослабление экономической, политической, идеологической и революционной мощи мирового социализма. Основу его взглядов на американо-советские отношения составляют активно разрабатывавшаяся им в 60-е годы идея «эволюции» социалистической системы и тесно связанная с ней доктрина «наведения мостов»⁶⁰. Подобно У. Ростоу, отправляясь от постулатов теории «единого индустриального общества», З. Бжезинский особые надежды возлагал на идеологическую «эрозию» коммунистического мира⁶¹. В его пред-

⁵⁸ Rostow W. The Diffusion of Power. An Essay in Recent History. New York, 1972, p. 602.

⁵⁹ В 1975 г. институт был преобразован в более широкий Институт по исследованию международных перемен.

⁶⁰ Brzezinski Z. Ideology and Power in Soviet Politics. London, 1962; *Idem*. The Soviet Block. Unity and Conflict. Cambridge (Mass.), 1967.

⁶¹ Cold War: Ideological Conflict of Power Struggle?/Ed. with an

ставлении гарантией международной безопасности в эпоху ослабления «холодной войны» окажется сообщество наиболее высокоразвитых наций во главе с США, а идеологически разоруженные и обособленные друг от друга социалистические страны будут поглощены капиталистическим миром⁶².

Бжезинский не изменил этому антикоммунистическому кредо и в 70-е годы, когда, по его признанию, американо-советские отношения перешли из фазы «холодной войны» к иному виду соперничества. Оценивая итоги советско-американских переговоров на высшем уровне 1972 г. и не скрывая огорчения по поводу утраченного США стратегического превосходства, он выражал надежду, что разрядка вызовет желательные для США внутрисполитические изменения в СССР. «В конце концов,— писал он,— совокупное воздействие плюрализма на международной арене и внутрисполитического давления окажет более глубокое влияние на характер советской системы, чем американской...»⁶³ В другой статье, признавая желательность разрядки как альтернативы «гонке вооружений, ведущейся в атмосфере враждебности и напряженности»⁶⁴, этот «советолог», однако, призывал американские правящие круги, помимо нажима на Советский Союз в глобальных проблемах, разжигать национализм в странах социалистического содружества в целях его разобщения и капиталистического перерождения. Подобные расчеты и замыслы очень напоминают политику «холодной войны», которую на словах порицают сторонники «конвергенции» и различных современных вариантов этой теории. Открытые призывы Бжезинского в качестве высокопоставленного официального лица к «жесткой» линии во внешней политике и к опоре на силу ясно говорят о том, куда ведут подобные теории.

Introd. by N. Graebner. Boston, 1963, p. 58; *Brzezinski Z., Huntington S. Political Power. USA/USSR.* New York, 1963; *Brzezinski Z. America in the Technotronic Era.* New York, 1967; *Idem. Between two Ages: America's Role in the Technotronic Era.* New York, 1970.

⁶² *Brzezinski Z. The Implications of Change for United States Foreign Policy.* Washington, 1967, p. 5.

⁶³ *Brzezinski Z. How the Cold War Was Played.*— *Foreign Affairs*, 1972, Oct., p. 194, 209.

⁶⁴ *Brzezinski Z. The Deceptive Structure of Peace.*— *Foreign Policy*, 1974, Spring, p. 40.

Надежды на капиталистическое перерождение советского общества получили распространение и в трудах многих пацифистски настроенных американских буржуазных исследователей, воплотивших мысль о классовом перемирии в концепции «мирового сообщества наций». В этой связи прежде всего необходимо отметить имевшую большое влияние в 60-е годы книгу профессора социологии Колумбийского университета А. Этциони⁶⁵, который, проповедуя идею мира, выступил с теорией «градуализма», т. е. постепенного движения к мировому сообществу единых по своей классовой структуре наций. Выступая за прекращение гонки вооружений и истерии «холодной войны», этот автор одновременно требовал «либерализации» социалистических стран⁶⁶.

В коллективном сборнике «Предотвратить третью мировую войну» основное внимание наряду с предложением о прекращении гонки вооружений уделяется идее создания «мирового сообщества наций» как необходимому условию достижения всеобщего мира⁶⁷. Причем из высказывания одного из редакторов книги, видного американского теоретика-международника К. Райта, становится ясным, что идейной платформой такого рода объединения должен стать отказ от борьбы идеологий. При этом он совершенно необоснованно проводит параллели с идеологическими конфликтами и последующим приспособлением друг к другу различных религиозных школ⁶⁸.

А. Рапопорт подчеркивал необходимость нормализации советско-американских отношений на основе плодотворных переговоров сторон. Он критически оценивал основной тезис «политических реалистов» о снижении роли идеологических факторов в международных отношениях XX в., а также их внешнеполитические схемы, в которых не проводилось принципиального различия между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки как национальными государствами с различным общественным строем⁶⁹. Критикуя, достаточно остро, сохранение

⁶⁵ Etzioni A. The Hard Way to Peace. A New Strategy. New York, 1962.

⁶⁶ Ibid., p. 248.

⁶⁷ Preventing World War III: Some Proposals/Ed. by Q. Wright, W. Evan, M. Deutsch. New York, 1962, p. 412, 415.

⁶⁸ Ibid., p. 415—417.

⁶⁹ Rapoport A. The Big Two. Soviet American Perceptions on Foreign Policy. New York, 1971, p. 165, 210.

стереотипов «холодной войны» в политическом мышлении американской правящей элиты, А. Рапопорт выражал надежду на дальнейшее укрепление элементов советско-американского сотрудничества в вопросах ограничения гонки вооружений, а также переход к более широкому диалогу, но, как он писал, при условии отказа от «неверных» представлений друг о друге. Правильная в целом посылка об отрицательном влиянии мифов «холодной войны» на процесс нормализации советско-американских отношений имела и другую сторону. Автор подразумевал, как само собой разумеющееся, что и советская внешняя политика должна быть освобождена от «ошибочных» представлений о Соединенных Штатах. В этом утверждении таилась мысль о «размывании» идеологического фундамента строящейся на принципах марксизма-ленинизма советской внешней политики, т. е. об идеологическом разоружении Советского Союза.

Буржуазное существо мировоззрения данных теоретиков находит проявление в нежелании принять современные мировые процессы, осознать, что сосуществование различных социальных систем не подчиняется законам взаимоотношений государств досоциалистических формаций, которые к тому же далеко не всегда были мирными. В конечном счете иллюзии относительно достижения «мирового сообщества» на платформе идеологического разоружения представляют собой надежды на постепенное капиталистическое окружение СССР и его идейную капитуляцию.

Об этом можно судить и по взглядам А. Шлезингера-мл., который в бытность свою помощником президента Дж. Кеннеди особенно активно носился с мыслью об «идеологическом сосуществовании»⁷⁰. Пытаясь в своей известной статье о «холодной войне» и последующих работах⁷¹ приписать вину за ухудшение советско-американских отношений в послевоенное время коммунистической идеологии, данный историк выдвигал требование «интеллектуальной свободы»⁷². Как и большинство «политических реалистов», приписывающих Советскому

⁷⁰ Мельников Ю. М. Внешнеполитические доктрины США, с. 448—449.

⁷¹ Schlesinger A., Jr. Origins of the Cold War.— Foreign Affairs, 1967, Oct., p. 52; *Idem*. The Crisis of Confidence: Ideas, Power and Violence in America. Boston, 1969.

⁷² The Dynamics of World Power, vol. I, p. XVI.

Союзу черты «сверхдержавы» и отождествляющих его внешнюю политику с деятельностью Соединенных Штатов на международной арене, А. Шлезингер-мл. связывал начало ослабления «холодной войны» не с объективными процессами, вызвавшими изменение мирового соотношения сил, а с утратой «сверхдержавами» своего былого могущества, что-де и заставило перейти от периода конфронтации к сотрудничеству. Вместе с тем А. Шлезингер-мл. полагал, что «все это, возможно, означает не конец холодной войны, а сокращение масштабов этого конфликта. Между демократией (буржуазной. — Н. Е.) и коммунизмом, — продолжал он, — до тех пор останутся неразрешимые проблемы, пока коммунистические государства будут отказываться от того, что они называют „идеологическим сосуществованием...“»⁷³.

Оценивая в начале 70-х годов политику администрации Никсона, А. Шлезингер-мл. отмечал, что именно «деидеологизация» внешнеполитического курса США способствовала успеху разрядки. Нельзя отрицать, что отход от догматов «идеализма» в американской внешней политике (в совокупности с объективными условиями) в определенной мере способствовал выработке американскими правящими кругами более гибкой линии во взаимоотношениях с СССР. Однако речь шла отнюдь не об отказе от идеологической борьбы. Официально выраженная позиция администрации в тот период подчеркивала, что СССР и США являются «идеологическими противниками и ими останутся»⁷⁴. Как зафиксировано в «Основах взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки», американское правительство согласилось с одним из главных положений принципа мирного сосуществования: идеологические разногласия не могут быть препятствием для сотрудничества государств с различными социальными системами.

Призывы Шлезингера-мл. к «идеологическому сосуществованию» относились прежде всего к советской стороне; что касается американской политики, то от нее этот историк требовал как раз перехода в идеологическое наступление. Именно по этой причине его не удов-

⁷³ Ibid.

⁷⁴ U. S. Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure for Peace. A Report to the Congress by R. Nixon President of the United States, February 9, 1972. Washington, 1972, p. 17.

летворял прагматизм дипломатии Г. Киссинджера. «Политические реалисты», которые рассматривали «идеалы» как одну из важных составных частей борьбы за «национальный интерес», упрекали Киссинджера в подчеркнуто прагматическом подходе к оценке изменившихся в мире условий и к попыткам приспособиться к ним. Сам же Г. Киссинджер вкладывал вполне определенный смысл в «деидеологизацию» американской внешней политики. Речь шла вовсе не об отказе США от идеологической борьбы и, главное, не от их претензий на «моральное руководство» миром, воплощенных в идеях американской «исключительности» и «предназначения судьбы». «Политический реализм» Киссинджера во внешней политике проявился в том, что он отводил традиционным американским «идеалам» подчиненную роль и признавал в тот период приоритет проблем, связанных с уменьшением опасности ядерной войны⁷⁵. Подчеркнутый прагматизм внешней политики администрации Никсона определялся, кроме того, и обострением внутривнутриполитической обстановки в США, и давлением правящих кругов избежать влияния негативных для репутации Америки моментов на внешнюю политику.

Наиболее откровенно насчет «идеологического существования» Шлезингер-мл. высказался, анализируя плюсы и минусы кампании «в защиту прав человека» (возведенную администрацией Картера в ранг официальной политики), основное содержание которой сводится к присваиванию Америкой «морального» права на вмешательство во внутренние дела других государств. Отмечая, что оживление мессианизма в американской внешней политике играло на руку поборникам «холодной войны», Шлезингер все же выражал надежду, что политика администрации демократов приведет к желательным для США изменениям в советском обществе⁷⁶. Увязывание, как это делал Шлезингер и многие другие американские буржуазные авторы, политики мирного сосуществования с требованием идейного перемирия на практике вело к торможению процесса разрядки, блокированию важных областей советско-американского сотрудничества и в итоге не способствовало делу мира,

⁷⁵ Kissinger, & Detente/Ed. by L. Sobel. New York, 1975, p. 12.

⁷⁶ Schlesinger A., Jr. Human Rights and the America Freedom.— In: America & the World 1978. New York, 1979, p. 511—526.

о котором, судя по их словам, столь пекутся сторонники «идеологического сосуществования».

С данной теорией тесно связана концепция «деидеологизации» советско-американских отношений. В отличие от А. Шлезингера, предпочитавшего употреблять термин «деидеологизация» применительно к отходу от догматов «идеализма» во внешней политике Соединенных Штатов, Моргентау распространял эту характерную для «политического реализма» посылку на трактовку советско-американских отношений в целом. После подписания в августе 1970 г. Договора между СССР и ФРГ, содержавшего в качестве одного из главных пунктов признание нерушимости европейских границ, с чем автор связывал возможность улучшения взаимоотношений в Европе, Г. Моргентау стал уделять первостепенное внимание другому, существенному, по его мнению, фактору во взаимоотношениях СССР и США: «освобождению» их внешнеполитической деятельности от идеологических стереотипов⁷⁷. Развитие процесса разрядки рассматривалось Моргентау как доказательство того, что сердцевиной отношений между Востоком и Западом становится «идеологическое разоружение»⁷⁸. «Освобождение внешней политики от идеологической ориентации,— заявил Г. Моргентау в 1975 г. в подкомиссии конгресса,— расчистило дорогу успехам новой дипломатии, которая в наш исторический период заменила жесткость холодной войны»⁷⁹.

Рассуждения о «деидеологизации» внешней политики Соединенных Штатов и Советского Союза не выдерживают никакой критики. Внешняя политика любого государства в конечном счете определяется его социально-экономическим строем и не может быть сведена к единым универсальным законам, предлагаемым «политическим реализмом». Советская внешняя политика отстаивает идеалы мира и прогресса на земле, в то время как внешнеполитическая идеология американского империализма доказала свою агрессивную сущность.

⁷⁷ *Morgenthau H. Changes and Chances in American Soviet Relations — Foreign Affairs*, 1971, Apr., p. 429—441.

⁷⁸ Reassessment of U. S. Foreign Policy. Hearings before the Subcommittee on Future Foreign Policy Research and Development of the Committee on International Relations House of Representatives. Washington, 1975, p. 28.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 29.

Связывая разрядку с превратно толкуемыми идеологическими факторами, а не с объективными процессами, Г. Моргентау не только искажал картину происходивших изменений, но фактически отрицал возможность политики мирного сосуществования. По логике доктрины современного «реализма», идеологом которой являлся Моргентау, разрядка не исключает опасности военной конфронтации в «многополярном» мире, занятой борьбой за выгодный «баланс сил». При этом Советскому Союзу по-прежнему отводится роль постоянно действующей «угрозы» международному статус-кво, в связи с чем оправдываются призывы к наращиванию военной мощи Соединенных Штатов, укреплению сил НАТО, т. е. продолжению той же политики «с позиции силы», которая вела к нагнетанию напряженности в послевоенном мире. Позиция Г. Моргентау по кардинальной проблеме современности — нормализации советско-американских отношений — отдаляла его от того действительного реализма, к которому в 70-е годы приблизились некоторые его единомышленники по историографической школе (Дж. Кеннан, М. Шульман, Л. Галле и др.). И при том в сторону замедления темпов налаживания добрососедских отношений и мирного сотрудничества Соединенных Штатов и Советского Союза, что играет на руку активным противникам разрядки.

Как показывает анализ большинства работ американских буржуазных историков, оперирующих категориями «политического реализма», субъективные, не отвечающие реальному развитию современного мира схемы «баланса сил» приводят к заведомым искажениям в освещении происшедших сдвигов в советско-американских отношениях и прогнозировании их дальнейшего развития. Так, проф. Ч. Лерч-мл. считал подходящей заменой «холодной войне», т. е. «биполярному» миру, переход к классической политике «баланса сил»: когда, помимо «сверхдержав», существуют другие центры «силы», способные влиять на стабильность международных отношений⁸⁰. Вместе с тем он полагал, что и в «многополярном» мире взаимоотношения двух «сверхдержав» не исключают их конфронтации; особенно в области идеологии⁸¹.

⁸⁰ *Lerche Ch., Jr. The Cold War and After. Englewood Cliffs (N. J.), 1965, p. 127.*

⁸¹ *Ibid.*, p. 114—115.

Правда, Ч. Лерч действительно подчеркивал возможность поддержания советско-американских отношений «ниже уровня взрыва», при соблюдении особых «правил игры». Последнее, применительно к Советскому Союзу, означало попытку навязать ряд ограничений на его внешнеполитическую деятельность под видом борьбы с мнимой «советской экспансией». Здравый смысл все же заставлял этого исследователя признать в работе конца 60-х годов, что не существует реальной альтернативы развитию разрядки, которое в 60-е годы было сорвано из-за эскалации американской агрессии во Вьетнаме⁸².

Ведущий «советолог» из Пенсильванского университета В. Аспатуриан, связывавший с политикой разрядки надежды на желательные Западу изменения в структуре советского общества⁸³, полагал, что при существовании стратегического паритета между СССР и Соединенными Штатами политическая «биполярность» мира уходит в прошлое. Однако, по его мнению, внешняя политика Советского Союза продолжает осуществляться в рамках прежней конфигурации «биполярной» системы. Под этим подразумевалось прежде всего, что Советский Союз не отказался от одного из основных принципов своей внешней политики — пролетарского интернационализма и солидарности с народами, борющимися за свою независимость и национальный суверенитет. Поддержка Советским Союзом мирового революционного процесса рассматривалась им как главный источник международной напряженности, тогда как внешней политике Соединенных Штатов, направленной на сохранение сферы господства капитализма любыми средствами (в том числе и с помощью вооруженных провокаций) приписывалась роль гаранта мира и безопасности⁸⁴.

Смысл сведения исторического противоборства государств различных социальных систем к борьбе за выгодный «баланс сил» заключается не только в стремлении буржуазных авторов извратить истинный характер международной деятельности СССР, затушевать империалистическую сущность внешней политики США. Это

⁸² *Lerche Ch., Jr. America in World Affairs*. New York etc., 1967, p. 75, 76, 88—89.

⁸³ *Aspaturian V. Moscow's Options in a Changing World*.— In: *U. S. Foreign Policy in a Changing World. The Nixon Administration, 1969—1973*/Ed. by A. Johnes, Jr. New York, 1974, p. 96.

⁸⁴ *Ibid.*, p. 119.

означает попытки так или иначе отстоять модернизированный вариант обанкротившейся политики «с позиции силы», направленной на «сдерживание» прогрессивных тенденций и революционных процессов, недопущение дальнейшего изменения в соотношении мировых сил, что шло вразрез с процессом разрядки и преобразования международных отношений на принципах мирного сосуществования.

Вместе с тем некоторые буржуазные исследователи, принадлежащие к клану «политических реалистов», в конце 60-х — начале 70-х годов выступили с более здравыми оценками политики разрядки, места и роли в этом процессе советско-американских отношений. Одним из теоретиков концепции «многополярности», который пытался осуществить ее принципы в политике, являлся Г. Киссинджер, помощник президента по вопросам национальной безопасности в правительстве Р. Никсона, а с 1973 г. государственный секретарь (некоторое время совмещая эти два поста). В 60-е годы он сочетал преподавательскую деятельность в Гарвардском университете со службой в Белом доме в качестве консультанта и активно разрабатывал теоретические основы своих взглядов во многих трудах, написанных в духе «политического реализма».

Исходя из общего постулата «политических реалистов» о необходимости восстановления международной системы, которая, по их мнению, обеспечивала стабильность мира до первой и второй мировых войн («плюралистичность» мира), Г. Киссинджер определял США как «силу», якобы содействующую, а СССР — будто бы противодействующую этому процессу. «Однако ядерный век требует определенного сотрудничества и абсолютной ограниченности конфликтов», — таков был вывод Киссинджера-исследователя⁸⁵, признавшего, что к концу 60-х годов стратегическое соотношение сил в мире изменилось и на повестку дня вставал вопрос о контроле над вооружениями. Еще до официального вступления на пост в республиканской администрации Киссинджер сформулировал три основных принципа американской внешней политики в отношении СССР: переговоры по конкретным вопросам, требование взаимной «сдержан-

⁸⁵ Kissinger H. American Foreign Policy. Three Essays. New York, 1969, p. 85.

ности» в районах кризисов и отказ от попыток получения односторонних преимуществ, «взаимоувязывание»⁸⁶, что означало использование переговоров с СССР по одним вопросам в качестве рычага по другим. Позднее эти принципы нашли отражение во внешнеполитической линии администрации Р. Никсона.

В выступлениях Г. Киссинджера по проблемам разрядки уже в качестве официального лица давалось ее толкование как процесса, направленного на поиски более конструктивных отношений с Советским Союзом, от которых в конечном итоге зависят международная стабильность и порядок⁸⁷. Главная цель разрядки, как подчеркивал тогда Киссинджер, — сократить источник потенциального конфликта⁸⁸. Рассматривая дипломатию как важное средство нормализации взаимоотношений двух «сверхдержав», Киссинджер вовсе не отказался от ориентации на факторы силы и призывал к энергичному укреплению национальной обороны США. Его концепция развития советско-американских отношений включала и другие элементы, противоречившие цели конструктивного сотрудничества.

В соответствии со своей схемой поддержания равновесия «баланса сил» Киссинджер выделял несколько уровней (направлений) советско-американских отношений. Так называемый «четвертый уровень» требовал стабильности на «периферийных областях» «национальных интересов» «сверхдержав». Он полагал, что если какая-нибудь из стран «третьего мира» предпримет «опасные» (с точки зрения США, разумеется) действия, то «баланс сил» может измениться, независимо от двусторонних отношений США и СССР. Гарантией против нарушений США и СССР существующего равновесия являлась, по Киссинджеру, сама опасность ядерной войны. Позиция Г. Киссинджера вела к тому, что он усматривал в развитии освободительного движения и революционных процессов в странах Азии и Африки «руку Москвы» (так он пытался толковать, например, защиту ангольским народом своей независимости от внутренней реакции и внешней интервенции).

⁸⁶ Ibid., p. 89—90.

⁸⁷ Kissinger & Detente, p. 10; Major Problems in American Foreign Policy. Vol. II: Since 1914/Ed. by T. Paterson. Lexington, 1978, p. 492.

⁸⁸ Kissinger & Detente, p. 28.

Американские правящие круги пытались связать разрядку в двусторонних советско-американских отношениях с требованием «сдержанности» Советского Союза, т. е. отказа его от поддержки национально-освободительной борьбы и других революционных и прогрессивных процессов. Г. Моргентау, который целиком разделял теоретические послышки Г. Киссинджера и также выступал за неприкосновенность социального статус-кво в мире, выражал, однако, опасения, что взгляды последнего на мировой революционный процесс возвратят США к политике «глобализма»⁸⁹.

Последовавшие после ухода Киссинджера в отставку выпады против СССР и политики разрядки не случайны. В начале 70-х годов Г. Киссинджер, подобно другим трезвомыслящим политикам, не изменяя своей классовой позиции по отношению к Советскому Союзу и другим странам социализма, вынужден был признать ограниченность американской мощи и объективную необходимость сосуществования с СССР. Однако его реализм (без кавычек) имел вполне зримые пределы, как и сама официальная внешнеполитическая доктрина, в разработке которой Киссинджер принимал активное участие. Начав отход от установок «холодной войны», администрации Никсона — Форда не придерживались последовательно данного курса, пытались сочетать политику разрядки со старой идеей о «руководящей роли» США в послевоенном мире. Система «стимулов и санкций» в отношении Советского Союза (которую США не смогли осуществить в 1969—1973 гг., как об этом с сожалением пишет Киссинджер в мемуарах)⁹⁰ предусматривала навязывание партнеру по переговорам в обмен на положительное решение вопросов о торгово-экономических связях и расширении сотрудничества такую внешнеполитическую линию, которая отвечала бы выгодному для Америки ходу развития событий на мировой арене. По мере развития противоречащих данным внешнеполитическим расчетам международных событий и под влиянием общего изменения внутриполитической конъюнктуры в США со второй половины 70-х годов

⁸⁹ *Stoessinger J. The Statesman and the Critic: Kissinger and Morgenthau.* — In: *Truth and Tragedy. A Tribute to Hans J. Morgenthau*/Ed. by K. Thompson, R. Myers. Washington, 1977, p. 226.

⁹⁰ *Kissinger H. White House Years.* Boston; Toronto, 1979, p. 1251.

происходили девальвация прежних внешнеполитических оценок Г. Киссинджера и ужесточение его позиции.

На весьма близких к Киссинджеру позициях находился и М. Шульман, переносивший на сложные процессы современных международных отношений трафареты политической «многополярности» и военной «биполярности»⁹¹. К концу 60-х годов он по-прежнему твердил о советском «экспансионизме», однако замечал, что единственно благоразумной политикой для Соединенных Штатов является отказ от наращивания вооружений ввиду установившегося «равновесия страха», ограничение вмешательства в дела стран «третьего мира» и «многоступенчатое» улучшение взаимоотношений с СССР. Предлагая решительные шаги в области улучшения советско-американских отношений, Шульман вместе с тем связывал разрядку международной напряженности с такими условиями, как рассмотрение надуманной «восточноевропейской проблемы» и «эволюция» советской системы⁹².

По мере развития политики разрядки в первой половине 70-х годов и существенных сдвигов в советско-американских отношениях, приведших к официальному признанию Вашингтоном принципа мирного сосуществования, Шульман соответственно скорректировал свои взгляды. Не отрицая необходимости международной разрядки и ее качественно новых черт (по сравнению с прошлыми «потеплениями»), которые создали возможность для перевода советско-американских отношений в русло «мирного соперничества» (с элементами определенного сотрудничества), он тем не менее продолжал извращать сущность внешней политики Советского Союза, извлекающего якобы одностороннюю выгоду из улучшения советско-американских отношений.

Шульман явно рассчитывал использовать ослабление напряженности для усиления американского давления на внешнюю и внутреннюю политику Советского Союза. «В качестве общего принципа, — витиевато развивал свою идею этот влиятельный специалист по международным отношениям, — эффективное сочетание част-

⁹¹ *Shulman M. Relations with the Soviet Union*. Washington (D. C.), 1968, p. 379. Данная работа М. Шульмана и рассмотренная выше статья Г. Киссинджера вошли в сб.: *Agenda for the Nation/Ed. by K. Gordon*. Washington, 1968.

⁹² *Shulman M. Relations with the Soviet Union*, p. 405—406.

ного и группового давления с официальной позицией правительства о невмешательстве во внутренние дела Советского Союза могло бы принести долгосрочные преимущества по сравнению с оказанием явного и фронтального нажима»⁹³.

Шульман заявлял, что продолжение идеологической борьбы будто бы сужает рамки советско-американского сотрудничества и противоречит принципам мирного сосуществования. Судя по его последующим высказываниям, он явно смазывает различия между «психологической войной» и борьбой идеологий и одновременно питает иллюзии (в духе всех сторонников идеи об «эволюции» советского строя), что СССР откажется от марксистско-ленинской идеологии, что произойдет перерождение советской общественно-политической системы и мир будет развиваться по американскому образцу⁹⁴.

Неизменная классовая позиция Дж. Кеннана не помешала ему в начале 70-х годов уяснить тщетность надежд на отторжение восточноевропейских социалистических стран от содружества и необходимость мирного сосуществования с Советским Союзом на взаимовыгодной основе. Точка зрения Дж. Кеннана в данном вопросе — он призывает к «ограниченному сотрудничеству» — оказалась более конструктивной, чем, скажем, у Г. Киссинджера или А. Гарримана. Последний вместе с Кеннаном стоял у истоков «жесткого курса» и «холодной войны» и к началу 70-х годов признал необходимость мирных форм соперничества с СССР⁹⁵. Оценки и суждения Кеннана 70-х годов сближают его с группой тех историков, которые не пытаются связывать вопрос о разрядке и нормализации советско-американских отношений с получением каких-либо принципиальных уступок от СССР в области его внутренней или внешней политики. Эволюцией взглядов Кеннана объясняется принадлежность его к двум школам в толковании перспектив развития советско-американских отношений: в

⁹³ *Shulman M. Toward a Western Philosophy of Coexistence.*— *Foreign Affairs*, 1973, Oct., p. 56.

⁹⁴ *Shulman M. On Learning to Live with Authoritarian Regimes.*— *Foreign Affairs*, 1977, Jan., p. 333—334.

⁹⁵ *Reassessment of U. S. Foreign Policy. Hearings before the Subcommittee on Future Foreign Policy Research and Development of the Committee on International Relations House of Representatives.* Washington, 1975, p. 22. См. также: *Harriman A. America and Russia in a Changing World. A Half Century of Personal Observation.* New York, 1971, p. 197.

60-е годы — к сторонникам «уступок» и в 70-е годы — к реалистически мыслящим историкам, которым посвящен следующий раздел.

Рассмотрев взгляды столь разнородной группы историков, которые в конечном итоге осознают необходимость нормализации советско-американских отношений, несмотря на проявленную в данном вопросе различную степень реализма, важно отметить следующее. Очевидно, что связующим звеном работ этих авторов является выраженная в них убежденность в необходимости и возможности исключить всеобщую ядерную войну из жизни человечества⁹⁶. С другой стороны, анализ этой категории исследований свидетельствует о нежелании ее представителей мириться с происходящими в ущерб капитализму изменениями на международной арене и о стремлении так или иначе увязать необходимость перестройки советско-американских отношений на принципах мирного сосуществования с расчетами на ослабление сил социализма и сохранение в неприкосновенности мирового социального статус-кво.

НА ПОЗИЦИЯХ РЕАЛИЗМА

В американской буржуазной литературе 60-х — середины 70-х годов, поднимавшей проблему улучшения взаимоотношений между СССР и США, довольно сильным оказалось течение реалистически мыслящих исследователей, тех, кто наиболее серьезно осознавал ответственность момента и необходимость перестройки отношений двух различных социальных систем на принципах мирного сосуществования.

В начале 60-х годов идеологическим обоснованием наиболее трезвых решений администрации Дж. Кеннеди в области американо-советских отношений в немалой степени послужили высказывания У. Липпмана, философские взгляды которого оказали значительное воздействие на Дж. Кеннеди — сенатора и президента. Липпман еще в конце 50-х годов весьма недвусмысленно заявил о необходимости установления рабочих отношений с Советским Союзом⁹⁷. Написанная после его возвращения

⁹⁶ См., например: *Halle L. Does War Have a Future?— Foreign Affairs*, 1973, Oct., p. 20—34.

⁹⁷ *Lippmann W. America in the World Today. A Lecture by W. Lippmann: University of Minnesota*, 1957.

из Советского Союза книга «Коммунистический мир и наш» базировалась на реалистическом выводе автора об иллюзии надежд на перерождение коммунизма. По его мнению, преодоление состояния «холодной войны» во многом зависело от признания США, что они «должны жить на одном и том же земном шаре с коммунистическими державами. Но мы не живем и не можем жить в едином интеллектуальном и политическом мире. Не сейчас. И не в ближайшем будущем...»⁹⁸.

Таким образом, Липпман призывал к необходимости мирного сосуществования, несмотря на идеологические и политические различия двух сторон. Липпман неизменно придерживался данной политической платформы и в периоды отхода правительства США от умеренно реалистической внешнеполитической линии. В разгар войны во Вьетнаме, выступая по телевидению, Липпман призывал к отказу Соединенных Штатов от мировых обязательств и к сосредоточению внимания на катастрофическом состоянии внутренней политики⁹⁹.

Как уже отмечалось, занятая Дж. Кеннаном в 70-е годы позиция относительно разрядки приблизила его к тем буржуазным историкам, которые наиболее последовательно критиковали курс «холодной войны» и отстаивали идею мирного сосуществования с Советским Союзом. При анализе сложившейся в международных отношениях 70-х годов ситуации Кеннан оперирует наряду с объективным фактором стратегического паритета сторон своими прежними соображениями о роли «полицентризма», а также о советско-китайских разногласиях. Вместе с тем он приходит к реалистическому заключению, что «сегодня между Советским Союзом и Соединенными Штатами не существует политических вопросов, которые могли, хотя бы предположительно, допустить военное решение, даже если бы само состояние вооружений не делало любую огромную военную конфронтацию между двумя державами немыслимой»¹⁰⁰.

Трезвый подход к объективной действительности, убедивший Дж. Кеннана в том, что первостепенной задачей

⁹⁸ *Lippmann W. The Communist World and Ours. Boston; Toronto, 1959, p. 56.*

⁹⁹ *Schapsmeier E. and F. Walter Lippmann: Philosopher-Journalist. Washington, 1969, p. 153.*

¹⁰⁰ *Kennan G. After the Cold War. American Foreign Policy in the 1970's.— Foreign Affairs, 1972, Oct., p. 220.*

американской внешней политики должно стать предотвращение ядерной катастрофы, привел его не только к признанию принципа мирного сосуществования в политике разрядки, но и к осознанию первостепенной важности для дела мира улучшения американско-советских отношений. С 1977 г. Дж. Кеннан является сопредседателем комитета за согласие между Востоком и Западом, который объединяет в своих рядах видных политических и общественных деятелей, представителей науки, культуры, деловых кругов и религиозных организаций. В многочисленных статьях и выступлениях по вопросу нормализации советско-американских отношений¹⁰¹ Кеннан высоко оценивал достигнутую договоренность в сфере ограничения стратегических наступательных вооружений, высказывался за дальнейшее резкое сокращение ядерных потенциалов сторон, прекращение гонки вооружений, а также призывал углублять те направления советско-американских отношений, которые уже наметились и могут получить дальнейшее развитие. Об эволюции взглядов Кеннана свидетельствует и такое его высказывание: «В отношении Советского правительства, — пишет он в работе конца 70-х годов, — нашей задачей должно стать не его уничтожение и не превращение в нечто другое, а поиски путей жить бок о бок и вести себя с ним так, чтобы уменьшать, а не увеличивать опасность, угрожающую нам всем»¹⁰². Кеннан также осудил американскую политику наращивания вооружений, раскрывая взаимосвязь между интересами военно-промышленного комплекса и ростом военного бюджета Соединенных Штатов¹⁰³. Его тревожит и происходящая на рубеже 80-х годов «милитаризация мысли»¹⁰⁴, т. е. усиление во внешнеполитических расчетах США фактора военной силы. В целом Дж. Кеннан выступает за возвращение на рельсы политики разрядки, за ограниченное сотрудничество США с Советским Союзом в ряде областей¹⁰⁵.

¹⁰¹ International Herald Tribune, 1975, 13 Jan.; Foreign Affairs, 1976, Jul.; Encounter, 1976, Sept., etc.

¹⁰² Kennan G. The Cloud of Danger. Current Relations of American Foreign Policy. Boston; Toronto, 1977, p. 217.

¹⁰³ Ibid., p. 314.

¹⁰⁴ Цит. по: Мильштейн М. А. Некоторые характерные черты современной военной доктрины США. — США — экон., полит., идеол., 1980, № 5, с. 17—18.

¹⁰⁵ Kennan G. Needed: A New American View of USSR. — In:

К трезвым суждениям относительно перспектив советско-американских отношений приходили и другие «академические критики» американского «глобализма». Если в начале 60-х годов Н. Грэбнер — сторонник концепции «сфер влияния» в объяснении генезиса «холодной войны» — оперировал схемой, согласно которой Советский Союз осуществлял политику мирного сосуществования в Европе, одновременно продолжая конфронтацию с США в странах «третьего мира»¹⁰⁶, то уже к середине десятилетия его позиция заметно изменилась. Автор с сожалением констатировал: «К несчастью, выбор, с которым столкнулся Запад, является ограниченным. Каковы бы ни были разногласия о значении мирного сосуществования, Запад не имеет иной альтернативы войне, кроме сосуществования...»¹⁰⁷.

Ф. Шуман (и некоторые другие приверженцы концепции «взаимной ответственности» в исследовании происхождения «холодной войны»)¹⁰⁸, обвинявший в обострении напряженности в послевоенном мире и СССР, и США, приветствовал «потепления» 60-х годов как первые шаги на пути выхода из состояния «холодной войны». В этом вопросе Шуман часто солидаризировался со взглядами «ревизиониста» Д. Флеминга, хотя в духе философии «политического реализма» связывал разрядку международной напряженности с принятием обеими сторонами «результатов политики силы» (так он характеризовал происшедшие в мире изменения и их необратимый характер)¹⁰⁹. По мнению Шумана, борьба между СССР и США может вылиться либо в войну, либо в конструктивное соперничество в деле мира. «Соперничество в деле мира, — считал историк, — является добрым другом по отношению к людям, поскольку все выигрывают, и ни один не проигрывает в состязании, имеющем целью увидеть, кто из соперников может достичь боль-

Common Sense in U. S.—Soviet Relations. Washington, 1978, p. 27—35.

¹⁰⁶ Graebner N. Cold War Diplomacy, 1945—1960. Princeton (N. J.), 1962, p. 90.

¹⁰⁷ Graebner N. Can a Nuclear World War Be Avoided.—The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1964, Jan., p. 138.

¹⁰⁸ Schuman F. The Cold War: Retrospect and Prospect. Baton Rouge, 1962; Barnett R., Ruskin M. After 20 Years: Alternatives to the Cold War in Europe. New York, 1965, p. 175—176.

¹⁰⁹ Schuman F. The Cold War, p. 86.

шего и внести больший вклад в создание наилучшей жизни и общества»¹¹⁰. Здесь следует подчеркнуть, что Шуман вкладывал в понятие «мирного соперничества» иной смысл, нежели, к примеру, Шульман и некоторые другие исследователи, о которых говорилось впереди¹¹¹. Их акцент на соперничество в противовес сотрудничеству значительно сужает сферы развития советско-американских отношений, не подводит под них прочный фундамент реальных достижений. Шуман имел в виду главным образом конструктивные формы сотрудничества двух держав, прежде всего в деле предотвращения ядерной войны. Он считал, что на достижение этой благородной цели должны направить энергию все здравомыслящие американцы¹¹².

В 60-х годах Д. Флеминг, исследовавший кризис американского курса на «холодную войну», исходил из твердого убеждения, что «нет иной альтернативы, кроме как жить с Советским Союзом на той же самой, постоянно сокращающейся планете и учиться улаживать наши разногласия с ним без войны»¹¹³. В этот период Флеминг выступил как редактор и автор сборника, посвященного исследованию возможной альтернативы «холодной войне»¹¹⁴, как рецензент ряда работ американских буржуазных историков и политиков, касавшихся проблемы мирного сосуществования. В 70-е годы он выпустил книгу «Вопросы выживания»¹¹⁵.

Неоднократно осуждая правящие круги Соединенных Штатов за развязывание «холодной войны»¹¹⁶, Флеминг предупреждал: «...подталкивание холодной войны к традиционному великому столкновению будет означать конец цивилизации на самой земле... что выходит за пределы разумного. Это „решение“ существует только в

¹¹⁰ Ibid., p. 70—71.

¹¹¹ См. также: Подлесный П. Т. О некоторых толкованиях концепции мирного сосуществования в США. М., 1979, с. 8—10; Современные внешнеполитические концепции США, с. 139—144, 156, 157.

¹¹² Schuman F. The Cold War's End? — New World Review, 1964, vol. 32, N 5, p. 25.

¹¹³ Fleming D. The Cold War and Its Origins, 1917—1960: Vol. 1, 2. London, 1961, vol. 1, p. 3.

¹¹⁴ The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1964, Jan.

¹¹⁵ Fleming D. The Issues of the Survival. London, 1972.

¹¹⁶ Fleming D. The Cold War and Its Origins, 1917—1960, vol. 2, p. 1055, 1060; Idem. The Turn Toward Peace. — The Annals of the American Academy of Political and Social Science, 1964, Jan., p. 162.

возбужденном сознании тех, кто жаждет победы»¹¹⁷. Вместе с тем автор покидал реальную почву, когда одновременно с трезвым призывом к американским политическим лидерам отказаться от мировых обязательств и заняться решением назревших внутренних вопросов предлагал в качестве панацеи от всех бед современного человечества построить «содружество наций»¹¹⁸ (наднациональное государство). Оставаясь на тех же позициях и в 70-е годы, Флеминг не соглашался с критиками, что данная идея утопична. С ее реализацией он связывал исключение войн из жизни общества, прекращение гонки вооружений, разрешение демографического кризиса и других проблем, встающих перед миром¹¹⁹. Таким образом, он интерпретировал принцип мирного сосуществования капиталистических и социалистических государств как путь к надклассовому мировому сообществу.

Справедливости ради следует отметить, что Флеминг ставил перед Соединенными Штатами задачу полного пересмотра американского образа жизни для осуществления столь высоких целей¹²⁰. Переоценку обанкротившейся и чреватой опасностью ядерной войны американской внешней политики Д. Флеминг предлагал начать с изменения отношения к Советскому Союзу (любые «условия», предъявляемые СССР, он считал неприемлемыми) и обращения к внутривнутриполитическим проблемам Соединенных Штатов.

«Ревизионисты» «висконсинской школы» не столь энергично, как Д. Флеминг, провозглашали свой пацифизм. Вместе с тем их работы, развенчивавшие официальную версию о причинах ухудшения советско-американских отношений после окончания второй мировой войны, направлены на поиски мирной альтернативы кризисному курсу «холодной войны». В. Вильямс, охарактеризовавший американскую политику экономической и идеологической экспансии как несоответствующую национальным интересам американского народа и всеобщему миру, настаивал на перестройке внешнеполитических взаимоотношений Соединенных Штатов, прежде всего с Советским Союзом, и переноса центра тяжести

¹¹⁷ *Fleming D.* There is a Way out of the Cold War.— *New World Review*, 1964, Nov., p. 17.

¹¹⁸ *Ibid.*, p. 23.

¹¹⁹ *Fleming D.* The Issues of the Survival, p. 17.

¹²⁰ *Ibid.*, p. XII.

на внутреннюю политику: «Освободившись от близорукого сосредоточения внимания на холодной войне, Соединенные Штаты смогли бы вплотную заняться своей основной проблемой — реорганизовать собственное общество таким образом, чтобы оно осуществляло свои функции посредством уравновешенной системы отношений с остальным миром и чтобы труд и досуг его граждан использовались с творческим смыслом и целесообразно»¹²¹.

Несколько лет спустя Вильямс сравнил дипломатию «холодной войны» с бумерангом: Соединенные Штаты оказались «жертвой» своей же собственной политики¹²². В связи с этим он ставил вопрос: «Не настало ли время признать, что мы сможем жить без коммунистических стран, только прибегнув к программе, которая уничтожит миллионы человеческих жизней?»¹²³. Признание принципа мирного сосуществования двух систем должно сопровождаться усилением дипломатических и экономических контактов США с СССР и другими странами социализма, что окажет, как считал исследователь, позитивное воздействие на все направления американской политики.

Принципиальное положение В. Вильямса о необходимости отказа Соединенных Штатов от экспансионистской и контрреволюционной внешнеполитической традиции, дополненное в трудах некоторых «висконсинцев» требованием «демократического контроля над внешней политикой» и радикальных изменений американской системы (разумеется, в рамках капиталистического строя)¹²⁴, свидетельствует, что их подход к решению вставших перед США проблем, в немалой степени явившихся следствием недальновидности политики военно-политической конфронтации с СССР и другими странами социализма, реалистичен и соответствует курсу на разрядку международной напряженности.

Следует отметить, что неоднородность «ревизионистов» и непоследовательность в приверженности общим

¹²¹ Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960, с. 205.

¹²² Williams W. The Tragedy of American Diplomacy. Rev. ed. New York. 1962, p. 297.

¹²³ Ibid., p. 305.

¹²⁴ Alperovitz G. Cold War Essays. New York, 1970, p. 120—121; Oglesby C., Shaul R. Containment and Change. New York, 1967, Pt 1.

тезисам отражались и на их оценке происходивших сдвигов в советско-американских отношениях. У. Лафебер, например, допускал антисоветские выпады в связи с подписанным в 1968 г. Соединенными Штатами, Англией и Советским Союзом Договором о нераспространении ядерного оружия, к которому присоединились через некоторое время более 100 других государств. Автор пытался представить этот важный шаг на пути к перестройке советско-американских отношений и обеспечению всеобщего мира как отвечающий исключительно интересам Советского Союза в деле ослабления НАТО¹²⁵. Положительно отзываясь о начавшейся в 70-е годы разрядке (в том числе и в советско-американских отношениях), названной автором «потеплением», У. Лафебер вместе с тем стремился изобразить советскую внешнюю политику мирного сосуществования как «конъюнктурную» и «тактическую»¹²⁶. Г. Колко, не подвергавший сомнению искреннюю приверженность Советского Союза принципу мирного сосуществования, трактовал ее как отказ от поддержки революционной борьбы народов¹²⁷.

Однако «ревизионистов» при всех их различиях и колебаниях объединяет одна идея, один общий подход к проблеме мирного сосуществования. Осознав, что «холодная война» как идеология и политика американского империализма чревата серьезными последствиями и для самой Америки, они заняли позицию, которую хорошо сформулировал Дж. Моррэй: «Нация, которая отвергает сосуществование и включает антикоммунистическое рвение в структуру своей идеологии, теряет доверие как гарант мира и делает себя уязвимой для обвинений в поджигании войны»¹²⁸.

¹²⁵ LaFeber W. *America, Russia and the Cold War, 1945—1971*. New York etc., 1972, p. 266. Что касается договора 1968 г., то он действительно предусматривал запрещение любых видов передачи ядерного оружия и контроля над ним не только отдельным неядерным государствам, но и военным блокам. Однако существо договора заключается в том, что этот документ ставил преграду на пути распространения ядерного оружия, был направлен на уменьшение опасности ядерной войны и упрочение безопасности всех народов мира.

¹²⁶ Ibid., p. 295.

¹²⁷ Kolko G. *Main Currents in Modern American History*. New York, 1976, p. 355—356.

¹²⁸ Morray J. *From Yalta to Disarmament: Cold War Debate*. New York, 1961, p. 56.

Предпринятые представителями американской буржуазной исторической науки поиски приемлемой альтернативы обанкротившемуся курсу военно-политической конфронтации в советско-американских отношениях в немалой степени отражали и обосновывали противоречивое развитие процесса, в ходе которого правящая верхушка Соединенных Штатов преодолевала некоторые доктрины «холодной войны» и приспосабливала свою внешнюю политику к новым объективным реальностям современной эпохи.

Решающим фактором, оказавшим воздействие на эволюцию взглядов американских буржуазных историков относительно окончания «холодной войны» и возможности мирного сосуществования (одних — в направлении большего реализма, других — к определенной модернизации прежней позиции), явились происходившие на мировой арене глубокие сдвиги в подзуде сил мира и прогресса.

Обращаясь к раннему послевоенному периоду советско-американских отношений, буржуазные исследователи ставили перед собой задачу прежде всего найти ответ на волнующие их проблемы современности. Рассматривая историю как источник аргументов для обоснования своих политических позиций, они подходили к исследованию событий 1945—1949 гг. с уже готовыми схемами и концепциями. Теория «мирового коммунистического завоевания» (которую далеко не радикальный специалист по международным отношениям назвал «карикатурой на действительность») ¹²⁹, подкрепляемая фальсификацией исторического материала, легла в основу аргументов противников разрядки, заявлявших о невозможности перестройки отношений между США и СССР на принципах мирного сосуществования.

Нельзя не увидеть связи между подходом «политических реалистов» к анализу генезиса «холодной войны» и их оценкой перспектив советско-американских отношений. Не случайно в рядах наиболее последовательных сторонников конструктивной перестройки советско-американских отношений оказались те исследователи, кто

¹²⁹ Great Issues of International Politics/Ed. by M. Kaplan. Chicago, 1970, p. 190.

постарался в своих работах по возможности преодолеть пропагандистские мифы и официальные догмы времен «холодной войны». Обращаясь к исследованию проблемы советско-американских отношений в первые послевоенные годы, историки-«ревизионисты» пришли к выводу, что американские правящие круги несут ответственность за отказ от реально существовавшей альтернативы сотрудничества с Советским Союзом и переход на позиции «холодной войны», надолго отбросившей назад позитивное развитие советско-американских отношений. В своих исторических работах они показали бесперспективность этого курса.

Из сказанного можно заключить, что политическая предвзятость, подмена научного анализа антиисторическими схемами и концепциями лишают буржуазных историков возможности объективно оценивать прошлое, реалистически смотреть на настоящее, результативно прогнозировать будущее. В этом проявляется одна из характерных черт кризиса современной буржуазной историографии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ историографических концепций послевоенных советско-американских отношений, существовавших в буржуазной науке США 60-х — середины 70-х годов, свидетельствует, что к началу минувшего десятилетия в Соединенных Штатах сложился интеллектуальный климат, который в целом благоприятствовал разрядке в политической области. Война США в Индокитае была одним из тех событий в послевоенной исторической ретроспективе, которое заставило американцев серьезно задуматься, куда ведут Америку «глобализм» и «холодная война». «Доктрина Никсона» символизировала осознание правящими кругами США нового соотношения сил в мире и признание ограниченности американских возможностей.

Вызванные идейно-политическим кризисом в США тенденции нашли свое отражение во внешнеполитической историографии в появлении разнородных критических школ и направлений. За рассмотренное 15-летие возросло число буржуазных критиков внешней политики администрации Г. Трумэна, воспринявших многие идеи критиков-либералов 40-х годов. Эти исследователи констатировали (несмотря на различные историографические концепции, ограничивавшие или зачастую умышленно искажавшие научные выводы) наличие гегемонистских замыслов в американских правящих кругах, недальневидную оценку ими реального соотношения сил в послевоенном мире, искусственное раздувание мифа о «советской угрозе», что, по мнению критиков, отрицательно влияло на американо-советские отношения.

Историки-«ревизионисты» со своей стороны перешли от констатации отдельных негативных фактов к аргументированным выводам об ответственности американской правящей элиты за развязывание «холодной войны».

Определенным показателем усилившейся в те годы дискредитации «мессианской» деятельности Соединенных Штатов, имевшей своей целью глобальный интервенционализм, который осложнил двусторонние отношения с СССР и привел к кризису другие направления американской внешней политики, являлись попытки офи-

ционных историков приспособить развенчанные жизнью идеи «холодной войны» к новым теоретическим схемам.

Несмотря на то что на рубеже 80-х годов правые силы перешли в наступление и оказывают серьезное давление на американское общественное мнение относительно оценки политики разрядки и взаимоотношений с СССР, они не могут вернуть страну к внешнеполитическому «консенсусу» 50-х годов. Произошли не только необратимые изменения в ряду факторов объективного порядка, но и под их воздействием в Соединенных Штатах окрепли те общественно-политические силы, которые убеждены, что с точки зрения здравого смысла и жизненно важных интересов Америки необходимо установление рабочих отношений с Советским Союзом, предусматривающих в первую очередь сотрудничество в области ограничения гонки ядерных вооружений. Как пишет Р. Барнет, один из руководителей Института политических исследований в Вашингтоне, военное превосходство, к которому стремилась администрация Картера, не принесет США никаких политических дивидендов. Долгосрочные интересы Америки требуют стабильности в международных отношениях. Барнет призывает США к демилитаризации отношений с СССР¹. Комитет за согласие между Востоком и Западом, куда входят и представители исторической науки, выступил с обращением к правительству США «разморозить» и ратифицировать Договор ОСВ-2, подписанный в июне 1979 г. в Вене Дж. Картером и Л. И. Брежневым².

При наличии объективной основы для конструктивного развития советско-американских отношений от активности сторонников нормализации отношений с СССР в немалой степени зависит, одержит ли верх в правящих кругах США трезвый подход к урегулированию международных проблем. Выражая добрую волю всех, кто заинтересован в продолжении процесса разрядки, Советский Союз предлагает «путь переговоров, основанных на строгом соблюдении принципа равенства и одинаковой безопасности. Это в полной мере относится и к советско-американским отношениям»³.

¹ *Barnet R. U. S.— Soviet Relations: The Need for a Comprehensive Approach.*— *Foreign Affairs*, 1979, Spring, p. 790—793.

² Правда, 1980, 3 июля.

³ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 июля 1980 г. М., 1980, с. 13.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ПРОИЗВЕДЕНИЯ КЛАССИКОВ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА

- Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8.
- Энгельс Ф. Рукописи по истории Англии и Ирландии: Выписки по истории Ирландии XVII и XVIII веков.— Архив Маркса и Энгельса, 1948, т. X.
- Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве.— Полн. собр. соч., т. 1.
- Ленин В. И. О политической линии.— Полн. собр. соч., т. 22.
- Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23.
- Ленин В. И. Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26.
- Ленин В. И. Под чужим флагом.— Там же.
- Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы.— Там же.
- Ленин В. И. Статистика и социология.— Полн. собр. соч., т. 30.
- Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции.— Там же.
- Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции.— Полн. собр. соч., т. 31.
- Ленин В. И. Странное и чудовищное.— Полн. собр. соч., т. 35.
- Ленин В. И. Доклад на Московской губернской конференции заводских комитетов 23 июля 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 36.
- Ленин В. И. Письмо к американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 37.
- Ленин В. И. VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г.: Заключительное слово по докладу о партийной программе 19 марта.— Полн. собр. соч., т. 38.
- Ленин В. И. Американским рабочим.— Полн. собр. соч., т. 39.
- Ленин В. И. О государстве: Лекция в Свердловском университете 11 июля 1919 г.— Там же.
- Ленин В. И. Ответ на вопросы берлинского корреспондента Американского информационного агентства «Universal Service» Карла Виганда.— Полн. собр. соч., т. 40.
- Ленин В. И. VIII Всероссийский съезд Советов 22—29 декабря 1920 г.: Доклад ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике 22 декабря.— Полн. собр. соч., т. 42.
- Ленин В. И. IX Всероссийский съезд Советов 23—28 декабря 1921 г.: О внутренней и внешней политике Республики.— Полн. собр. соч., т. 44.
- Ленин В. И. XI съезд РКП(б) 27 марта — 2 апреля 1922 г.: Политический отчет Центрального Комитета РКП(б) 27 марта.— Полн. собр. соч., т. 45.
- Ленин В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер гардиан» М. Фарбману.— Там же.
- Ленин В. И. Письмо Г. В. Чичерину.— Там же.

II. ДОКУМЕНТЫ КПСС, КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США, МЕЖДУНАРОДНОГО РАБОЧЕГО И КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм. М., 1961.
- Международное Совещание коммунистических и рабочих партий: Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г. М., 1969.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974.
- Материалы XXIII съезда КПСС. М., 1966.
- Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971.
- Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976.
- О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы: Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. М., 1979.
- Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 23 июня 1980 г. М., 1980.
- Новая программа КП США.— США — экон., полит., идеол., 1970, № 11, 12; 1971, № 1, 2.

III. ВЫСТУПЛЕНИЯ И ТРУДЫ РУКОВОДИТЕЛЕЙ КПСС И КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ США

- Брежнев Л. И.* Ленинским курсом: Речи и статьи. М., 1970—1979. Т. 1—7.
- Громыко А. А.* Во имя торжества ленинской внешней политики: Избр. речи и статьи. М., 1978.
- Фостер У.* Очерк политической истории Америки. М., 1955.
- Фостер У.* Закат мирового капитализма. М., 1959.
- Холл Г.* Покончить с «холодной войной». М., 1963.
- Холл Г.* Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974.
- Hall G.* The Struggle for the Détente.— Political Affairs, 1974, Jul.
- Hall G.* The Big Stakes of Détente. New York, 1974.

IV. ИСТОЧНИКИ

Советские публикации документов

- Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1947. Т. III.
- Внешняя политика Советского Союза: Документы и материалы. М., 1949—1953 (1945 год. М., 1949; 1946 год. М., 1952; 1947 год. М., 1952. Ч. I, II; 1948 год. М., 1950. Ч. I; М., 1951. Ч. II; 1949 год. М., 1953).
- Советский Союз и берлинский вопрос: (Документы). М., 1948—1949. Вып. 1, 2.
- К переговорам между Правительством СССР и Правительством США по атомной проблеме: (Документы). М., 1954.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: Т. 1—6. М., 1978—1980.
- Тегеран. Ялта. Потсдам: Сб. документов: М., 1971.

- Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2-х т. М., 1976.
- Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: Сб. документов, 1964—1965. М., 1966.
- Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: Сб. документов, 1966—1973. М., 1967—1974.
- Советская Программа мира в действии: Об итогах советско-американских переговоров. М., 1972.
- Визит Л. И. Брежнева в Соединенные Штаты Америки 18—25 июня 1973 г.: Речи и документы. М., 1973.
- Документы и материалы третьей советско-американской встречи на высшем уровне, 27 июня — 3 июля 1974 г. М., 1974.
- Документы и материалы советско-американской встречи во Владивостоке, 23—24 ноября 1974 г. М., 1974.

Американские официальные публикации

- Congressional Record. Washington, 1945—1949.
- A Decade of American Foreign Policy. Basic Documents, 1941—1949. New York, 1950.
- Detente. Hearings before the Committee of Foreign Relations. U. S. Senate. Washington, 1975.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers, Washington, 1955—1978.
- Overseas Programs of Private Nonprofit American Organizations. Report N 3 on Winning the Cold War: The U. S. Ideological Offensive by the Subcommittee on International Organizations and Movements of the Committee of Foreign Affairs. House of Representatives. Washington, 1965.
- Public Papers of the Presidents of the United States. Containing the Public Messages, Speeches and the Statements of the Presidents. Harry S. Truman: Vol. I—III. Washington, 1961—1966.
- Reassessment of U. S. Foreign Policy. Hearings before the Subcommittee on Future Foreign Policy Research and Development of the Committee on International Relations House of Representatives. Washington, 1975.
- U. S. Foreign Policy for the 1970's. A New Strategy for Peace. A Report to the Congress by R. Nixon President of the United States, February 18, 1970. Washington, 1970.
- U. S. Foreign Policy for the 1970's. The Emerging Structure for Peace. A Report to the Congress by R. Nixon President of the United States, February 9, 1972. Washington, 1972.

Сборники документов

- The American Diplomatic Revolution: A Documentary History of the Cold War, 1941—1947/Ed. by J. Siracusa. Port Washington (N. Y.); London, 1977.
- The Cold War. A Book of Documents/Ed. with an Introd. by H. Trefousse. New York, 1965.
- Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945—1950/Ed. by T. Etzold, J. Gaddis. New York, 1978.
- Dimensions of American Foreign Policy. Readings and Documents/Ed. by M. Needler. Princeton (N. J.) etc., 1966.

- Documents of American History/Ed. by H. Commager. New York, 1968.
 A Documentary History of United States Foreign Policy, 1945—1973/Gen. ed. A. Schlesinger, Jr. New York, etc., 1973. Vol. I. Western Europe; Vol. II. Eastern Europe and the Soviet Union.
 Documents on Russian-American Relations. Washington to Eisenhower/Ed. by S. Jados. Washington, 1965.
 Kissinger & Detente/Ed. by L. Sobel. New York, 1975.
 The Shaping of the American Diplomacy. Readings and Documents in American Foreign Relations, 1750—1955/Ed. with Comment. by W. Williams. Chicago, 1960.
 The Truman Administration. A Documentary History/Ed. by B. Bernstein, A. Matusow. New York; London, 1966.

V. МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ

- Acheson D.* Present at the Creation. My Years in the State Department. New York, 1969.
Baruch B. The Public Years. New York, 1962.
Bohlen Ch. Witness to History, 1929—1969. New York, 1973.
Byrnes J. Speaking Frankly. New York; London, 1947.
 The Diaries of Edward R. Stettinius, Jr., 1943—1946/Ed. by T. Campbell, G. Herring. New York, 1975.
 For the President—Personal and Secret: Correspondence between Franklin D. Roosevelt and William C. Bullitt/Ed. by O. Bullitt. Boston, 1973.
 The Forrestal Diaries/Ed. by W. Millis. New York, 1951.
Greu J. The Turbulent Era. A Diplomatic Record of Forty Years, 1904—1945: Vol. 1, 2. Boston, 1952.
Harriman A. America and Russia in a Changing World. A Half Century of Personal Observation. New York, 1971.
Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941—1946. New York, 1975.
Kennan G. Memoirs. Vol. I (1925—1950). Boston; Toronto, 1967; Vol. II (1950—1963). Boston; Toronto, 1972.
Krøck A. In the Nation. 1932—1966. New York, 1969.
Leahy W. I Was There. New York, 1950.
 The Price of Vision: The Diary of Henry A. Wallace, 1942—1946/Ed. by J. Blum. Boston, 1973.
 The Private Papers of Senator Vandenberg/Ed. by A. H. Vandenberg. Boston, 1952.
Scherwood R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. New York, 1948.
Stettinius E. Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. New York, 1949.
Stevenson A. The Papers of Adlai Stevenson. Vol. I. Boston, 1972; Vol. II. Boston, 1977.
Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. New York, 1948.
Truman H. Memoirs. Vol. I. Year of Decisions. New York, 1955; Vol. II. Years of Trial and Hope. New York, 1956.
Truman M. Harry S. Truman. New York, 1973.

VI. ПРЕССА И ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ¹

Вопросы истории	American Historical Review
Вопросы философии	Dissent
История СССР	Foreign Affairs
Международная жизнь	Foreign Policy
Новая и новейшая история	Journal of American History
Правда	Journal of Contemporary History
США — экономика, политика, идеология	The Journal of Conflict Resolution
	New York Times Magazine
	Political Affairs
	World Affairs

VII. ИССЛЕДОВАНИЯ

- Агафонова Г. А. Совет национальной безопасности США. М., 1977.
- Американцы размышляют, американцы критикуют. Проблемы внешней политики США. М., 1967.
- Аппатов С. И. Американская буржуазная историография германской проблемы. М., 1966.
- Аппатов С. И. США и Европа: общие проблемы американской континентальной политики. Критический анализ буржуазной историографии США. М., 1979.
- Арбатов А. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980.
- Арбатов Г. А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. М., 1970.
- Богданов Р. Г., Кокошин А. А. США: информация и внешняя политика. М., 1979.
- Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980.
- Воронцов В. Б. Сенатор от Арканзаса. М., 1971.
- Власов А. И. В конфликте с реальностью. Кризис внешнеполитической пропаганды США. М., 1972.
- Внешнеполитические проблемы современности (ответ зарубежным авторам). М., 1964.
- Громыко Анат. А. Внешняя политика США: уроки и действительность, 60—70-е годы. М., 1978.
- Движущие силы внешней политики США. М., 1965.
- Дмитриев Бор. США: политики, генералы, дипломаты. М., 1971.
- «Доктрина Никсона». М., 1972.
- Журкин В. В. США и международно-политические кризисы. М., 1975.
- Иванова И. М. Мирное сосуществование и кризис внешнеполитической идеологии империализма США. М., 1965.
- Игнатов А. И. Атомная проблема и политика США. М., 1960.
- Иноземцев Н. Внешняя политика США в эпоху империализма. М., 1960.
- Израэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция, 1941—1945 гг. М., 1964.
- Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1968.

¹ За 60—70-е годы в неполных комплектах.

- Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977.
- История дипломатии: В 5-ти т./Под ред. А. А. Громыко и др. М., 1974. Т. V, кн. 1; М. 1979. Т. V, кн. 2.
- История внешней политики СССР. В 2-х т./Под ред. Б. Н. Пономарева, А. А. Громыко, В. М. Хвостова. М., 1977. Т. 2 (1945—1976 гг.).
- История международных отношений и внешней политики СССР: В 3-х т./Отв. ред. В. Г. Трухановский. М., 1967. Т. 3.
- Каренин А. Философия политического насилия. М., 1971.
- Келин В. Н. Внешняя политика и идеология. М., 1969.
- Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959.
- Кортунов В. В. Битва идей: (Идеологическая борьба на международной арене). М., 1969.
- Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1976.
- Критика современной буржуазной и реформистской историографии. М., 1974.
- Кулаков В. М. Идеология агрессии. М., 1970.
- Кунина А. Е., Марушкин Б. И. Миф о миролюбии США. М., 1960.
- Кунина А. Е. Идеологические основы внешней политики США. М., 1973.
- Лан В. И. США в военные и послевоенные годы. М., 1978.
- Ларин В. Международные отношения и идеологическая борьба. М., 1976.
- В. И. Ленин и советская внешняя политика. М., 1970.
- Ленинизм и борьба против буржуазной идеологии и антикоммунизма на современном этапе. М., 1970.
- Марушкин Б. И. История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969.
- Международные отношения после второй мировой войны: В 3-х т./Гл. ред. Н. Н. Иноземцев. М., 1962—1965.
- Мельников Ю. М. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970.
- Мельников Ю. М. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М., 1974.
- Мирное сосуществование — ленинский курс внешней политики Советского Союза. М., 1960.
- Орлик И. И. Империалистические державы и Восточная Европа (1945—1965). М., 1968.
- Орлик И. И. Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств (1965—1975). М., 1979.
- Петров В. С. и др. Ленинская внешняя политика СССР: развитие и перспективы. М., 1974.
- Петровский В. Ф. Американская внешнеполитическая мысль. М., 1976.
- Петровский В. Ф. Доктрина «национальной безопасности» в глобальной стратегии США. М., 1980.
- Подлесный П. Т. Американские концепции развития отношений с СССР. М., 1980.
- Проблемы войны и мира и критика современных буржуазных социально-философских концепций. М., 1967.
- Проблемы истории международных отношений и идеологическая борьба. М., 1976.
- Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография. М., 1977.
- Современная буржуазная идеология в США. М., 1967.

- Современные буржуазные теории международных отношений. М., 1976.
- Современные внешнеполитические концепции США. М., 1979.
- Сосинский С. Акция «Аргонавт» (Крымская конференция и ее оценка в США). М., 1970.
- СССР — США: экономические отношения (проблемы и возможности). М., 1976.
- США: политическая мысль и история. М., 1976.
- США: от «великого» к больному... М., 1969.
- Тарасенко В. А. Атомная дипломатия во внешней политике США (1945—1949). Киев, 1958.
- Трофименко Г. А. Стратегия глобальной войны. М., 1968.
- Трофименко Г. А. США: политика, война, идеология. М., 1976.
- Фурсенко А. А. Критическое десятилетие Америки. Л., 1974.
- Хромушин Г. Б. Развешенные мифы. Критика доктрины «американской исключительности». М., 1969.
- Чубарьян А. О. Мирное сосуществование: теория и практика. М., 1976.
- Яковлев А. Н. Идеи нищета апологетов «холодной войны». М., 1961.
- Яковлев А. Н. Идеология американской «империи». М., 1967.
- Яковлев А. Н. Pax Americana. Имперская идеология: истоки, доктрины. М., 1969.
- Яковлев Н. Н. Новейшая история США, 1917—1960. М., 1961.
- Яковлев Н. Н. Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1969.
- Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. М., 1980.

* * *

- Антекер Г. Внешняя политика США и «холодная война». М., 1963.
- Вильямс В. Э. Трагедия американской дипломатии. М., 1960.
- Киссинджер Г. Ядерное оружие и внешняя политика. М., 1959.
- Марзани К. Мы можем быть друзьями. М., 1953.
- Фулбрайт У. Самонадеянность силы. М., 1967.
- America and Russia: from Cold War Confrontation to Coexistence/Ed. by G. Hess. New York, 1973.
- Allen R. Peace or Peaceful Coexistence? Chicago, 1966.
- Alperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. New York, 1965.
- Alperovitz G. Cold War Essays. New York, 1970.
- Atwater E., Forster K., Prybyla J. World Tensions. Conflict and Accommodation. New York, 1967.
- Bailey T. America Faces Russia. Gloucester (Mass.), 1964.
- Bailey T. A Diplomatic History of the American People. New York, 1964.
- Bailey T. Probing America's Past. A Critical Examination of Major Myths and Misconceptions: Vol. I, II. Lexington (Mass.) etc., 1973.
- Baldwin H. The Great Mistakes of the War. New York, 1948.
- Barnet R., Raskin M. After 20 Years: Alternatives to the Cold War in Europe. New York, 1965.
- Barnet R. The Giants. Russia and America. New York, 1977.
- Bemis S. A Diplomatic History of the United States. New York, 1964.
- Bemis S. The U. S. as a World Power. New York, 1955.
- Beyond the Cold War: Essays on American Foreign Policy in a Changing World Environment/Ed. by R. Goldwin. Chicago, 1965.

- Beyond Coexistence. The Requirements of Peace/Ed. by E. Reed. New York, 1968.
- Bishop J.* FDR's Last Year, April 1944 — April 1945. New York, 1974.
- Burnham J.* The Coming Defeat of Communism. New York, 1950.
- Burnham J.* Containment or Liberation? New York, 1953.
- Burnham J.* The War We Are In: The Last Decade and the Next. New York, 1967.
- Brzezinski Z., Huntington S.* Political Power. USA/USSR. New York, 1963.
- Brzezinski Z.* The Soviet Block. Unity and Conflict. Cambridge (Mass.), 1967.
- Brzezinski Z.* The Implications of Change for United States Foreign Policy. Washington, 1967.
- Clemens D.* Yalta. New York, 1970.
- Cold War Critics. Alternatives to American Foreign Policy in the Truman Years/Ed. with an Introd. by T. Paterson. Chicago, 1971.
- The Cold War. Ideological Conflict or Power Struggle?/Ed. with an Introd. by N. Graebner. Boston, 1963.
- The Cold War. A Conflict of Ideology and Power/Ed. with an Introd. by N. Graebner. Lexington (Mass.); Toronto, 1976.
- Containment and the Cold War: American Foreign Policy since 1945/Ed. by T. Paterson. Reading (Mass.), 1973.
- Containment and Revolution/Ed. by D. Horowitz. Boston, 1967.
- Corporations and the Cold War/Ed. by D. Horowitz. New York; London, 1969.
- Cox A.* The Dynamics of Detente: How to End the Arms Race. New York, 1976.
- Crabb C., Jr.* Policy-Makers and Critics. Conflicting Theories of American Foreign Policy. New York, 1976.
- Crocker G.* Roosevelt's Road to Russia. Chicago, 1959.
- Davis L.* The Cold War Begins. Soviet American Conflict over Eastern Europe. Princeton (N. J.), 1974.
- Decline of the West? George Kennan and his Critics. Washington, 1978.
- Defending America: Toward a New Role in the Post Detente World. New York, 1977.
- Detente. Cold War Strategies in Transition/Ed. by E. Dalles, R. Crane. New York, 1965.
- Donovan J.* The Cold Warriors. A Policy-Making Elite. Lexington (Mass.), 1974.
- Druks H. H. S.* Truman and the Russians, 1945—1953. New York, 1966.
- Druks H.* From Truman through Johnson: A Documentary History: Vol. I, II. New York, 1971.
- Easton S.* World History since 1945. San Francisco, 1968.
- Encounters with Kennan: The Great Debate (G. Kennan, L. Labeledz, M. Lasky e. a.). London, 1979.
- Etzioni A.* The Hard Way to Peace. A New Strategy. New York, 1962.
- The Failure of Diplomacy. The Origins of the Cold War/Ed. by G. Kurland. New York, 1975.
- Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957.
- Feis H.* Between War and Peace. The Potsdam Conference. Princeton, 1960.
- Feis H.* The Atomic Bomb and the End of the World War II. Princeton, 1966.

- Feis H.* From Trust to Terror. The Onset of the Cold War, 1945—1950. London, 1971.
- Fleming D.* The Cold War and Its Origins, 1917—1960: Vol. 1, 2. London, 1961.
- Fleming D.* The Issues of the Survival. London, 1972.
- Freeland R.* The Truman Doctrine and the Origins of MacCarthyism. New York, 1972.
- From Colony to Empire. Essays in the History of American Foreign Relations/Ed. by W. Williams. New York etc., 1972.
- Gaddis J.* The United States and the Origins of the Cold War, 1941—1947. New York; London, 1972.
- Gaddis J.* Russia, the Soviet Union, and the United States: An Interpretive History. New York etc., 1978.
- Gardner L.* Architects of Illusion. Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941—1949. Chicago, 1970.
- Gardner L., LaFeber W., McCormick T.* Creation of the American Empire: U. S. Diplomatic History. Chicago, 1973.
- Globalism and its Critics. The American Foreign Policy Debate of the 1960's/Ed. with an Introd. by W. Taubman. Lexington etc., 1973.
- Goodman E.* The Soviet Design for a World State. New York, 1960.
- Graebner N.* Cold War Diplomacy, 1945—1960. Princeton (N. J.), 1962.
- Griffith W.* Cold War and Coexistence. Russia, China and the U. S. Englewood Cliffs (N. J.); 1971.
- Halle L.* The Cold War as History. London, 1967.
- Hammond P.* The Cold War Years: American Foreign Policy since 1945. New York, 1969.
- Hammond P.* Cold War and Détente. The American Foreign Policy Process since 1945. New York etc., 1976.
- Hartmann S.* Truman and 80th Congress. Columbia (Mo), 1971.
- Herring G., Jr.* Aid to Russia, 1941—1946. Strategy, Diplomacy, The Origins of the Cold War. New York; London, 1973.
- Herz M.* Beginnings of the Cold War. Bloomington, 1966.
- Higham J.* Writing American History. Essays on Modern Scholarship. Bloomington; London, 1970.
- The Historian and the Diplomat. The Role of History and Historians in American Foreign Policy/Ed. by F. Loewenheim. New York, 1967.
- Horowitz D.* The Free World Colossus: A Critique of American Foreign Policy in the Cold War. London, 1965 (rev. ed.: New York, 1971).
- Horowitz D.* Imperialism and Revolution. London, 1969.
- Kaplan M.* The Life and Death of the Cold War: Selected Studies in Postwar Statecraft. Chicago, 1976.
- Kennan G.* American Diplomacy, 1900—1950. Chicago, 1951.
- Kennan G.* Realities of American Foreign Policy. Princeton, 1954.
- Kennan G.* Russia, the Atom and the West. London, 1958.
- Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston, 1961.
- Kennan G.* On Dealing with the Communist World. New York, 1964.
- Kennan G.* The Cloud of Danger. Current Realities of American Foreign Policy. Boston, 1977.
- Kennedy J.* The Strategy of Peace. New York, 1960.
- Kintner W.* Peace and the Strategy Conflict. New York etc., 1968.
- Kissinger H.* American Foreign Policy. Three Essays. New York, 1969.
- Kissinger H.* American Foreign Policy. Expanded Edition. New York, 1974.
- Kissinger H.* White House Years. Boston; Toronto, 1979.

- Kolko G.* The Politics of War. The World and United States Foreign Policy, 1943—1945. New York, 1968.
- Kolko G.* The Roots of American Foreign Policy. Boston, 1969.
- Kolko G.* Main Currents in Modern American History. New York, 1976.
- Kolko J. and G.* The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy, 1945—1954. New York; London, 1972.
- Kuniholm B.* The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. Princeton, 1980.
- LaFeber W.* America, Russia and the Cold War, 1945—1966. New York, 1967.
- LaFeber W.* America, Russia and the Cold War, 1945—1971. New York etc., 1972 (3rd ed.: 1976).
- LaFeber W., Polenberg R.* The American Century: A History of the United States since the 1890's. New York etc., 1975.
- Lemish J.* On Active Service in War and Peace. Politics and Ideology in the American Historical Profession. Toronto, 1975.
- Lerche Ch., Jr.* The Cold War and After. Englewood Cliffs (N. J.), 1965.
- Lerche Ch., Jr.* America in World Affairs. New York etc., 1967.
- Lieberman J.* The Scorpion and the Tarantula. The Struggle to Control Atomic Weapons, 1945—1949. Boston, 1970.
- Lindsay M.* Is Peaceful Coexistence Possible?: Michigan State Univ. Press, 1960.
- Link A., Catton W.* American Epoch. A History of the United States since 1900. Vol. III. The Era of the Cold War 1946—1973. New York, 1974.
- Lippmann W.* The Cold War. A Study in U. S. Foreign Policy. London, 1947.
- Lippmann W.* The Communist World and Ours. Boston; Toronto, 1959.
- Lukacs J.* A History of the Cold War. New York, 1961.
- Lukacs J.* A New History of the Cold War. New York, 1966.
- Maddox R.* The New Left and the Origins of the Cold War. Princeton (N. J.), 1973.
- Marshall Ch.* The Cold War: A Concise History. New York, 1965.
- May E.* «Lessons» of the Past. The Use and Misuse of History in American Foreign Policy. New York, 1973.
- McAuliffe M.* Crisis on the Left: Cold War Politics and American Liberals, 1947—1954. Amherst, 1978.
- McNeil W.* America, Britain and Russia: Their Cooperation and Conflict, 1941—1946. New York, 1953.
- Morgenstern G.* Pearl Harbour. New York, 1947.
- Morgenthau H.* In Defense of National Interest. New York, 1951.
- Morgenthau H.* A New Foreign Policy for the United States. New York, 1969.
- Morgenthau H.* Truth and Power. Essays of a Decade, 1960—70. New York, 1970.
- Murray J.* From Yalta to Disarmament: Cold War Debate. New York, 1961.
- Morris E.* Blockade. Berlin and the Cold War. New York, 1973.
- Morton M.* The Terrors of Ideological Politics. Liberal Historians in a Conservative Mood. Cleveland; London, 1972.
- Neuman W.* After Victory: Churchill, Roosevelt, Stalin and the Making of the Peace. New York, 1967.
- Oglesby C., Shaull R.* Containment and Change. New York, 1967.
- The Origins of the Cold War, 1941—1947. A Historical Problem with*

- Interpretations and Documents/Ed. by W. LaFeber. New York etc., 1971.
- The Origins of the Cold War/Ed. by J. Huthmacher, W. Susman. Waltham (Mass.); Toronto, 1970.
- Osgood R. Ideals and Selfinterest in America's Foreign Relations. Chicago, 1953.
- Osgood R. e. a. America and the World. From the Truman Doctrine to Vietnam. Baltimore; London, 1970.
- Paterson T. Soviet-American Confrontation. Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War. Baltimore; London, 1973.
- Paterson T. On Every Front: The Making of the Cold War. New York, 1979.
- Perkins D. The American Approach to Foreign Policy. Cambridge (Mass.), 1962.
- Perkins D. The Diplomacy of a New Age. Major Issues in U. S. Foreign Policy since 1945. Bloomington; London, 1967.
- Perla L. Can We End the Cold War? A Study in American Foreign Policy. New York, 1960.
- Politics and Policies of the Truman Administration/Ed. by B. Bernstein. Chicago, 1970.
- Possomy S. A Century of Conflict. Communist Techniques of World Revolution. Chicago, 1953.
- Pratt J. A History of the United States Foreign Policy. New York, 1955.
- Preventing World War III: Some Proposals/Ed. by Q. Wright, W. Evan, M. Deutsch. New York, 1962.
- Rapoport A. The Big Two. Soviet American Perceptions on Foreign Policy. New York, 1971.
- Rose L. After Yalta. America and the Origins of the Cold War. New York, 1973.
- Rose L. Dubious Victory. The United States and the End of World War II. New York, 1973.
- Rostow W. The United States in the World Arena. An Essay in Recent History. New York, 1960 (rev. ed.: 1969).
- Rostow W. The Diffusion of Power. An Essay in Recent History. New York, 1972.
- Sarnoff J. Programm for a Political Offensive against World Communism. New York, 1955.
- Seabury P. The Rise and Decline of the Cold War. New York; London, 1967.
- Schapsmeier E. and F. Walter Lippmann: Philosopher-Journalist. Washington, 1969.
- Schlesinger A., Jr. The Vital Center. Boston, 1949.
- Schlesinger A., Jr. The Crisis of Confidence: Ideas, Power and Violence in America. Boston, 1969.
- Schuman F. The Commonwealth of Men. New York, 1952.
- Schuman F. Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. New York, 1957.
- Schuman F. The Cold War: Retrospect and Prospect. Baton Rouge, 1962.
- Sherwin M. A World Destroyed. The Atomic Bomb and the Grand Alliance. New York, 1977.
- Shulman M. Beyond the Cold War. New Haven, 1966.
- Shulman M. Relations with the Soviet Union. Washington (D. C.), 1968.

- Siracusa J.* New Left Diplomatic Histories and Historians: The American Revisionists. Port Washington (N. Y.); London, 1973.
- Soviet Strategy for the Seventies. From Cold War to Peaceful Coexistence/Ed. by F. Kohler e. a.: Center for Advanced Intern. Studies Univ. of Miami, 1973.
- Spanier J.* American Foreign Policy since World War II. London, 1962 (4th rev. ed.: New York etc., 1971).
- The Spiritual Legacy of J. F. Dulles. Selections from his Articles and Addresses/Ed. with an Introd. by H. Van Dusen. Philadelphia, 1960.
- Steel R.* Imperialists and other Heroes. A Chronicle of the American Empire. New York, 1971.
- Steibel G.* How Can We Negotiate with the Communists? New York, 1972.
- Steibel G.* Détente: Promises and Pitfalls. New York, 1975.
- Sternsher B.* Consensus, Conflict and American Historians. Bloomington; London, 1975.
- Stillman E., Pfaff W.* Power and Importance. The Failure of America's Foreign Policy. New York, 1966.
- Strausz-Hupé R., Possony S.* International Relations in the Age of Conflict between Democracy and Dictatorship. New York, 1950.
- Strausz-Hupé R., Kintner W., Dougherty J., Cottrell A.* Protracted Conflict. New York, 1959.
- Strausz-Hupé, Kintner W., Possony S.* A Forward Strategy for America. New York, 1961.
- Strausz-Hupé R., Dougherty J., Kintner W. e. a.* Building the Atlantic World. Westport (Conn.), 1974.
- Swomley J., Jr.* American Empire. The Political Ethics of the Twentieth Century Conquest. New York, 1970.
- Succession or Repudiation? Realities of the Truman Presidency?/Ed. by J. Stuart. New York, 1975.
- Theoharis A.* The Yalta Myths. An Issue in U. S. Politics, 1945—1955. Columbia (Miss.), 1970.
- Theoharis A.* Seeds of Repression. Harry S. Truman and the Origins of MacCarthyism. Chicago, 1971.
- The Truman Period as a Research Field: A Reappraisal, 1972/Ed. by R. Kirkendall. Columbia (Mo), 1974.
- Tucker R.* Nation or Empire? The Debate over American Foreign Policy. Baltimore, 1968.
- Tucker R.* The Radical Left and American Foreign Policy. Baltimore; London, 1972.
- Ulam A.* Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967. New York; Washington, 1968.
- Ulam A.* The Rivals, America and Russia since World War II. New York, 1971.
- U. S. Foreign Policy in a Changing World. The Nixon Administration, 1968—1973/Ed. by A. Johnes, Jr. New York, 1974.
- Wallace H.* Toward World Peace. New York, 1948.
- Walton R.* Henry Wallace, Harry Truman and the Cold War. New York, 1976.
- Warburg J.* Put Yourself in Marshall's Place. New York, 1948.
- Warburg J.* Last Call for Common Sense. New York, 1949.
- Warburg J.* How to Coexist without Playing the Kremlin's Game. Boston, 1952.

- Williams W.* American-Russian Relations, 1781—1947. New York; Toronto, 1952.
- Williams W.* The Tragedy of American Diplomacy. New York, 1959 (rev. ed.: New York, 1962).
- Williams W.* The Roots of the Modern American Empire. New York, 1969.
- Williams W.* America Confronts a Revolutionary World: 1776—1976. New York, 1976.
- Wittmer F.* The Yalta Betrayal. Data on the Decline and Fall of Franklin D. Roosevelt. Caldwell, 1953.
- Wolfe A.* The Rise and Fall of the «Soviet Threat»: Domestic Sources of the Cold War Consensus. Washington, 1980.
- Yergin D.* Shattered Peace. The Origins of the Cold War and the National Security State. Boston, 1977.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Адлер Л. 25
 Айкен Дж. 36
 Алахвердов Г. Г. 13, 128
 Аллен Р. 130
 Алпровиц Г. 73, 78, 79, 100, 105, 108, 110, 112, 166
 Аппатов С. И. 12
 Аптекер Г. 13, 14, 51, 52
 Арбатов Г. А. 8—10, 13, 125, 128, 136
 Аспатуриан В. 154
 Ачесон Д. 33

 Банди М. 34
 Барнет Р. 99, 102, 163, 172
 Барнс Г. 18
 Барух Б. 23, 63
 Бейли Т. 38, 66, 69
 Бемис С. 38, 66, 67
 Бернштейн Б. 31, 62, 105, 118
 Бжезинский З. 54, 70, 76, 92, 146, 147
 Бирд Ч. 18
 Бирнс Дж. 23, 56, 72, 77
 Блум С. 64
 Болдуин Х. 18
 Болховитинов Н. Н. 10, 19, 50
 Большаков С. И. 13
 Браун Э. 30
 Брежнев Л. И. 4, 5, 87, 124, 125, 131, 172
 Бэрнхэм Дж. 16, 38, 41, 84—86, 132, 133, 145

 Ван Вудвард К. 50, 53
 Ван Дасен Г. 38
 Ванденберг А. 22, 23
 Вильсон И. 11
 Вильямс В. Э. 38, 62, 105, 106, 110—112, 114, 165, 166
 Висков С. И. 8, 9, 33
 Власов А. И. 9, 10
 Вольф Б. 84, 130

 Гаджиев К. С. 10, 19, 45
 Галле Л. 57, 58, 96, 97, 153, 160

 Гарднер Л. 35, 55, 62, 79, 95, 105, 110, 112, 116
 Гарриман А. 56, 72, 159
 Гатцке Г. 64
 Герринг Дж. 21, 56, 82
 Гитлер 25, 107
 Голдуин Р. 137
 Гордон К. 158
 Горовиц Д. 105, 111—113
 Гриффит У. 83
 Громыко А. А. 8, 122
 Громыко Анат. А. 8
 Грэбнер Н. 42, 57, 70, 71, 88, 89, 91—93, 147, 163
 Грю Дж. 72
 Гудман Э. 84
 Гэддис Дж. 28, 47, 81—83, 119, 140
 Гэлбрейт Дж. 54

 Давыдов Ю. П. 10, 12, 13
 Даллес Дж. Ф. 23, 24, 41, 49
 Даллес Э. 129
 Дементьев И. П. 10, 18, 19, 50
 Дестлер Ч. 18
 Джадд Дж. 64
 Джадос С. 64
 Джонс Э. 154
 Джонсон Л. 49, 73, 144
 Джонсон Ф. 134
 Диррим А. 66
 Дмитриев Бор. 8, 49
 Доган Дж. 83
 Догерти Дж. 84, 86, 134
 Дойч М. 148
 Донован Дж. 46, 101, 102
 Дьюи Дж. 17
 Дэвис Л. 103
 Дюкло Ж. 78

 Елецкий А. Г. 11, 31, 39
 Ерджин Д. 22, 76
 Журкин В. В. 8

 Замошкин Ю. А. 44
 Зинн Г. 51

Иванова И. М. 9, 10, 13

Игрицкий Ю. И. 9, 10

Иноземцев Н. Н. 8, 122

Израэлян В. Л. 8

Истон С. 66

Кантор Р. Е. 50

Каплан М. 45, 46, 86, 168

Каренин А. А. 11, 31, 41, 74, 86

Картер Дж. 4, 44, 125, 126, 134, 151, 172

Кауфман А. 99, 102

Келин В. Н. 9, 10

Кеннан Дж. 26, 27, 31—33, 43, 48, 56, 82, 88, 89, 91, 92, 94, 118, 140, 142—145, 153, 159, 161, 162

Кеннеди Дж. 54, 73, 123, 140, 149, 160

Кеннеди Т. 18

Кеннеди Э. 120

Килгор Х. 36

Кимболл У. 118

Кинтнер У. 84, 86, 87, 132—134

Киркендолл Р. 51, 55, 57

Киссинджер Г. 54, 140, 151, 155—159

Кларк Р. 120

Клеменс Д. 108

Ковальченко И. Д. 45

Кокошин А. А. 75

Колер Ф. 138

Колко Г. 51, 102; 105, 108—114, 116, 117, 167

Кольцов П. С. 13, 128

Коммейджер Г. 25, 64

Кон И. С. 17

Кортунов В. В. 9, 10

Коттрел А. 84, 86

Коул У. 66

Коулс В. 92

Крейн Р. 129

Крок А. 56

Крокер Дж. 84

Квляков В. М. 9, 10

Кулски В. 137

Кунина А. Е. 9, 25

Курланд Дж. 51, 104

Кэмпбелл Т. 21, 56

Лан В. И. 8

Ларин В. 9, 10

Лафебер У. 62, 105, 110, 114, 115, 117, 167

Леги У. 77

Ленин В. И. 3, 7, 58, 128, 130

Лерч-мл. Ч. 89, 93, 153, 154

Либерман Дж. 96—98

Линдсей М. 142

Липпман У. 27, 31—33, 43, 48, 49, 88, 95, 160, 161

Лоуэнгейм Ф. 54, 55

Лукач Дж. 59, 80, 94, 139

Лүкин В. П. 10

Лэйн А. 90

Лэмиш Дж. 53

Лэш К. 52, 56, 57, 79, 105, 116

Манерс Р. 157

Макговерн Д. 120

Макдональд Д. 35

Макнейлл У. 38

Мальков В. Л. 10, 19

Марзани К. 38

Маркантонио В. 36

Марушкин Б. И. 9, 10, 12, 13, 16, 18

Маршалл 26, 68, 90, 109

Матусоу А. 62

Мельвиль А. Ю. 44

Мельников Ю. М. 8, 11, 123, 149

Миллер Л. 119

Миллер Р. 72

Миллис У. 77

Мильтштейн М. А. 162

Моргентау Г. 42, 48, 56, 88, 89, 92—94, 140, 141, 152, 153, 157

Моргенштерн Дж. 18

Моррей Дж. 106, 107, 167

Моррис Э. 82

Мортон М. 19, 52

Мосли Ф. 137

Мурадян А. А. 11, 41, 44

Мэддокс Р. 56, 119

Мэй Э. 54

Мэтьюз Г. 24

Наган Е. 117

Наджафов Д. Г. 18

Нидлер М. 64

Никсон Р. 3, 68, 124, 130, 135, 139, 140, 150, 151, 155—157, 169

Ньюмен У. 80

Оглсби К. 110, 112, 166

Орлик И. И. 12, 13

Осгуд Р. 42, 94, 103

Патерсон Т. 25, 31, 90, 92, 116, 156

Пеппер К. 34, 36, 88

- Перкинс Д. 38, 66—68
 Перси Ч. 125
 Пессен Э. 50
 Петров В. Ф. 11
 Петровская Л. А. 44, 46
 Петровский В. Ф. 8, 11, 39, 44
 Петровский С. А. 44, 46
 Подлесный П. Т. 13, 129, 164
 Поленберг Р. 62
 Поляков В. Г. 9
 Пономарев Б. Н. 8, 122
 Поссопи С. 38, 54, 84, 87, 132—134
 Прайбила Дж. 136
 Пратт Дж. 38
 Притт Д. 25
 Приуссен Р. 119
 Пфафф У. 89
 Пэчтер Г. 57

 Райт К. 148
 Рапопорт А. 46, 100—102, 148, 149
 Раск Д. 129, 145
 Раскин М. 99, 102, 163
 Рейнхард Дж. 38
 Ржешевский О. А. 18
 Рид К. 17
 Рис Д. 71, 138, 139
 Ричардсон Дж. 119
 Родес Дж. 64
 Розенау Дж. 45
 Розуенк Э. 64
 Росту У. 49, 54, 71, 73—77, 92, 145, 146
 Роуз Л. 82, 83
 Рузвельт Ф. 18, 21, 32, 34, 83, 85, 89, 108, 109

 Сарнов Д. 38, 133, 134
 Сасман У. 79
 Сибэри П. 57, 80, 91, 92, 94, 126
 Сивачев Н. В. 10, 45
 Сингер Д. 45
 Сиракуза Дж. 99, 118, 119
 Смит Д. 51, 104
 Смит У. 28, 29
 Смолл М. 104
 Солвей К. 104
 Сосинский С. И. 12, 85
 Спэнье Дж. 40, 66—68
 Ставрианос Л. 64
 Сталин И. В. 90
 Степанова О. Л. 9, 111
 Стерншер Б. 52

 Стеттиниус Э. 21, 22
 Стил Р. 110
 Стиллман Э. 89
 Стимсон Г. 34, 88
 Стипп Дж. 66
 Стоун И. 38
 Стоуссинджер Дж. 157
 Страус-Хюпе Р. 38, 54, 84, 86, 87, 132—134
 Стюарт Дж. 100
 Свомли Дж. 110, 121

 Такер Р. 56, 89, 94, 103, 116—119, 140
 Таубман У. 88
 Тейлор Г. 34, 36, 88
 Теохарис А. 108, 109
 Томпсон К. 157
 Трефуссе Г. 24, 63
 Трофименко Г. А. 8, 9, 11, 13, 27, 129
 Трумэн-Г. 5, 15, 17, 19—23, 25—27, 29, 30, 32—37, 40, 56, 60, 61, 63, 68, 76—79, 81—84, 88, 91, 94, 95, 99, 100, 106, 108, 109, 114, 116, 117, 120
 Трухановский В. Г. 8, 13, 128
 Тэннел Ч. 18, 38

 Уилдавски А. 126
 Уиллет Э. 26, 33
 Уиттмер Ф. 38
 Улам А. 84, 118, 135, 136
 Уоллес Г. 29, 34, 35, 56, 63, 88
 Уорберг Дж. 34, 36
 Уэлч У. 103, 121

 Фейс Г. 38, 56, 71—73
 Феррел Р. 51, 66, 83, 117
 Флеминг Д. 99, 106, 107, 110, 112, 163—165
 Форд Дж. 3, 135, 140, 157
 Форрестол Дж. 26, 28, 33
 Форстер К. 136
 Фостер У. 3, 13
 Фриленд Р. 109
 Фурсенко А. А. 49

 Хаммонд П. 80
 Хантингтон С. 147
 Харвей М. 138
 Хартман С. 99
 Хатмачер Дж. 79
 Хвостов В. М. 8, 122
 Херц М. 71

Хиггинс Г. 118
Холл Г. 13
Холлистер К. 66
Хонфилд У. 36
Хромушин Г. Б. 9, 10

Черчилль У. 23, 32, 77, 89
Чубарьян А. О. 13, 128

Шапсмейер Э. 33, 161
Шапсмейер Ф. 33, 161
Шервин М. 100

Шишов Н. И. 90
Шлезингер-мл. А. 35, 53, 54, 57,
61, 71, 77—79, 81, 92, 94, 104,
105, 114, 124, 149—152

Шолл Р. 166
Шульман М. 54, 96, 98, 153, 158,
159, 164
Шуман Ф. 96, 99, 102, 163, 164

Эван У. 148
Эйзенхауэр Д. 41, 72
Эспин Л. 120
Этзолд Т. 28
Этуотер Э. 136
Этциони А. 148

Яковлев А. Н. 10
Яковлев Н. Н. 8, 9, 18, 28, 30

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. У истоков современных концепций послевоенной истории советско-американских отношений	15
Формирование официозного и критического направлений	15
Влияние «традиционалистских» и «модернистских» теорий на исследование советско-американских отношений	39
Процесс «переоценки ценностей»	47
ГЛАВА II. ПОЛЕМИКА БУРЖУАЗНЫХ ИСТОРИКОВ О ПРИЧИНАХ УХУДШЕНИЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОСЛЕ ВОЙНЫ	55
Особенности трактовки проблемы	55
Апологеты официозных мифов	61
Направление «академической критики»	88
Концепции историков-«ревизионистов»	103
ГЛАВА III. ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОК ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ И ПЕРСПЕКТИВ ИХ РАЗВИТИЯ	122
Теория «тождественности» политики «холодной войны» и мирного сосуществования	122
Сущность концепции «уступок»	142
На позициях реализма	160
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
БИБЛИОГРАФИЯ	172
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	185

НАТАЛИЯ ИВАНОВНА ЕГОРОВА
СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
ПОСЛЕВОЕННОГО ПЕРИОДА
В БУРЖУАЗНОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ
США

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории
Академии наук СССР

Редактор Р. Е. Кантор
Редактор издательства Л. И. Беленькая
Художник М. Р. Ибрагимов
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Э. Л. Кунина
Корректоры Ю. Л. Косорыгин, В. А. Шварцер

ИБ № 18001

Сдано в набор 03.10.80
Подписано к печати 13.01.81
Т-04009. Формат 84×108^{1/32}
Бумага типографская № 2
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 11,4
Тираж 1600 экз. Тип. зак. 5168
Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10